

FEODĀLISMS BALTIJAS REĢIONĀ

Феодализм в балтийском регионе

P. Stučka LĻU

Seno un viduslaiku
vēstures katedra

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

КАФЕДРА ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

ЛГУ им. П. Стучки

Кафедра истории древнего
мира и средних веков

История древнего мира и средних веков
Часть 1

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра истории древнего мира и средних веков

ФЕОДАЛИЗМ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1985

Latvijas PSR Augstākās un vidējās speciālās
izglītības ministrija

Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Seno un viduslaiku vēstures katedra

FEODĀLISMS BALTIJAS REĢIONĀ

ZINĀTNISKO RAKSTU KRĀJUMS

P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1985

IZMANTĀTĀS
AKŠO...

FEODĀLISMS BALTĪJAS REĢIONĀ

Fēodālisms Baltijas reģionā: Zin. rakstu krāj.
/Atb. red. A.Rolova. - Rīga: P.Stučkas LVU, 1985. - 147 lpp.

Krājumā ievietotie raksti veltīti aktuāliem sociāli ekonomiskas, politiskas un kultūras vēstures jautājumiem Baltijas reģionā. Tie aptver hronologiski plašus ietvarus: no XI gs. līdz XX gs. sākumam. Krājums domāts profesionāliem vēsturniekiem, vēstures specialitātes studentiem, kā arī lasītājiem, kas interesējas par mūsu zemes vēsturi.

Статьи, помещенные в сборнике, посвящены актуальным вопросам социально-экономической и политической истории, а также истории культуры в балтийском регионе на протяжении длительного периода с XI до начала XX веков. Сборник предназначен для специалистов-историков, студентов специальности история, а также читателей, которые интересуются историей нашей страны.

Ilustrācijas - 4; tabulas - 4.

REDKOLĒĢIJA:

A.Rolova (atbildīgā redaktore),

H.Līgi, V.Pāvulāne, V.Pāvulāns

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

A.Ролова (ответственный редактор),

Х.Лиги, В.Павулане, В.Павуланс

Publicēts saskaņā ar P.Stučkas LVU
izdevniecības padomes lēmumu

F 10604-022u 2.85.0505010000
M812(11)-85

P.Stučkas
Latvijas Valsts
universitāte,
1985

LVU ZINĀTNISKĀ
BIBLIOTĒKA

831-18-85

A. Rādījē

APBEDIŠANAS PARAŽAS UZKALNIŅU SENKAPOS LATGAJU TERITORIJĀ II GADU TŪKSTOŠĀ PIRMAJĀ PUŠĒ (pēc Rēzeknes rajona materiāla)

Kopš X gs. beigām latgaļu apdzīvotajā teritorijā blakus līdzenajiem senkapiem sastopami uzkalniņkapi. Kaut arī abu šo apbedījumu veidu inventārā un daļā apbedīšanas tradīciju, kā tas vairākkārt atzīmēts¹, vērojama līdzība, tomēr uzkalniņu senkapu izcelšanās, etniskā piederība, izplatība, kā arī apbedīšanas paražas tajos vēl precizējas. Arheoloģiskajā literatūrā šiem jautājumiem pievērsts samērā maz uzmanības. Dažu ar Austrumlatvijas uzkalniņu senkapiem saistītu problēmu analīze un norādījumi etnisko jautājumu risināšanā atrodami F. Baloža, V. Urtāna un E. Šnores darbos².

Austrumlatvijā ir zināms ap 50 minētā veida senkapu ar vairāk kā 4000 uzkalniņiem (1. att.)³. Uzkalniņu senkapu izplatība rietumu virzienā aizsniedz Liepkalni un Jaunpiebalgu, ziemeļu virzienā Plāpus, Augulienas ezeru, Balvus, austrumu virzienā Zilupi, bet dienvidu virzienā Dagdū un Grāverus. To izvietojums nav vienmērīgs. Krāslavas rajona ziemeļu, Ludzas rajona rietumu, Balvu rajona dienvidu daļā un Rēzeknes rajonā (bijušie Ludzas un Rēzeknes apriņķi), kur vispirms parādās minētie pieminekļi, koncentrētas gandrīz $\frac{2}{3}$ šī veida senkapu ar apmēram $\frac{4}{5}$ no visiem reģistrētajiem uzkalniņiem.

Uzkalniņu senkapi saglabājušies mežainos apvidos. To situācija tiešā ūdens tuvumā - upju, ezeru krastos, dažreiz arī purva malā. No ūdens attālāk esošie senkapi ir reta parādība. Uzkalniņu ierīkošanai parasti izmantotas augstas, smilšainas vietas - pauguraini paugstinājumi, nereti kalna kaupres, un tikai izņēmuma gadījumā senkapi atrodas līdzenumā.

Uzkalniņu skaits vienā kapulaukā svārstās no dažiem desmitiem līdz vairākiem simtiem (1. att.): divās trešdaļās no senkapu kopskaita tas nepārsniedz 100, nedaudz vairāk kā vienā trešdaļā ir 200 uzkalniņu un tikai nepilnā vienā trešdaļā to skaits ir lielāks par 200. Lielākie uzkalniņu senkapi koncentrējas to izplatības austrumu daļā. Jāatzīmē, ka uzkalniņu skaitu daudzos pieminekļos šodien nevar noteikt, jo senkapi

stipri cietuši no salmnieciskās darbības un mantraču rakumien.

Apskatāmie uzkalniņu senkapi veidojušies un plaši izplatījušies teritorijā, kur iepriekšējā periodā - I gadu tūkstoša otrajā pusē - saskārās līdzinie senkapi ar skeletkapiem, un uzkalniņu kapulauki, kurus veido dažādas formas uzkalniņi - apaļi, iegareni, gari - ar ugunskapiem uzbērumā vai uz pamatzemes un uzkalniņu senkapi, kurus veido apaļi uzbērumi, ar akmeņiem rīpļi un individuāliem skeletkapiem pamatzemē iedziļinātās kapa bedrēs. Ja līdzināto senkapu etniskā piederība ir skaidra un tos visi pētnieki saista ar latgaļiem⁴, tad jautājums par uzkalniņkapu etnisko piederību vēl līdz galam nav atrisināts⁵. II gadu tūkstoša sākumā visi minēto veidu pieminekļi sastopami vienlaicīgi, pie kam līdzinātos senkapos blakus skeletkapiem reizēm sastopami ugunskapi (parasti sievietu apbedījumi), bet uzkalniņos ar ugunskapiem parādās skeletkapi uz pamatzemes vai pamatzemē iedziļinātās kapa bedrēs⁶. Tas viss liecina par sarežģītu dažādu etnisku grupu mijiedarbības procesu Austrumlatvijā.

Pēdējo gadu arheoloģisko pieminekļu apzināšana un izrakumi Rēzeknes rajonā⁷ devuši datus, kas kopā ar agrāk iegūto materiālu ļauj plašāk raksturot apbedīšanas paražas mūs interesējošos senkapos.

Rēzeknes rajona teritorijā atrodas apmēram $\frac{1}{4}$ senkapu un uzkalniņu. Tie izvietoti rajona centrālajā, dienvidu un austrumu daļā (1. att.), kur reizēm sastopami nelielā attālumā viens no otra. Tā, piemēram, attālums starp Babru un Silgaļu senkapiem ir 1600 m. Pats lielākais ir Rikopoles kapulauks ar 273 uzkalniņiem, bet mazākais - Patmaļnieki ar 13 uzkalniņiem. Grupā uzkalniņi parasti situēti cieši viens otram blakus. Nereti tie vienā kapulaukā veido it kā vairākas nelielas grupas. Uzkalniņu uzbērums pēc savas formas ir apaļš vai arī nedaudz ovāls. Tā diametrs parasti 5-7 m, augstums - 0,3-0,8 m. Apskatāmie uzkalniņi reti sasniedz 10 m diametrā un parasti nepārsniedz 1 m augstumā. Tā Kuciņu senkapos neviens no tajos esošajiem 48 uzbērumiem nesasniedz 10 m diametrā un tikai viens pārsniedz 1 m augstumā. Uzkalniņu vidējais diametrs šajā pieminekļi ir 6,6 m, bet augstums 0,54 m. Patmaļnieku senkapos attiecīgie skaitļi ir 4,8 un 0,62 m.

Uzkalniņu apbedīšanas paražu raksturošanai izmantoti sešu pētīto, ar XI-XIV gs. datētu senkapu materiāls: Batpi (F. Balodis, 1925, 3)⁸, Čakuli (A. Rādiņš, 1983, 2), Greivuli (P. Rikovs, 1916, 2; A. Štokmanis, 1920, 12; E. Šnore, 1935, 1), Kuciņi (A. Rādiņš, 1982, 2), Patmaļnieki (A. Rādiņš, 1980, 3), Rikopole (P. Rikovs, 1915, 11; F. Balodis, 1925, 22).

Uzkalniņu uzbērums veidots no smilts. Labi redzamā ārējā veidola dēļ uzkalniņus stipri sapostījuši mantas meklētāji. Uzbērums virsotnē parasti vērojams neliels iedobums, kuru mēdz uzskatīt par apskatāmajiem uzkalniņiem raksturīgu pazīmi un saistīt ar bērnu rituālu⁹, kā rāda izrakumi, ir minēto postījumu sekas.

Uzkalniņa uzbērumā dažādos dziļumos atrod oglītes, bet pamatā - 0,01-0,15 m biezu pelēkas zemes slāni ar pelnu un ogļu pēdām. Daļēji to var izskaidrot ar sākotnējās augsnes virskārtu¹⁰, daļēji ar piekoptajiem ugunsritiem. Uz šī pelēkās zemes slāņa Kuciņu senkapu 23. uzkalniņā¹¹ atsegta degusi koka konstrukcija (2. att.) - četrstūris, kuru veidoja četri balķi. To diametrs ir 0,15-0,18 m. Ziemeļrietumu balķi izsekoja 3,6 m, ziemeļaustrumu - 1,6 m, dienvidaustrumu - 3,8 m, dienvidrietumu - 2,8 m garumā. Visas konstrukcijas izmēri veido 4,6 x 5,0 m. Tā novietota tā, ka četrstūra stūri iezīmēja debess puses. Balķu galu savienojums nebija nosakāms. Nav skaidrs cik lielā mērā koka konstrukcijas raksturīgas šiem uzkalniņiem. Diemžēl, vairumam līdz šim pētīto uzkalniņu atsegta tikai centrālā daļa, kas neļauj iegūt visu iespējamo informāciju par to uzbūvi. Tomēr arī šādā veidā pētītos uzkalniņos dažos gaļījumos, piemēram, Greivulu senkapos, konstatēti deguši koki¹². Iespējams, ka arī šeit bijušas līdzīgas konstrukcijas.

Uzkalniņus nereti apņem grāvītis, kurš ārēji ne vienmēr nosakāms, bet var atsegties izrakumu gaitā. Tā platums ir 0,8-1,4 m, dziļums - 0,15-0,35 m. Grāvītis ne visur vienādi labi izteikts. Tajā vērojami pārtrankumi (2. un 3. att.). Grāvīti nevar uzskatīt tikai par smilšu iegūšanas avotu uzkalniņa uzbērums sabēršanai, bet tam piešķirama arī noteikta rituāla nozīme. Kuciņu senkapu 31. uzkalniņā konstatēts, ka

grāvītis bijis izrakts jau pirms uzkalniņa uzbēršanas (3. att.), tātad, acimredzot, iezīmējis topošā uzbēruma vietu. Reizēm grāviša vietā ap uzkalniņu atsedz apaļas vai iegarenas formas bedres 0,9-2,5 m diametrā, 0,15-0,40 m dziļumā. Dažreiz ne grāvītis, ne bedres ap uzkalniņiem netiek konstatēti. Piemēram, tie nebija nevienam no Patmaļnieku senkapos izpētītajiem 3 uzkalniņiem¹³. Nav skaidrs, kādi apstākļi noteikuši to, vai ap uzkalniņiem veidots grāvītis jeb bedres vai nē. Var tikai piebilst, ka Patmaļnieku senkapos uzkalniņi situēti cieši viens otram blakus (4. att.).

Uzkalniņi parasti satur vienu, retos gadījumos, ka, piemēram, Rikopoles un Patmaļnieku senkapos¹⁴, divus apbedījumus pamatzemē 0,2-1,0 m iedziļinātās četrstūrveidīgas vai ovālas formas kapa bedrēs. Tās ir 1,9-2,8 m garas, 0,5-1,2 m platas. Neskaidrs ir jautājums par apbedījumiem uz pamatzemes, kurus konstatējis un literatūrā ieviesis P. Rikova¹⁵, F. Baloža un E. Šnores izrakumos tajos pašos pieminekļos (Greivuļi, Rikopole) nekas tamlīdzīgs netika konstatēts. Apbedījumi uzbērumā vai uz pamatzemes arī citos šā veida pieminekļos nav zināmi.

Uzkalniņos konstatēti divu veidu apbedījumi - skeletkapi un simboliskie kapi. Skeletkapos mirušais parasti guldīts uz muguras izstieptā stāvoklī, dažos gadījumos, kā tas konstatēts Greivuļu senkapos¹⁶, arī uz sāniem. Roku stāvoklis visai dažāds - dominē to novietojums uz krūtīm. Mirušie guldīti uz mizām (priedes, retāk egles, bērza¹⁷), dēļu paklāja, vienkoča šķirstos. Ar bērnu rituālu saistītiem ticējumiem izskaidrojama paparžu likšana sievietes apbedījumu pagalvi, kas konstatēta Rikopoles senkapos¹⁸. Šis paradums sastopams arī līdzējās kapulaukos¹⁹.

Mirušie apbedīti svētku tērpos un rotās, līdzīgi dodot arī ieročus, retāk darba rīkus. Inventāra novietojumā vērojamas zināmas likumsakarības, piemēram, vīriešu apbedījumos šķēps un cirvis parasti novietoti pie labās kājas.

Kā zināms, latgaļu teritorijā mirušajam līdzdotie ziedoņi ir reta parādība (parasti tie sastopami vīriešu apbedījumos)²⁰. Šajā sakarībā īpašu ievēribu pelna Čakulu senkapu 7. uzkalniņa sievietes kaps. Traucētajam apbedījumam ne-

skartā stāvoklī bija tikai kāju kauli. Pie abu kāju pēdām atradās pa bronzas zvārgulītim, starp tiem bronzas aproce ar zvērgalvu galiem. Pie labās kājas bija novietota ar bronzas spirālītēm rotātā vilnas audumā ietīta priekšmetu grupa - bronzas kaklarinķis ar četrskaldņu galiem, bronzas kaklarinķis ar noplacinātiem galiem un trapecveida mēlītēm, divas bronzas dobās aproces, divas bronzas aproces ar zvērgalvu galiem, bronzas gredzens ar vidusplāksnīti, kaklarota no kauri gliemežvākiem, bronzas zvārgulišiem un stikla krellēm, bronzas spirālītes (sairis vainags?). Postītajā apbedījuma daļā iegāti kauri gliemežvāki, bronzas spirālītes, vērptomās vārpstas rozā šifera skriemelis.

Tāpat kā līdzēnajos senkapos, arī uzkalnīkapos konsekventi ievērota apbedījumu diametrāli pretēja orientācija - vīrieši ar galvu uz austrumiem, sievietes uz rietumiem (iespējami novirzieni). Ja vienā uzkalnīkā glabāti divi viena un tā paša dzimuma pārstāvji, tie arī vienādi orientēti, kā tas konstatēts Rikopoles senkapos²¹. Sastopami arī izņēmumi. Piemēram, Kuciņu senkapu 23. uzkalnīkā ar XIII-XIV gs. miju datētais vīrieša apbedījums bija orientēts ar galvu uz dienvidrietumiem, Greivūļu senkapu 1. uzkalnīkā ar to pašu laiku datētais vīrieša apbedījums bija novietots ar galvu uz dienvidrietumiem²². Spriežot pēc apbedījumu datējuma, atkāpes no tradicionālās orientācijas minētajos gadījumos acīmredzot varētu būt kristīgās ticības ietekmes rezultāts.

Simboliskiem apbedījumiem raksturīgs tas, ka pie parastā kārtībā novietotā inventāra nav novērojamas nekādas kaulu pazīmes. Kuciņu senkapu 31. uzkalnīkā ziemeļaustrumu-dienvidrietumu virzienā orientētas, 0,35-0,38 m pamatzemē iedziļinātas, četrstūra formas kapa bedres centrālajā daļā atradās bronzas pakavsakta ar atrotītiem galiem, 0,15 m attālumā uz ziemeļaustrumu leņķi no tās - vilnas audumā ietītas divas bronzas aproces ar zvērgalvu galiem un divi bronzas spirālgredzeni (ziedojušs?), bet 0,6 m attālumā no šīs priekšmetu grupas kapa bedres dienvidrietumu galā - dzelzs iedzītā šķēpa gals. Greivūļu senkapu 9. uzkalnīkā saturēja tikai pelēkās zemes kārtu ar pelnu un ogļu pēdām - ne skeleta kauli, ne senlietas netika konstatētas²³. Šādus apbedījumus mēģina iztulkot

kā tālumā kritušo vai mirušo karavīru kapus. Simboliskie apbedījumi uzkalniņkapos, tāpat kā līdzenos senkapos, ir reta parādība²⁴.

Ogļainā zeme kapu bedru, uzkalniņu aptverošo grāviņu un bedru pildījumā, pelnu un ogļu pēdas pelēkajā zemes slānī, deguši koki un ogļītes uzkalniņa uzbērumā liecina par plaši piekoptajiem ugunsritiem un to lielo nozīmi apbedīšanas rituālā,

Kā rāda veiktā analīze, apbedīšanas paražas uzkalniņu senkapos latgaļu teritorijā ir daudz sarežģītākas nekā tas līdz šim tika uzskatīts. Problēmas galīgai atrisināšanai nepieciešami tālāki pētījumi Austrumlatvijā.

Attēlu saraksts

1. att. Uzkalniņu senkapu izplatības karte.

a - grupā līdz 100 uzkalniņiem; b - grupā līdz 200 uzkalniņiem; c - grupā vairāk kā 200 uzkalniņu; d - Rēzeknes rajona robeža. 1 - Čakuli; 2 - Kuciņi; 3 - Greivuli; 4 - Rikopole; 5 - Batņi; 6 - Stikuti; 7 - Patmaļnieki; 8 - Babri; 9 - Silgaļi; 10 - Ošuri; 11 - Krupenišķi.

2. att. Kuciņu senkapu 23. uzkalniņš.

a - velēna; b - jaukta dzeltena smilts; c - brūna zeme; d - dedzis koks; e - pelēka zeme ar ogļu un pelnu pēdām; f - pamatzeme; g - kapa bedres un grāvja robežas; h - senlietas.

3. att. Kuciņu senkapu 31. uzkalniņš.

a - velēna; b - jaukta dzeltena smilts; c - brūna zeme; d - pelēka zeme ar ogļu un pelnu pēdām; e - pamatzeme; f - kapa bedres un grāvja robežas; g - senlietas.

4. att. a - postītie uzkalniņi; b - izpīstītie uzkalniņi.

¹ Balodis F. Vēlais dzelzs laikmets. - Grām.: Latvijas arheoloģija. R., 1926, 87.-89. lpp.; Riekstiņš H. Latviešu cilšu kapu tipi un apbedīšanas parašas dzelzs laikmetā. - R., 1935, 49.-51. lpp.; Шноре Э. Д. Нукшинский могильник. - Рига, 1957, с. 16; Latvijas PSR arheoloģija. - R., 1974, 224. lpp.

² Balodis F. Latviešu kultūras ziedu laiks Latgalē. - Latvijas Saule, 1925, Nr. 34, 355.-364. lpp.; Balodis F. Ludzas-Rāzņas apvidus senvietas. - Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1925, Nr. 11, 479.-487. lpp.; Urtāns V. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē. - Grām.: Arheoloģija un etnogrāfija. R., 1968, 8. sēj., 65.-85. lpp.; Шноре Э. Д. Латгало-славянские контакты на территории Восточной Латвии во второй половине I-го и начале II-го тысячелетия н. э. - In: Acta Baltico-Slavica, 6. Вильнюс, 1969, с. 145-157.

³ Радиньш А. Курганный погребальный обряд в Восточной Латвии в первой половине II т. н. э. /По материалам Резекненского района/. - In: Archeologinēs ir numizmatinēs mēdziaigos komplektavimas ir konservavimas. Vilnius, 1983, с. 50.

⁴ Jakobsons F. Senlatviešu ienākšana Ītāvijā. - Senatne, 1929, Nr. 1, 2. - 20 lpp.; Urtāns V. Etniskās atšķirības apbedīšanas tradīcijās un kapu inventārā Latvijā 5.-9. gs. - Grām.: Arheoloģija un etnogrāfija. R., 1970, 9. sēj., 67.-76. lpp.; Latvijas PSR arheoloģija, 149.-150. lpp.

⁵ Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. - Таллин, 1980, с. 4-16, 98-102; Лебедев Г. С. Проблема генезиса Древнерусской курганной культуры. - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. 1931, вып. 166, с. 22-27; Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. - М., 1982, с. 46-47.

⁶ Urtāns V. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem..., 69.-73. lpp.

⁷ Radinš A. Arheoloģisko pieminekļu apzināšana Daugavpils un Rēzeknes rajonā 1978. gadā. - Grām.: Zin. atskaites ses. materiāli par arheologu un etnogrāfu 1978. g. pētījumu rezult. R., 1979, 65.-66. lpp.; Radinš A. Arheoloģiskie izrakumi Patmaļnieku un Pakruļu senkapos. - Grām.: Zin. atskaites ses. materiāli par arheologu un etnogrāfu 1980./81. g. pētījumu rezult. R., 1982, 108.-110. lpp.

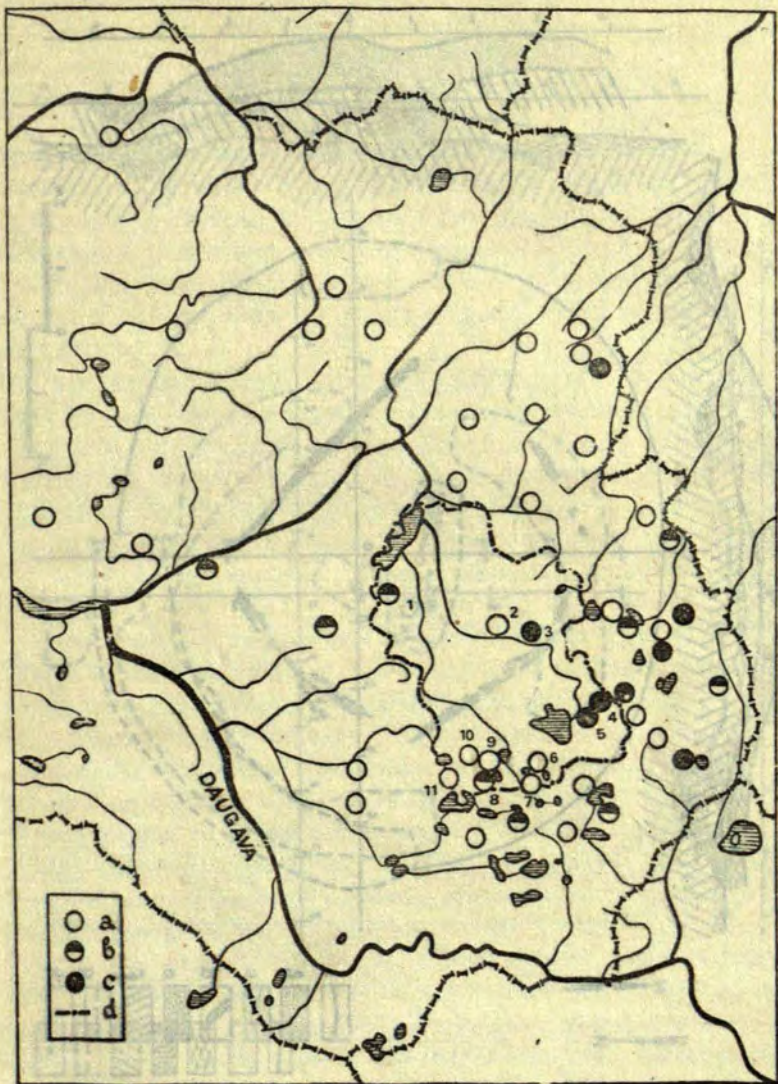
⁸ Iekavšs norādīts izrakumu vadītājs, to veikšanas gads, izpētīto uzkalniņu skaits.

⁹ Balodis F. Ludzas-Rāzņas apvidus senvietas, 483. lpp.; Riekstiņš H. Latviešu cilšu kapu tipi..., 49. lpp.

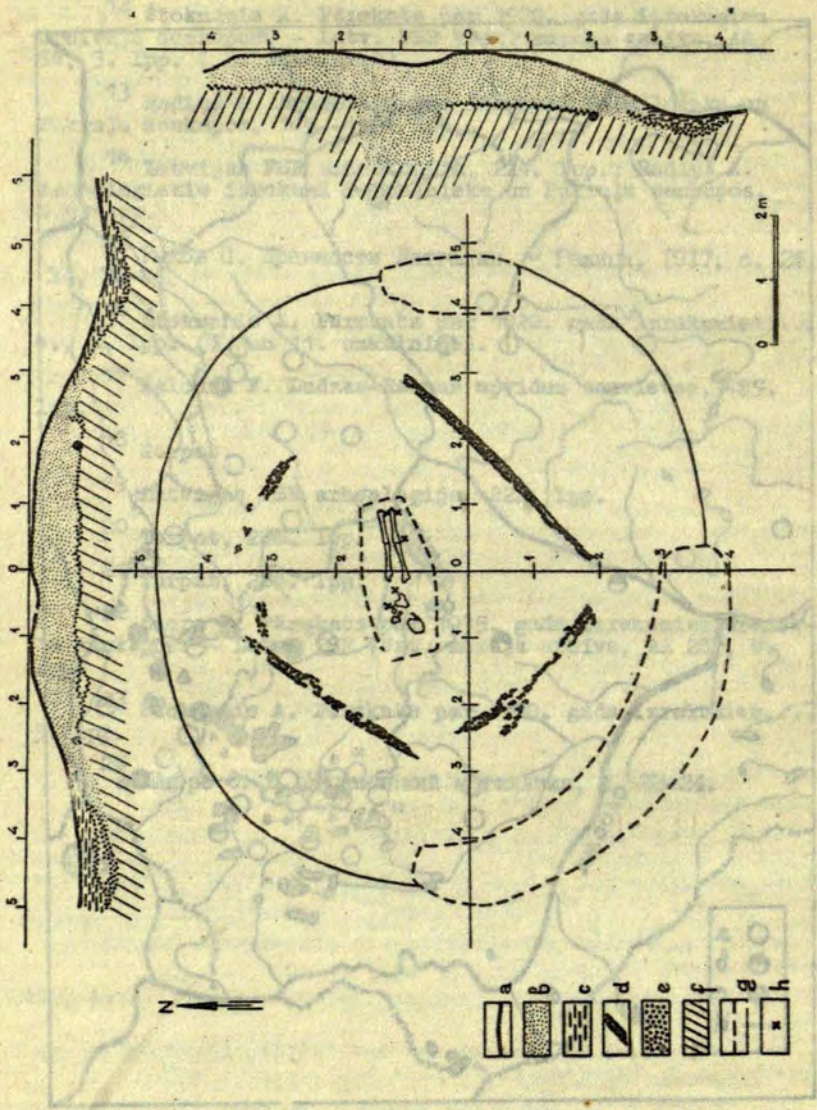
¹⁰ Рук А. М. Некоторые вопросы сооружения и морфологии курганов юго-восточной Эстонии. - Изв. I Эстонской ССР, 1979, № 3, с. 249-266.

¹¹ Šeit lietotā uzkalniņu numerācija atbilst izrakumu vadītāja dotajai numerācijai.

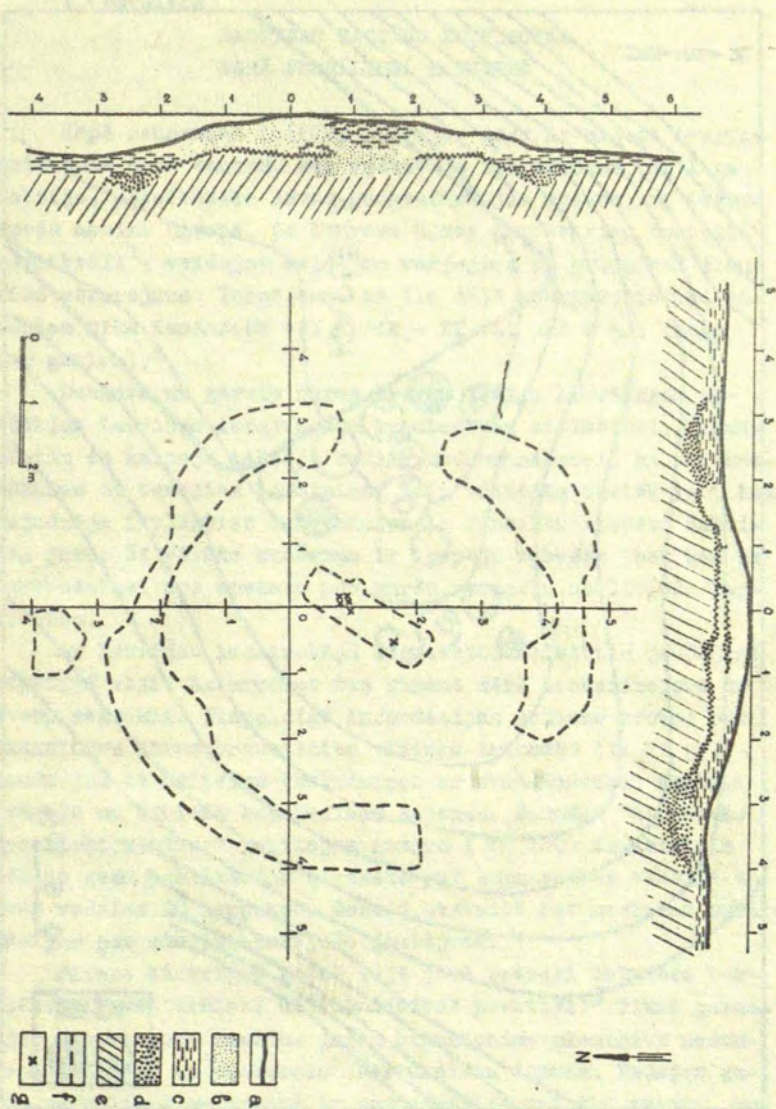
- 12 Štokmanis A. Pārskats par 1920. gada izrakumiem Greivuļu senkapos. - Latv. PSR Vēst. muzeja arhīvs; AA 64, 3. lpp. (3. uzkalniņš).
- 13 Radiņš A. Arheoloģiskie izrakumi Patmaļnieku un Pakruļu senkapos, 108.-110. lpp.
- 14 Latvijas PSR arheoloģija, 224. lpp.; Radiņš A. Arheoloģiskie izrakumi Patmaļnieku un Pakruļu senkapos, 109. lpp.
- 15 Рыков П. Древности Латгалии. - Режица, 1917, с. 26, 34, 37-44.
- 16 Štokmanis A. Pārskats par 1920. gada izrakumiem..., 4., 6. lpp. (7. un 11. uzkalniņš).
- 17 Balodis F. Ludzas-Rāznas apvidus senvietas, 483. lpp.
- 18 Turpat.
- 19 Latvijas PSR arheoloģija, 222. lpp.
- 20 Turpat, 226. lpp.
- 21 Turpat, 224. lpp.
- 22 Šnore E. Pārskats par 1935. gada izrakumiem Greivutu senkapos. - Latv. PSR Vēst. muzeja arhīvs, AA 287, 4. lpp.
- 23 Štokmanis A. Pārskats par 1920. gada izrakumiem..., 5. lpp.
- 24 Шноре Э. Д. Нухшинский могильник, с. 23-24.

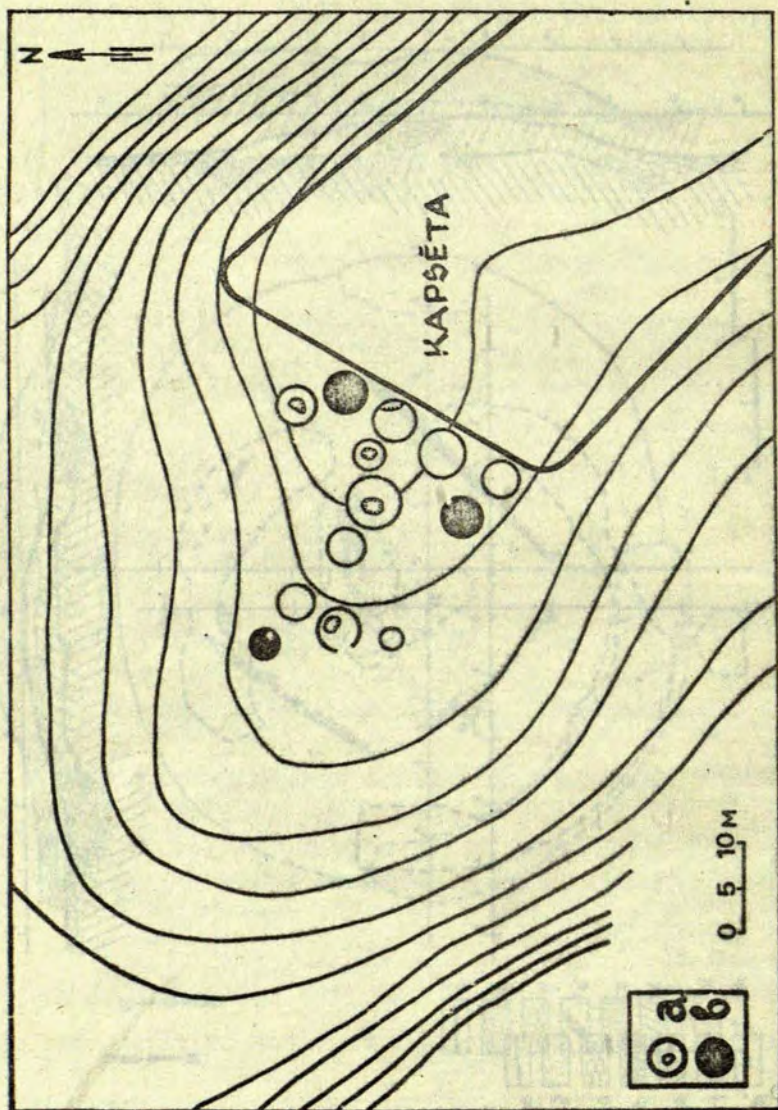
1. attēls

2. attēls

3. attēls

4. attēls

V. Pāvulāns

LATVIJAS TAUTĪBU KUĢNIECĪBA
AGRĀ FEODĀLISMA LAIKMETĀ

Kopš seniem laikiem Baltijas jūra ir bijusi svarīgs satiksmes ceļš tautām, kas apdzīvoja tās krastus. Ar X gs. Baltija, pateicoties savam ģeogrāfiskajam stāvoklim, ieguva īpašu nozīmi Eiropā, jo Daugava kļuva par svarīgu tranzīta magistrali¹, veidojot ceļa "no varjagiem uz grieķiem" dienvidu atzarojumu. Iespējams, ka šis ceļš starptautiskiem sakariem tika izmantots vēl agrāk - VI vai pat V gs. (sāga par gutiem).²

Daugava un garais jūras krasts radīja labvēlīgus apstākļus Latvijas iedzīvotāju kuģniecības attīstībai. Pirmām kārtām tā kalpoja iekšējo sakaru nodrošināšanai, kā arī kontaktiem ar tuvējiem kaimiņiem. Taču vietējām tautām kaut kad vajadzēja ieslēgties internacionālo kontaktu sistēmā Baltijas jūrā. Šī raksta uzdevums ir iespēju robežās (bet tās ir ierobežotas) dot apskatu par kuršu, zemgaļu un lībiešu kuģniecību.

Ar Latvijas iedzīvotāju kuģniecību saistītie jautājumi izpētīti vāji. Acīmredzot tas zināmā mērā izskaidrojams ar avotu stāvokli. Iespaidīgā informācijas straume avotos par skandināvu jūras braucieniem vikingu laikmetā (IX-XI gs.) nomāc jau tā nelielos (salīdzinot ar skandināviem) kuršu, zemgaļu un lībiešu kuģniecības apjomus. Žurnālā "Hansische Geschichtsblätter" jubilejas numurā (Nr. 100) ievietotais pēdējo gadu publikāciju saraksts par kuģniecības vēsturi aptver veselas 20 lappuses. Garajā uzskaitē nav nevienas publikācijas par mūs interesējošo jautājumu.

Pirmos kautrīgos soļus šajā jomā spēruši latviešu buržuāziskie vēsturnieki un kuģniecības praktiķi.³ Tikai garām ejot par vietējo tautību jūras braucieniem pieminēts nedaudzos padomju⁴ un aizrobežu⁵ vēsturnieku darbos. Pēdējos gados republikas periodikā ir parādījušies vairāki raksti, kurus nekritiski izmantojot avotus, dots nepareizs priekšstats par kuršu kuģniecību un Latvijas kuģniecības vēsturi vispār.⁶

Tādējādi tēma gaida savu pētnieku.

Katras tēmas izpēte vispirms atkarīga no avotu stāvokļa. Šinī gadījumā avotu bāze ir neliela un nevienmērīga, tā ir visai sarežģīta un pretrunīga. Turklāt visus rakstītos avotus, kas satur kaut kādu informāciju par doto tēmu, radījuši ārzemnieki, pat no ļoti attālām zemēm (piemēram, Islandes). Šos ļaudis interesēja pirmām kārtām notikumi, kas saistīti ar viņu dzimteni, tautiešu likteņi vai arī plašāka mēroga un spilgtāki notikumi nekā Baltijas tautību jūras braucieni. Tāpēc viņu sacerējumos var atrast tikai skopas ziņas par mūs interesējošo tēmu. Rakstīto avotu daudzums par Baltiju palielinās ar XIII gs. sākumu, kad parādījās hronikas, kas veltītas vācu feodālajai agresijai Baltijā. Taču šo hronistu uzmanības centrā bija galvenokārt militārie un politiskie notikumi, un vietējo tautību kugniecību tie piemin tikai saistībā ar šiem notikumiem. Tiesa, ir kāds ļoti savdabīgs avots - folklorā, vispirms latviešu tautas dziesmas (dainas). Taču šī avota izmantošana ir sarežģīta, galvenokārt tāpēc, ka tas grūti datējams, tam ir vēlāku laiku uzslāņojumi. Pagaidām vēl nav izstrādāta metodika tautas dziesmu kā vēstures avotu izmantošanai.

Gandrīz visi rakstītie avoti, kuros tieši vai netieši ir runa par Latvijas tautību kugniecību, ir stāstošie. Naratīvo vēstures avotu ticamība dažkārt ir ļoti zema. Tos nepieciešams pārbaudīt, pretstatīt citiem vēstures avotiem.

Avotos visvairāk ziņu ir par kuršiem, pēc tam seko zemgaļi un beidzot lībieši, kas acimredzot atbilst katras tautības īpatsvaram kugniecībā.

Tātad ko mēs varam uzzināt no šiem avotiem?

Pirmās ziņas, uz kuru pamata var izdarīt secinājumus par kuršu kugniecību, var atrast Brēmenes arhibīskapa Rimberta sacerējumā "Ansgarija dzīve". Šeit stāstīts, ka kurši IX gs. vidū padzinuši zviedrus, kuriem bijusi pakļauta daļa Kuršas. Uzzinājuši par to, savukārt dāņi nolēmuši pakļaut Kursu un ieradušies ar lielu floti. Kuršiem palīdzējis tas, ka viņi savlaicīgi pamanījuši ienaidnieku. Šī piezīme ir ļoti svarīga: ja tā nebija tīra nejaušība, tad kuršiem vajadzēja būt

kaut kam līdzīgai speciālai jūras sardzei. Protams, tas ir tikai pieņēmums, bet mēs zinām paralēles: tāda jūras sardze, tiesa, mazliet vēlāk (XI gs.), bija dāpien pret vendiem.⁷

Kurši dāpus smagi sakāva. "Ansgarija dzīvē" teikts: "Da-
taque sibi victoria, medietate populi Danorum caede prostra-
ta, medias naves eorum diripuerunt..."⁸ Acīmredzot tā bija
jūras kauja: sakaut un aplaupīt (ja vārdu "diripuerunt" tul-
ko kā "aplaupt") pusi dāpu flotes, kura gatavojās pakļaut
Kursu, varēja tikai tad, ja kuršiem bija pašiem sava pietie-
koši spēcīga flote.

854. gadā pie Kursas krastiem atkal parādījās zviedri.
Viņi uzbruka kuršu piliij Zēburgai (Seeburg). Ja pareiza ir
Zēburgas lokalizācija tagadējā Grobiņā,⁹ tad rodas jautājums,
kāpēc kurši savu "jūras pili" cēluši 10 km no jūras pie Alan-
des upes, kas savieno Zēburgu ar jūru. Acīmredzot šeit bija
jūras osta. No apstiprina Rimberta vārdi, ka pēc Zēburgas
ieņemšanas zviedru konungs atļāda savu floti (demissis na-
vibus) un pa sauszemes ceļu devās uz citu pili - Apuli. Tā-
dējādi Zēburga bija kuršu jūras osta, kuršiem bija sava flo-
te un tie nodarbojās ne tikai ar jūras sirojumiem, bet arī
ar tirdzniecību, jo, ja visa tirdzniecība šajā periodā būtu
atradusies tikai zviedru rokās, tad pēc viņu izdzīšanas no
Kursas tirdzniecībai vajadzēja pagriemt. Taču arheoloģiskais
materiāls rāda, ka tirdznieciskie sakari turpinājušies un
IX-X gs. kuršiem bijuši ļoti cieši sakari ar kontinentālo
Zviedriju, īpaši ar Eirku.¹⁰

Rimberts lieto ļoti neskaidrus apzīmējumus kaut kātām
Kursas administratīvajām vienībām: "Regnum vero ipsam quin-
que habebat civitates."¹¹ Protams, Kurša IX gs. nebija kara-
liste un apzīmējums "regnum" jāsaprot kā tīri ģeogrāfisks
jēdziens,¹² bet minētās piecas "civitates" droši vien bija
kādas teritoriālas kopienas vai novadi.¹³ Ļoti vilinoši ir
pieņemt, ka tie bija kuru novadi (kā Norvēģijā) vai kaut kas
līdzīgs tingu novadiem Gotiandē, un jādoms, ka katram no šīm
novadiem bija sava osta, tā tas bija kaimiņu Gotlandē.¹⁴ Ļo-
ti ticams, ka nelielais attālums un pastāvīgie kontakti, vie-
nādie ģeogrāfiskie apstākļi noteica politiskās iekārtas li-
dību kaimiņu teritorijās. Padomju un zviedru arheoģu

pēdējās publikācijās pacelts jautājums par to, kas šajos kontaktos spēlēja aktīvāko lomu - kurši vai gotlandieši.¹⁵

Tādējādi Rimberta stāstījums sniedz interesantu materiālu nopietnām pārdomām par kuršu kugniecību IX gs. Protais, ne jau IX gs. ir tā robeža, kad sākas kuršu jūras braucieni. Tiem ir senāka tradīcija. B. Nermans uzskata, ka zviedru iekarojumi Kursā sākas jau kopš 600. gadiem,¹⁶ bet A. Lundstrēma savstarpējos kontaktus atbīda pat uz 400. gadiem.¹⁷ Mums ir pamats domāt, ka šie kontakti jau tolaik varēja būt abpusēji. Īsti intrigējošs ir stāstījums par tā saucamo Brovalas kauju ap 750. gadu.¹⁸ Šajā stāstījumā ir daudz legendāra. Vēsturieki uzskata, ka šī kauja starp dāņu konungu Haraldū Hildetandu un sveju konungu Sigurdu Ringu notikusi pie Brovikenas (Smolandes piekrastē).¹⁹ Haraldam it kā palīdzējuši slāvi, sakši un lībieši, bet Sigurdam - kurši un igauņi. Sigurdam un viņa sabiedrotajiem bijis ne mazāk kā 2500 kugu.²⁰ Mums nav nekāda priekšstata par to, cik no tiem piederēja kuršiem.

Kā jau bija teikts, šie fakti ir neskaidri, tie ir legendāri, tos nepieciešams pārbaudīt, bet pagaidām tas nav izdevies. Vadoties pēc avotu stāvokļa, periodu līdz X gs. kuršu jūrniecības vēsturē var saukt par legendāru.

Kopš X gs. kugniecības attīstības aina kļūst skaidrāka. Šajā laikā rakstītajos avotos ziņas par Baltijas tautībām sastopamas biežāk, tās ir konkrētākas. Tas izskaidrojams, no vienas puses, ar to, ka biežāki un aktīvāki kļūst skandināvu braucieni uz Baltiju, bet, no otras puses, var pieņemt, ka pieaug vīlēto Baltijas jūras braucēju aktivitāte.

Avotos parādās tā saucamais Austrumu ceļš. Tas ietver sevi arī Kursu un Igauniju.²¹ Islandiešu sāga par Egilu stāsta par viņa braucieni X gs. pirmajā trešdaļā pa Austrumu ceļu uz Kursu.²² Atbraukušie vikingi sākumā centās radīt iespaidu, ka viņiem ir paši miermīlīgākie mērķi: viņi noslēdza ar kuršiem kaut kādu miera vai tirdzniecības līgumu un pusmēnesi mierīgi tirgojās, bet pēc tam sāka laupīt. Tas liecina par to, ka ne tik vienkārši bija pēkšņi uzbrukt šai zemei, kā tas bija parasts skandināviem. Egils ar 12 vikingsiem krita bagāta un ietekmīga kuršu zemnieka gūstā; tā mājā

jau bija trīs dāpu gūstekņi. Tie stāstīja, ka kurši viņus sagūstījuši pagājušā vasarā. No sēgas nav zināms, kur dāpi krita gūstā: Kursā pēc kāda neveiksmīga dāpu sirojuma vai Dānijā. No konteksta izriet, ka tas noticis Dānijā. Un vēl: Egils nosauc bagāto kurši par bonču. No tā dzīves veida, bagātības (viņa mājā daudz sudraba) un ievēkmes apraksta var spriest, ka tas piederējis bonču virsotnei. Aclaredzot tas bija kādas teritoriāles kopienas (ciema?) vecākais; tieši viņa mājā tika novietoti Egils un tā vikingi. Šķiet, ka viņš nodarbojies ar kugniecību: no kurienes tam dāpu gūstekņi un tik daudz sudraba?

Sēgā par Ulofu Trigvesonu stāstīts, ka Ulofa uāte kopā ar mazo Ulofu, baidīdamās no karalienes Gunhildas un tās dēlu vajāšanām, bēg uz Kijevas Krievzemi (X gs. 70. gadi). Jūrā viņiem uzbrukuši vikingi un sagūstījuši. Izrādījās, ka šie vikingi bija igauņi.²³ Ja Snorri Sturiusons lietojis vārdu "vikingi", tad tas nozīmē, ka igauņi bija jūras braucēji un karotāji, ko var pielīdzināt skandināvu vikingiem. Par cik igauņi un kurši dzīvoja vienādos apstākļos un atradās vienādā attīstības pakāpē, tad pēc analogijas var teikt, ka kurši bija ne mazāk pieredzējuši jūras braucēji un karavīri.

Paši interesantākie rakti attiecas uz XI gs. Avotos stāstīts par intensīviem Baltijas tautību sirojumiem Skandināvijā. Sēgas par Magnusu Labo 23. nodaļā teikts, ka dāpu valstij, kura tajā laikā bija palikusi bez karaļa, regulāri uzbrukuši vendi, kuri (kurši) un citas tautas no Austrumu ceļa, kā arī sakši.²⁴ Interesanti, ka starp tautām, kas bieži uzbrukuši Dānijai, kurši, tāpat kā vendi un sakši, speciāli izdalīti, viņi nosaukti atsevišķi starp citām Austrumu ceļa tautām. Ir zināms, ka pret vendiem dāpi organizēja karagājienus. Nav ziņu, ka dāpi to būtu darījuši arī attiecībā uz Kursu. Var domāt, ka kuršu uzbrukumi Dānijai neizbeidās. XI gs. vidū dāpu karaļa Sveins atkal nodarbojās ar speciālas "jūras saržes" organizēšanu pret vendiem un citām Austrumu ceļa tautām, kā arī pret kuršiem. Tie viņi nosaukti par vikingiem. Speciāli atzīmēts, ka šai saržei jāfunkcionē kā ziemeļi, tā vasarā.²⁵

Fakts, ka XI gs. vidū divās sākās kurši izdalīti speciāli kā bīstami jūras laupītāji, liecina par viņu kugniecības augstu līmeni. Turklāt jāpiezīmē, ka šie divi avoti sniedz pirmās neapstrīdāmās liecības par kuršu kugniecības sasniegumiem. Ja kurši sasniedza Dānijas krastus, tad var domāt, ka XI gs. viņi apmeklēja un postīja arī zviedru piekrasti.

Interesantus secinājumus ļauj izdarīt rēnu uzraksti. Pēc J. Meļņikovas datiem kontinentālajā Zviedrijā un Gotlandē atrasti 8 (??) uzraksti, kuri attiecas uz Latvijas teritoriju, taču ar Kurzemi saistīts tikai viens no tiem - Šānheimas uzraksts Gotlandē. Tas vēstī, ka kāds Liknats jeb Likvoss miris Vindejā.²⁶ Acīmredzot, tā ir Ventas upe vai apmetne Ventas grīvā. Rodas jautājums, kāpēc uz Kurzemi, kura atrodas tik tuvu Zviedrijai un kam ir tik seni kontakti ar to, attiecas tikai viens akmens. Acīmredzot tas izskaidrojams ar to, ka kurši tagad bija ļoti bīstami jūras sirotāji, viņi aktīvi uzbruka Skandināvijai, bet skandināvi sāka izvairīties no kuršiem un pakāpeniski izbeidzās viņu sirojumi uz Kursu. Un, ja kanoniķis Brēmenes Ādams XI gs. stāsta, ka kurši ir pati nežēlīgākā cilts, ka visi no viņiem bēg, ka viņiem ir daudz zelta un ļoti labi zirgi,²⁷ tad viņš runā par kuršiem kā bīstamiem karotājiem.

Attiecībā uz XII gs. ticamas informācijas ir maz. Tas ir saprotami: ar vikingu laikmeta izbeigšanos kļuva mazāk par ko stāstīt, mazāk interesantu piedzīvojumu un tāpēc samazinājās sāgu un rēnu uzrakstu tipa skandināvu avotu skaits. Taču tie fakti, kas ir mūsu rīcībā, liecina par to, ka kuršu sirojumi turpinājās un viņu kugniecība attīstījās tālāk.

Pēc hronista Sakša Gramatiķa (XII gs. beigās - XIII gs. sākumā) ziņēm, tai laikā, kad valdīja legendārais dāņu konungs Roriks (XII gs. vidus), kurši un zviedri kopā ar vendiem centās likvidēt meslu atkarību no Dānijas.²⁸ Sāgā par Knitlingiem (aptver periodu no X gs. līdz 1187. g.²⁹) ir stāstījums par kuršu pirātiem, kuru vajātais sembu (Sambijas pussala Prūsijā) tirgotājs Vidgautrs bijis spiests patverties Hedebijā. Pateicībā par labu uzņemšanu viņš dāvinājis dāņu konungam Kanutam (Kanuts IV - 1163.-1202.) 8000 baltas ka-

žokādas.³⁰ Tas pierāda, ka kurši siroja Dānijas ūdeņos arī XII gs. Citos avotos stāstīts, ka 1177. g. kurši un igauņi nostiprinājušies Ēlandes salā, 1180. g. tie nogalinājuši zviedru bīskapu Rodulfu.³¹ Zviedriem nācās lūgt dāņu (Dundas) arhibīskapa Absolona bruņniekus palīgā, lai padzītu pirātus no salas. 1187. g. "pagāni" sagrāva zviedru tirdzniecības pilsētu Sigtunu. Daži vēsturnieki uzskata, ka starp šiem "pagāniem" bijuši kurši un igauņi.³² Šo domu apstiprina ziņas sākā par Knitlingiem. Tajā stāstīts, ka igauņi, kurši un karēļi nav devuši miera Zviedrijai un padarījuši bīskapa tirdzniecības ceļu gar tās krastiem.³³

XII gs. jūras braucienos palielinājās tirdzniecības īpatsvars. Acīmredzot tas attiecas arī uz kuršiem. Jau tika atzīmēts, ka vēsturnieki atzīst lielu līdzību starp Gotlandes salu un Kursas piejūras rajoniem, īpaši saimnieciskās darbības jomā. Ir zināms, ka Gotlandes bondu virsotne nodarbojās ar tirdzniecību.³⁴ Var domāt, ka arī piejūras kuršu virsotne nodarbojās ar aizjūras tirdzniecību. Par Baltijas tautību tirdzniecību liecina vācu imperatora Frīdriha I 1188. g. privilēģija Lībekai. Tajā teikts, ka krievi (Rut-heni), gotlandieši (Gotli), normāņi un citas austrumu tautas var brīvi iebrukt Lībekā un tirgoties bez muitas.³⁵ Tā kā Austrumu ceļš ietver arī Baltijas teritoriju, apzīmējums "austrumu tautas" attiecas uz kuršiem, igauņiem, lībiešiem, jo krievi nosaukti atsevišķi. Bet XII gs. otrajā pusē Baltijas jūrā izveidojās nelabvēlīgi apstākļi vietējo iedzīvotāju kugniecības un jūras tirdzniecības tālākai attīstībai: tur parādījās vācu tirgotājs, bet aiz viņa - garīdznieks un bruņnieks.

Ar vācu iebrucēju iespīēšanos Baltijā radās arī jauni vēstures avoti, kuros ir nesalīdzināmi vairāk materiāle par Baltijas tautībām, tai skaitā arī par vietējo iedzīvotāju kugniecību nekā iepriekšējos rakstītajos avotos. Visvērtīgākos faktus var atrast Latviešu Indriķa hronikā. Tajā visvairāk ziņu par kuršu kugniecību. Hronikas pašā sākumā stāstīts, ka bīskapa Meinharda laikā tika organizēts krusta karš pret kuršiem. Karagājienis neizdevās spēcīgas vētras dēļ.³⁶ Interesanti, ka karagājiēnā piedalījās arī zviedri. Tas ap-

stiprina jau teikto, ka kuršu uzbrukumi Skandināvijai turpinājās arī XII gs. Par to ļoti skaidri liecina vēl viena vieta hronikā. 1203. g. bīskaps Alberts sastapa Listrijā (Dānijas karalistes luvēds) "pagānus igāņus no Sāmsalas ar 16 kugiem; viņi nesēn bija nodedzinājuši baznīcu, ļaudis nonēvējuši un dažus aizveduši gūstā, zemi bija nopostījuši, zvanus un baznīcas lietas aizvazājuši, kā to bija parādūši līdz šim darīt kā pagāni igāņi, tā kurši Dānijas un Zviedrijas valstī".³⁷

Zīmīgi ir tas, ka minētais krusta karš Baltijā bija vērstas tieši pret kuršiem, kaut gan vācu agresorus pirmām kārtām interesēja Daugava. Acīmredzot tas bija organizēts tāpēc, ka kuršu jūras braucēji ļoti stipri traucēja vācu krustnešu plānus. Šādu secinājumu apstiprina miera līgums, kas tika noslēgts starp kuršiem un vāciešiem 1201. g. Hronists stāsta: "Pa tam kurši, dzirdējuši par bīskapa atnākšanu un pilsētas sākšanu, ne baiļu dēļ no kara, bet uz Kristus saucienu rīkoja sūtņus uz pilsētu noslēgt mieru; šim mieram kristīgie piekrita, to apstiprināja pēc pagānu ierašas ar asins izliešanu".³⁸ Vārdi "ne baiļu dēļ no kara" liecina par to, ka kurši bija pārliecināti par savu spēku, par savas flotes spēku un nebaidījās no kara ar vāciešiem un mieru noslēdza acīmredzot tāpēc, ka gribēja tirgoties ar Rīgu. Vācieši arī uzskatīja par labāku pagaidām dzīvot mierā ar tik bīstamiem kaimiņiem kā kurši. Pašā līguma noslēgšanas faktā nekādā gadījumā nedrīkst saskatīt vāciešu pārsvaru, jo kāpēc gan tad viņi pieļāva miera līguma apstiprināšanu "pēc pagānu ierašas ar asins izliešanu". Pat tie vācieši, kuru pastāvīgā dzīves vieta bija Visbija, negribēja sarežģīt attiecības ar kuršiem un sāmsaliešiem. Teikto apstiprina Latviešu Indriķa stāstījums. 1203. g. bīskaps Alberts ar krustnešiem ieradās Visbijā. Dažas dienas pēc tam te parādījās sāmsalieši "ar visu savu laupījumu" (nesēn atpakaļ viņš tos bija sastapis Listrijā - sk. iepriekš): Tālāk hronists raksta: "Kad peregrīni tos redzēja braucam ar turām, viņi pārmeta pilsoņiem un tirgotājiem, ka tie atļaujot kristīgā vārda ienaidniekiem ar mieru braukt garām savai ostai. Kad tie kavējās un gribēja labāk piecāties drošam mieram ar viņiem"³⁹, tad peregrīni cīnījās

ar sāmsaliešiem vieni un sagraiba divus kugus. Analogisks gadījums bija dažus gadus pēc kuršu uzbrukuma Rīgai 1210. g. (sk. tālāk), kad "atnāca friži ar peregrīnicu... Gotlandes salā un atrada tur kuršus ar lielu laupījumu" un sāka ar tiem kauju.⁴⁰ Tā kā vietējie vācu iedzīvotāji nav minēti cīnītāju vidū, tad acīmredzot tie "gribēja labāk priecāties drošam mieram" arī ar kuršiem.

No kuršu puses miers tika ievērots līdz 1210. gadam. Šajā gadā, kad bīskaps Alberts ar lielāko daļu krustnešu devās uz Vāciju, Irbes šaurumā pēkšņi parādījās kurši "ar 8 pirātu kugiem", kas acīmredzot atgriezās no kāda sirojuma. Izraisījās kauja un vācieši cieta visai smagu sakāvi: vika nogalināti 30 braucinieki un vēl citi ļaudis.⁴¹

Tai pašā 1210. gadā vietējie iedzīvotāji nolēma apvienotiem spēkiem sagraut Rīgu, saķert visus vāciešus un nogalināt tos. Latviešu Indriķis atstāja iespaidīgu kuršu kara flotes aprakstu: "... visa jūra rādījās kā ar tumšu mākonī pārklātu."⁴² Dažādu apstākļu dēļ, un galvenais - bija palaists garšs pēkšņuma moments - iecere neizdevās. Tomēr neveiksmīgais pasākums neatstāja manāmas pēdas uz kuršu floti, kurši turpināja aktīvi darboties Baltijas jūrā un ne vienu reizi vien vēl vācieši ar viņiem tikās jūras kaujās. Par vienu šādu gadījumu stāsta Latviešu Indriķis. Dažus gadus pēc kuršu karagājienu uz Rīgu vācu krustneši sastapa kuršus Gotlandē, kur tie bija apstājušies atceļā no sirojuma. Vācieši tos pēkšņi aplenca, gandrīz visus nogalināja, sagraiba četrus "pirātu kugus" un daudz mantu, "ko viņi bija nolaupijuši krīstīto zemēs".⁴³ Tomēr liekas, ka vispār pēc 1210. gada abas puses - vācieši un kurši - centās izvairīties no atklātām sadursmēm: 1211. un 1220. gadā vācieši caur Kursu nosūtīja savus sūtņus⁴⁴, 1214. gadā viņi noraidīja lībiešu priekšlikumu sarīkot karagājienu uz Kursu.⁴⁵ Šāds stāvoklis turpinājās līdz 20. gadu pašām beigām, kad sākas Kursas iekarošana.

Rakstīto ziņu par citu Latvijas tautību - zengāļu, lībiešu - jūras braucieniem ir ārkārtīgi maz, bet par latgaļiem vispār nav.

. Skandināvu avotos ziņas par Zengāli parādās XI gs. sūtu

uzrakstu veidā. Kopā uz Zengali attiecas trīs vai četri uzraksti. Starp tiem visinteresantākais - uzraksts no Mervalas (Södermanlandē) - stāsta par to, ka kāda Sigrida uzstādījusi šo akmeni savam vīram Sveinam, kurš kugi ar dārgām precēm bieži braucis ap Kolkas ragu (tumisnis) uz Zengali (simkala).⁴⁶ Svarīgi piebilst, ka minētais Sveins turp braucis tirdzniecības kugi (knari, knörr). Par skandināvu tirdzniecību Zengalē acīmredzot runā arī uzraksts uz akmens Jekstenā⁴⁷ un varbūt arī uzraksts no Grenstes (abi Södermanlandē), kurš vēsti, ka Torsteins braucis pie zengāļiem.⁴⁸ Minētie uzraksti liecina par to, ka skandināvu un zengāļu kontaktos svarīgu vietu ieņēma tirdzniecība. Par cita rakstura kontaktiem stāsta sāga par Ingvaru Ceļotāju.⁴⁹ Tiesa, tā pieder pie fantastisko sāgu grupas, bet daļa sāgas faktu tiek atzīta par ticamu.⁵⁰ Sāga vēsti, ka kādreiz laikā starp 1035. un 1041. gadu Ingvars devies uz Zengali pēc mesliem. Pēc dažiem sarežģījumiem viņam izdevies dabūt meslus zeltā, sudrabā un citās lietās. Šeit ir vietā atgādināt, ka kurši likvidēja meslu atkarību no zviedriem jau IX gs. vidū (sk. 18. lpp.). Zengāļiem acīmredzot nebija pietiekoši spēcīga flote, lai aizkavētu zviedru (šķiet, epizodiskos) braucienus pēc mesliem.

Tomēr daži fakti dod pamatu runāt arī par zengāļu iespējamo kugniecību. Ļoti interesants šinī sakarībā ir uzraksts uz svaru kārbīpas, kas atrasta Sigtunā. Tajā teikts, ka "Djarvs saņēmis (?) šos svarus no zengāļa ...-landā".⁵¹ Vārds ar sastāvdaļu "-lande" nav Zengale. Ja pieņem, ka stipri bojātās runu zīmes apzīmē kādu aizjūras zemi (bet ne "Idfland" vai "Kurland"), tad tas var kalpot kā liecība zengāļu jūras braucieniem. Bez tam no kurienes zengāļiem zelts un sudrabs mesliem Ingvaram? Diezin vai tikai no sauszemes tirdzniecības vien.

Dažus faktus izvirzītā pieņēmuma apstiprināšanai var atrast Latviešu Indriķa hronikā. Hronists stāsta: "Šai laikā kaimiņi, pagāni zengāļi, izdzirduši par akmens būvi (Ikšķiles pils - V. P.) un nezinādami, ka viņus (akmeņus) savstarpēji nostiprina ar kaļķiem, atrāca ar lielām kugu tauvām un domāja savā muļķa prātā ievilkāt pili Daugavā..."⁵² Kugu tauvas

Jau ir drošāks pierādījums tam, ka zemgaļi bija pazīstami ar kugniecību. Tiesa, par kugu tauvām var nosaukt jebkuras resnas stipras virves, tomēr nedrīkst aizmirst, ka Latviešu Indriķis labi pārzināja vietējos apstākļus.

Citā hronikas vietā Latviešu Indriķis stāstīja, ka Romas pāvests "noteikti aizliedza zem anatēmas visiem apmeklēt tirdznieciskā nolūka Zemgali, sevišķi viņu ostu".⁵³ Pagaridām nav izdevies pietiekami pārliecinoši lokalizēt zemgaļu ostu, kaut gan hipotēžu daudz.⁵⁴ Mūs interesē pats ostas pastāvēšanas fakts, turklāt pietiekoši svarīgs, ja jau vācieši to uzskatīja par bīstamu konkurenci Rīgai, jo kādāļ gan tad to aizliegt. Kāpēc zemgaļiem pašiem sava osta? Vai tas nepierāda to, ka zemgaļi nodarbojās ar jūras braucieniem? Droši vien zemgaļu kugniecība nesasniedza tādas apjomus, kā kuršu, viņi acīmredzot nedevās tik tālos braucienos, taču ar jūru pazīstami tie bija. Par to liecina arī arheoloģiskais materiāls. Uz šī materiāla pamata arheologi, pirmkārt kārtām ā. Mugurevičs, izteikuši domu, ka ne tikai kurši, bet arī daži zemgaļu karavīri un tirgotāji jau IX-XI gs. varēja atsevišķos gadījumos apmeklēt Skandināviju.⁵⁵

Tagad par lībiešiem. Pirmās, tiesa, ne visai ticamas ziņas par lībiešu kugniecību atrodam Saksis Gramatiķa stāstījumā par Brovalas kauju VIII gs. vidū (sk. 20. lpp.). Tur teikts, ka Haralda flote bijusi stipra, pateicoties tam, ka tajā piedalījušies slāvi, lībieši un sakši.⁵⁶

Neskatoties uz to, ka rakstītajos avotos nav liecību par lībiešu jūras braucieniem IX-XI gs., negribas ticēt, ka lībiešu līdzdalībai Brovalas kaujā (ja tā ar taisnību) ir gadījuma raksturs. Lībieši atradās pastāvīgos kontaktos ar skandināviem; Daugava bija viens no vikingu ceļiem uz austrumiem, bez tam skandināvi rīkoja sīrojumus uz lībiešu zemi vai arī tirgojās ar tiem. Avoti daudzreiz stāsta par skandināviem lībiešu zemē, piemēram, Saksis Gramatiķis (viņa ziņā gan ne vienmēr patiesas), rīnu raksts uz akmens no Odas (Södermanlandē) un uz akmens no Vekholmas (Upplandē).⁵⁷ Abi uzraksti attiecas uz XI gs.

Latviešu Indriķa hronikā no jauna parādās fakts, kas dod iespēju apgalvot, ka lībiešu kugniecība nebija pārtrūkusi.

Latviešu Indriķis raksta, ka XII gs. beigās lībieši no Salas (Salaspils), atteikušies no kristietības, ar izsmieklu jautājuši Meinhardam: cik maksājot sāls un vadmala Gotlandē.⁵⁸ Tātad lībieši labi pazinusi Gotlandi un acīmredzot apmeklējuši šo salu tirdznieciskos nolūkos.

Tādējādi izskatītais materiāls rāda, ka ar kugniecību bija pazīstami ne tikai kurši, bet arī zemgaļi un lībieši, taču kurši neapšaubāmi ar sirojumu braucieniem un aizjūras tirdzniecību nodarbojās nesalīdzināmi vairāk nekā citas tautības Latvijā.

No dažiem faktiem, ko sniedz Latviešu Indriķis, var izdarīt ļoti interesantu secinājumu: savdabīga loma Baltijas tautību aizjūras sirojumos bija Gotlandes salai. Gotlande bija sava veida bāze, starpstacija uzbrukumiem citiem Skandināvijas novadiem. Acīmredzot gotlandiešu bondu virsotne, kura nebūt nebija ieinteresēta Zviedrijas un Dānijas spēkā, atrada kopīgu valodu ar kuršu un sāmsaliešu virsotni. Hronikā ne reizi vien ir runa par to, ka kurši un sāmsalieši apstājušies Gotlandē, kur varēja atpūsties, pārlūkot un pāršķirot salaupīto un daļu varbūt pārdot, lai no vietējiem vai vācu tirgotājiem (tie apmetās Gotlandes salā kopš XII gs. vidus) varētu nopirkt nepieciešamās preces. Ir pat iespējams, ka starp gotlandiešiem un Baltijas tautībām pastāvēja kaut kāds mutisks līgums. Jāņem vērā tas, ka Gotlande bija dabiska starpstacija Baltijas jūras kugniecībā, tāda tā bija arī vāciešiem. Jau bija teikts, ka 1203. gadā bīskaps Alberts ar krustnešiem pie Gotlandes salas krastiem sastapa sāmsaliešus, bet dažus gadus pēc kuršu uzbrukuma Rīgai krustneši sastapa tur kuršus. Interesanti ir tas, ka abos gadījumos krustnešu cīņās ar sāmsaliešiem un kuršiem gotlandieši nepiedalījās.

Par ciešiem sakariem starp Kursu un Gotlandes salu liecina arī kāds juridisks vēstures avots. 1230. gada 23. decembrī daļa pakļautās Kursas noslēdza līgumu ar pāvesta leģātu Alnas Balduinu. Līguma teksts lakoniski vēstī, ka kurši uzņemās tās pašas nodevas, kādas pilda gotlandieši.⁵⁹ Nodevu konkretizēšanas trūkums liecina par to, ka Gotlandē pastāvošā kārtība kuršiem bija ļoti labi pazīstama un neprasīja

speciālu izklāstu, un mums ir pamats domāt, ka starp Kursu un Gotlandi pastāvēja cieši mierīgi kontakti vēl XIII gs. pirmajās desmitgadēs, kas nav reāli bez pietiekoši intensīvas kugniecības.

Tā kā Baltijas tautību kugniecība bija saistīta ar sirojumem un bez tam nereti nācās cīnīties ar citiem pirātiem, tad jūrā tie devās flotēs. Latviešu Indriķa hronikā var atrast dažus datus par kugu skaitu šādās flotēs: 16 sāmsaliešu kugi izpostīja Istriju,⁶⁰ igauņi uzbruka vāciešiem "ar 10 pirātu un 12 citiem kugiem",⁶¹ kurši ar 8 pirātu kugiem parādījās Irbes šaurumā,⁶² pie Gotlandes krastiem vācieši sastapa kuršu floti un sagraba četrus kugus.⁶³ Pēc hronikas datiem uz viena kuga bija 30 cilvēku.⁶⁴ Tādējādi sirojumos piedalījās līdz dažiem simtiem bruņotu vīru. Tas bija pietiekami iespaidīgs spēks, lai nodrošinātu vairāk vai mazāk veiksmīgu laupīšanas karaģājienu. Teikto apstiprina materiāls par skandināvu karaģājiem. Sāgā par Njalu stāstīts, ka kāds dižciltīgs islandietis Gunnars gatavojies doties vikingu sirojumā ar diviem kugiem, bet norvēģis Elvirs teicis, ka tā esot neprātīga ideja, un piesolījis vēl divus kaujas kugus.⁶⁵ IZRādījās, ka šāds kuģu skaits (četri) ir pilnīgi pietiekams, lai sekmīgi karotu ar citiem vikingiem un laupītu Sambijā un sasniegtu Sāmsalu. Islandiešu kugi gan acīmredzot bija lielāki.

Taču tie ir tikai atsevišķi sirojumi. Noteikt kuršu flotes kopējo lielumu nav iespējams. Uz netieš zīpu un analogiju pamata var veidot tikai zināmu priekšstatu par to. Tā Latviešu Indriķis raksta, ka uzbrukuma laikā Rīgai 1210. gadā kuršiem bijis tik daudz kugu, ka "visa jūra rādījās kā ar tumšu mākonī pārklāta", un rīdzinieki "redzēja pagānu daudzumu un lielu karaspēku uz viņiem nākam".⁶⁶ Atskapu hronikā atrodam ļoti līdzīgu sembu flotes aprakstu. XIII gs. 50. gadu sākumā sembi bija nolēmuši sagraut Klaipēdas pili un ar lielu floti iegāja Nemunā. Kugu bijis tik daudz un tie stāvējuši tik cieši viens otram blakus, "ka izskatījās, it kā tilts pār dzelmi būtu pāri klāts", pa kuru varēja pāriet upi.⁶⁷ Un vēl viens fakts: 1211. gadā igauņi uzbruka Turaidai. Igauniem bijis "daudz tūkstoši jātnieku un vairāki tūk-

stoši ar kugiem atbraukušo". Vāciešiem izdevās sagrābt un atvest uz Rīgu "gandrīz trīs simti pagānu pirātu kugus, neskaitot mazos".⁶⁸

Salīdzināšanai var piebilst, ka kaujā pie Svolderas 1000. gadā slavenajam norvēģu konungam Ulofam Trigvesonam bija pavisam 60 kugu.⁶⁹ Tiesa, starp tiem bija tāds milzis, kā "Garais pūķis" ar 200 karavīriem, neskaitot 68 airētājus. 1136. gadā Boļeslava Greizmuta vasalis Ratibors organizēja "tiem laikiem lielu karagājienienu" uz Konungahellu (tagad Kungelva Zviedrijā) ar 650 kugiem un 44 vīriem uz katra kuga.⁷⁰ Dāņu karalim Valdemāram II Uzvarētājam XIII gs. sākumā bija 1400 kugu liela flote.⁷¹ Dānija gan tolaik bija pati spēcīgākā valsts Baltijas areālā.

Tādējādi var teikt, ka Baltijas tautībām, kas visaktīvāk nodarbojās ar kugniecību, bija liela spēcīga flote, ar kuru varēja veikt tālas laupīšanas ekspedīcijas un tirdznieciskus braucienus un kas radīja nopietnus draudus vāciešu kugniecībai un traucēja viņu nostiprināšanos Baltijā.

Jautājums par Latvijas tautību kugu ārējo izskatu un konstrukciju ir atsevišķa, speciāli pētāma tēma un šinī rakstā tas netiks skarts. Var tikai piebilst, ka visas tautas, kas apdzīvoja Baltijas jūras krastus, uzturēja senus un pastāvīgus kontaktus, tām visām bija vienādi kugniecības apstākļi un tāpēc izveidojās vairāk vai mazāk vienādi kugu tipi. Domājams, ka kuršu, sāmsaliešu un citu vietējo tautību kuģi atbilda Baltijas jūras reģionā izplatītajam kuga tipam.

Apkopojot visu iepriekšteikto, jāatzīmē, ka Latvijas tautību kugniecības attīstībā var izdalīt divus periodus. Pirmais, puslegendārais, ilgst līdz X gs.; viņu ir ārkārtīgi maz, lai radītu kaut cik ticamu ainu, un tāpēc jāapmierinās ar rūpīgi izsvērtām hipotēzēm. Otrais periods, vēsturiskais, sākas X gs., kad viņu vairāk un tās ticamākas. Un ja jau rakstīto avotu autori "pamanīja" Baltijas tautību kugniecību, tas nozīmē, ka tā bija sasniegusi jau ievērojamus apjomus. Īpaši labvēlīgs Baltijas tautību jūrniecības attīstībai bija periods kopš XI gs. otrās puses, kad vājinājās skandināvu hegemonija Baltijas jūrā. Idejas, ka var runāt par kuršu-sāmsaliešu (un varbūt arī sembu) dominantu Baltijas jūras

austrumdaļas kugniecībā. Šo tautību jūrniecības uzplaukums turpinājās līdz XIII gs. sākumam, kad vācu tirgotāji un krustneši sāka pakāpeniski ierobežot, izspiest vietējās tautības no Baltijas jūras tirdzniecības un kugniecības, sāka graut viņu agrākos sakarus. Tiesa, to nebija tik vienkārši izdarīt. Vietējās tautības pretojās, jāatceras kuršu uzbrukums Rīgai, sembu uzbrukums Klaipēdai. Liekas, ka pat pēc Latvijas un Igaunijas zemju pilnīgas un galīgas sagrābšanas senās vietējās kugniecības tradīcijas nebija pilnīgi iznīcinātas. 1255. gada vāciešu līgumā ar sāmsaliešiem teikts, ka sāmsaliešiem jābūt "gataviem karagājieniem, ziemā zirgos, pavasarī un vasarā kugos, ja tas būs nepieciešams vāciešiem."⁷² Diezgan lielu vietu jautājumi par kugniecību ieņem 1267. gada līgumā ar kuršiem.⁷³ Tas liecina par to, ka vietējo tautību piekrastes kugniecība saglabājās. Zināmos labvēlīgos apstākļos tā varēja atdzimt, protams, jaunā kvalitātē. Tāda vietējās kugniecības atdzimšana vērojama sevišķi XVI-XVII gs.

¹ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. - Рига, 1965, с. 98.

² Lundström A. Grobin - Ansgars krönikans Seeburg? - In: Gutar och vikingar / Red. I. Jansson. Stockholm, 1983, s. 324.

³ Malvess A. Latviešu tirdzniecības sakaru un kugniecības attīstība. - Grām.: Kugniecības gadagrāmata ; 2. gads. R., 1927, 12.-49. lpp.; Švābe A. Senā Kursā. - Grām.: Straumes un avoti. R., 1938, 1. sēj., 45.-114. lpp.; Sams M. Latviešu senā kugniecība : Pēc lekcijām Latviešu senatnes pētītāju b-bā 1938. g. - R., 1939. - 48 lpp.; Malvess R. Senās Latvijas kugniecības vēsture. - R., 1940. - 353 lpp. (Manuskripts mašīnrakstā glabājas Rīgas vēstures un kugniecības muzejā, VRVM 21826, i II 207).

⁴ Zutis J. Agrie viduslaiki Latvijā. - R., 1948. - 48 lpp.; Moora H. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. - R., 1952. - 168 lpp.; Skolis J. Senais Rīgas kugis. - Grām.: Par tehnikas vēsturi Latvijas PSR / J. Panovko red. R., 1964, 6. laid., 97.-110. lpp.; Moora X., Лиги X. Хозяйство и общественный строй Прибалтики в начале XIII века. - Таллин, 1969, с. 27-28; Stepiņš P. Seno kuršu jūrnieki un viņu kugi. - Grām.: Dabas un vēstures kalendārs 1969. gadam. R., 1968, 181.-185. lpp.; Caune A. Kugu atradumi senajā Rīgas ostā. - Grām.: Dabas un vēstures kalendārs 1969. gadam. R., 1968, 194.-198. lpp.

5 Rebas H. Internationella medeltida kommunikationer till och genom Balticum. - In: Historisk tidskrift, Stockholm, 1978, N 2, s. 163-164; Kellenbenz H. Bauerliche Unternehmertätigkeit im Bereich der Nord- und Ostsee vom Hochmittelalter bis zum Ausgang der neueren Zeit. - In: Vierteljahrsschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte. Wiesbaden, 1962, Bd. 49, H. 1, S. 3-5; Thunmark-Nylén L. Gotland och Ostbaltikum. - In: Gutar och vikingar / Red. I. Jansson. Stockholm, 1983, s. 306-322.

6 Sk. diskutējamos rakstus: Zalsters A. Akmens kugi un debess puses. - Zvaigžpotā debess, 1983. g., pavasaris, 38.-41. lpp. Zalsters A. Kurzemes pirmā bāka. - Zvaigžpotā debess, 1981. g., ziema, 64.-66. lpp.

7 Pāvulāns V. Publikācija, kas noder arī vēsturniekiem. - LPSR ZA Vēstis, 1982, Nr.5, 138.lpp.

8 Vita Anskarii. - In: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Berlin, 1961, S. 94.

9 Švābe A. Senā Kurša, 50. lpp.; Zeids T. Feodālisms Idivonijā. - R., 1951, 57. lpp.; Nerman B. Grobin-Seeburg: Ausgrabungen und Funde. - Stockholm, 1957.

10 Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли..., с. 85.

11 Vita Anskarii, S. 94.

12 Zeids T. Senākie valstiskie veidojumi Latvijā latviešu buržuāziskās historiogrāfijas apgaismojumā: Kritisks apcerējums. - Grām.: Vēstures problēmas / J. Zuša red. R., 1962, 5. laid., 41. lpp.

13 Moora H. Pirmatnējā kopiena..., 97. lpp.; Zeids T. Feodālisms Idivonijā, 51. lpp.

14 Lundström P. De komo vida... Vikingars hamm vid Paviken på Gotland. - Udevalla, 1981, s. 7.

15 Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли..., с. 85; Thunmark-Nylén L. Gotland och Ostbaltikum, s. 320. [ukš]

16 Nerman B. Grobin-Seeburg..., S. 177.

17 Lundström A. Grobin - Ansgars krōnikana Seeburg?, s. 324.

18 Saxo Grammaticus. Die ersten neun Bücher der dänischen Geschichte. - Berlin, 1900, S. 407; Zeids T. Feodālisms Idivonijā, 57. lpp.

19 Vikingatidens ABC / Red. L. Thunmark-Nylén. - /Stockholm/, 1981, s. 34-35.

20 Saxo Grammaticus, S. 406.

21 Джексон Т. Н. "Восточный путь" исландских королевских саг. - История СССР, 1976, № 5, с.167.

- 22 Senās Latvijas vēstures avoti / Izd. A. Švābe. - R., 1937, 2. sēj., 1. burtn., Nr.10 (turpmāk: SLVA).
- 23 Снопри Стурлусон. Круг Земной. - М., 1980, с. 100.
- 24 Turpat, 391. lpp.
- 25 Turpat, 430. lpp.
- 26 SLVA, Nr. 17; Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. - М., 1977, № 21, с. 209.
- 27 Adam Bremensis. Gesta Hamburgensis ecclesiae pontificium. - In: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Berlin, 1961, S. 454.
- 28 SLVA, Nr.20.
- 29 Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. - М., 1979, с. 132.
- 30 Okulicz-Kozaryn E. Życie codzienne Prusów i Jaćwiegów w wiekach średnich (IX-XIII w.). - Warszawa, 1983, s.195.
- 31 Zutis J. Agrie viduslaiki Latvijā, 41. lpp.; Malvess R. Senās Latvijas kugniecības vēsture, 19. lpp.
- 32 Švābe A. Senā Kurša, 56. lpp.; bet I. Šaskoļskis, piemēram, uzstājas pret pieņēmumu, ka Sigtūnas sagravē piedalījušies kurši /Шаскольский И. П. Сигтунский поход. - Исторические записки, 1944, т. 29, с. 135-163/.
- 33 Okulicz-Kozaryn E. Życie codzienne Prusów i Jaćwiegów..., s. 198.
- 34 Irving H. Gotlands medeltid. - Visby, 1978, s. 131; Friberg N. och Friberg I. Målar områdets handelsgeographi. - In: Sankt Eriks årsbok. Stockholm, 1969, s. 47.
- 35 SLVA, Nr.23.
- 36 Indriķa Livonijas chronika / Tulk. J. Kriņš. - R., 1936, I, 13 (turpmāk: LI).
- 37 Turpat, VI, 1.
- 38 Turpat, V, 3.
- 39 Turpat, VII, 1-2.
- 40 Turpat, XIV, 3.
- 41 Turpat, XIV, 1.
- 42 Turpat, XIV, 5.
- 43 Turpat, XIV, 3.
- 44 Turpat, XV, 2; XXIV, 11.
- 45 Turpat, XVIII, 5.
- 46 Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи, № 38.
- 47 Turpat, Nr.29.
- 48 Turpat, Nr.31.

49 SLVA, Nr. 11.

50 Мельникова Е. А. Экспедиция Ингвара Путешественника на восток и поход русских на Византию в 1043 г. - В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1976, т. 21, с. 75, 78.

51 Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи,

№ 77.
52 II, I, 6.

53 Turpat, IV, 6-7.

54 Skat. Pāvulāns V. Vācu tirgotāju un feodaļu uzbrukums Kursas un Zemgales satiksmes ceļiem. - IFSR ZA Vēstis, 1964, Nr. 10, 19. lpp.

55 Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли..,

с. 85.
56 Saxo Grammaticus, S. 407.

57 Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи,

№ 40, 64.
58 II, I, 11.

59 Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепин Л. В. Пути развития феодализма /Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика/. - М., 1972, Приложение № 2, § 3.

60 II, VII, 1.

61 Turpat, VIII, 4.

62 Turpat, XIV, 1.

63 Turpat, XIV, 3.

64 Turpat, VII, 2.

65 Die Sage von weisen Njal. - Leipzig, 1978, S. 99-100.

66 II, XIV, 5.

67 Atskaru chronika; Ditleba Alnpekes "Rimju chronika" / Atdzej. J. Saiva. - R., 1936, 3839-3847.

68 II, XV, 3.

69 Kosiarz E. Wojny na Bałtyku X-XIX w. - Gdańsk, 1978,

с. 35.
70 Turpat, 39. lpp.

71 Turpat, 52. lpp.

72 Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепин Л. В. Пути развития феодализма, Приложение № 5, § 8.

73 Turpat, Pielikums Nr. 6, 10.-12. §.

Э. Гудавичюс

ПО ПОВОДУ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ "ДИАРХИИ" В
ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Существование Вильнюсского и Тракайского княжеств в политической системе Великого Княжества Литовского во второй половине XIV в. - факт общеизвестный. Но имеются некоторые намеки и на более раннее их существование. Перечислим их.

Неясные обстоятельства смерти Гедимина - отдельная тема. Но именно анализ источников, излагающих эти обстоятельства /Новгородской первой летописи, хроники Бенеша Вейтмильского/, позволяет заключить, что тракайский король, о гибели которого под Баербургом в 1337 г. упоминает Виганд Марбургский, с Гедимином ничего общего не имеет.¹ Тем самым приходится говорить о тракайском князе до Кейстута, а следовательно и о существовании Тракайского княжества хотя бы в 30-х годах XIV в.

Сам Гедимин был преемником не своего отца, а брата Витеня. Из этого следует вопрос: имел ли он надел до прихода к власти и если имел, то где? В этой связи надо учесть две заметки Петра Дюсбургского. В одной из них рассказывается о предательстве Пелужа /1286-1288 г./, позволившего крестоносцам не только убить "вроде второго человека после литовского короля", но и расправиться со многими другими князьями, бывшими у него в гостях.² Местность Петром Дюсбургским не указывается, но кое-что можно заключить по именам самых орденских братьев, осуществивших эту операцию /Мартин из Голина, Конрад Дьявол, Штофмель/. Это рыцари Кенигсбергского комтура, раньше активно участвовавшие в порабощении ятвягов, и теперь "при отправлении в Литву", достигшие Западного Буга.³ Другими словами, вся их деятельность происходила в среднем течении Немана /от Гродно до Каунаса/. Здесь уместно вспомнить, что и Рагнитский замок, ставший в дальнейшем главной базой пограничных набегов ордена на Жемайтию и на нижнее течение Немана, был построен только в 1289 г.⁴ Тем самым вся ситуация заставляет считать наиболее вероятным районом набега упомянутых крестоносцев правобережную область среднего течения Немана, где во второй половине XIV в. находилось Тракайское княжество.

Во второй интересующей нас заметке Петра Дюсбургского анонимный посол Гедимина, прибывший в 1324 г. в Ригу; тоже называется "вроде вторым после короля"⁵, т. е. вторым человеком в Литве после великого князя. Следует учесть, что посылка князей /иногда стоящих очень близко к великому князю/ с дипломатическими поручениями была скорее обычным приемом литовских монархов, чем исключением. Так, послом Миндовга к папе был князь Нерисской земли Парбус.⁶ В 1379 г. с важной миссией за границу направился Скиргайла, в то время бывший главной опорой Ягайлы.⁷ Есть основание предположить, что в 1358 г. императора Карла IV посетил брат Ольгерда.⁸

Достоверность отмеченных сведений Петра Дюсбургского подтверждается Ипатьевской летописью. В записи 1289 г. говорится о двух литовских правителях - Будикиде и его брате Будивиде.⁹ Запись позволяет судить об их иерархическом отношении: слова "брат его Будивид" говорят о подчиненном положении и тем самым позволяют считать Будикида верховным князем. Это подтверждается и ливонским актом 1290 г., где Будикид / *Butegeyde* / прямо называется королем.¹⁰

В литературе Будивид отождествляется с Пукуьером. / *Puciverus* /¹¹, которого Петр Дюсбургский в записи 1292 г. называет великим князем и отцом Витеня.¹² За такое предположение говорят как хронологическая близость сведений Петра Дюсбургского и Ипатьевской летописи, так и сам характер обоих вариантов имени. В немецком произношении звук "б" очень часто переходит в "п". Следует также учесть соответственное смещение как в русских, так и в немецких источниках букв "д" с "т" и "т" с "к". Кроме того, в готическом письме нетрудно смешать букву "t" с "r" и особенно с "c". Именно на последнюю ошибку в известном нам тексте Петра Дюсбургского указывает форма, зафиксированная в "Сводие литовских государей" А. Ротундуса - *Putinuerus* или *Putiverus* / А. Ротундус при этом ссылается как раз на Петра Дюсбургского/.¹³ Поэтому очень вероятно, что *Puciverus* - это искаженное имя *Budvietis* или *Butvydas* /ход искажения: *Butuidus* (*Buduetus*) - *Putuetus*-*Pucuerus*).

Сведения о Будикиде и Будивиде /Пукувере/ опять дают пример наследования великокняжеского престола не сыном, а

братом. При этом владетельное положение Будивида при старшинстве Будикида налицо: именно они оба договариваются с вольнским князем. Мы не знаем характера связи между Тройденом /умершим в 1282-1283 г./ и Будикидом-Будивидом, не знаем также конкретных отношений между Тройденом и его братьями. Однако неоднократное упоминание Ипатьевской летописью брата Тройдена Сирпутя¹⁴ говорит об активной политической роли последнего. Не следует забывать, что и Миндовг начал политическую карьеру при своем старшем брате Довспрунга, а потом возвысился над своими племянниками, которые скорее всего и были сыновьями того же Довспрунга.¹⁵

Из всего сказанного следует, что по структуре литовская раннефеодальная монархия отнюдь не была столь монолитной, как это иногда представляется. И наследование в ней четко по нисходящей линии установилось видимо только со второй четверти XIV в. /Гедимину наследовали его сыновья/, хотя нельзя забыть об устранении Явнута его братьями Ольгердом и Кейстутом в 1345 г. и Ягайлы его дядей Кейстутом в 1381.

Мы не располагаем прямыми данными о политической и территориальной структуре литовского феодального государства XIII и первой половины XIV в. Только в 1323 г. первый раз упоминается Вильнюс - как местность, город и резиденция великого князя. Совокупность косвенных данных позволяет очертить домен Миндовга примерно междуречьем среднего течения Немана и Нериса, земли его племянников Товтивила и Едивида - районом Вильнюса, родовой массив владений Тройдена и его братьев - правым берегом среднего течения Нериса¹⁶ /тем самым Кернаве следует считать основным, родовым замком Тройдена/.

Как известно, примерно эта же территория /Трагай, Вильнюс, в какой-то мере и Кернаве/ была главной опорой Гедиминовичей. В то же самое время так называемое Завелье /земли к северу от Нериса/ даже и в XVI в. считались "провинцией": тогда еще сохранилось традиционное право, по которому войсковое ополчение Завелья /аналогично Жемайтии/ не может быть отделено для разных особых заданий от главных сил войска.¹⁷ Наряду с этим надо учесть, что земли Делтувы /район Укмерге/ и Нальши /северовосточная Литва/ были владениями мелких князей, подчиненных Миндовгу, с большой частью которых распра-

вился его сын Войшелк, мстя за убийство отца /позднее еще сохранилась Гедрайтские и Свирские князья/. Кроме того, сегодня уже можно говорить о том, что в первой половине XIII в. земля Упите /район Паневежиса/ принадлежала княжескому роду Рушкovichей, а Шяуляйская земля - роду Булевичей.¹⁸ Все эти факты позволяют заключить, что земля Литовская в узком смысле слова /т. е. междуречье среднего течения Немана и Нериса/¹⁹, а также и район Вильнюса находилось во главе литовских земель как в период образования раннефеодальной монархии, так и позже. Структура же монархической власти характеризуется довольно частым появлением наряду с верховным правителем института субмонарха. При этом субмонарх в большинстве случаев - брат великого князя, а территориальная база обоих находилась в пределах земли Литовской и района Вильнюс-Кернаве.

Существование посада городского типа в Вильнюсе XIII века еще не значит, что там была резиденция великого князя. Это однако довольно красноречиво говорит об исторической роли данной области. Учитывая именно эту роль, следует несколько остановиться на легенде об основании Вильнюса, записанной в средней и в пространной редакциях литовских летописей. Фантастичность легендарной части этих двух редакций, повествующей о князях до Витеня и Гедимина, очевидна, но надо отличать фантастическое во всей этой части от концовки части, где именно помещена упомянутая легенда.

Текст легендарной части во всех списках средней редакции однотипен, что несомненно говорит об общем их архетипе. Не представляет также труда отличить в списках начало "Летописца великих князей литовских" /включенного из краткой редакции литовских летописей и излагающего реальные события от конца княжения Гедимина/ от окончания легендарной части.²⁰ Выявить же окончание как отдельную структурную единицу помогает список Красинского, в легендарной части которого этого окончания нет. Кроме того, в этом списке сохранилось и заглавие "Летописца великих князей литовских", которого нет в других списках средней редакции²¹ /обе части летописи отдельны/.

Само это окончание, также изобилующее фантастикой, особенно в начальной части, является продолжением генеологии легендарных литовских правителей, о которой говорится в преды-

дущем тексте легендарной части. Но в заключительной части этого окончания говорится уже о реальных правителях - Витене и Гедимине. Хотя и здесь еще много вымышленных событий, некоторые из них сопоставимы с реальными фактами. Так например, завоевание Киева Гедимином соответствует вполне подтвержденное источниками правление брата Гедимина Федора в Киеве.²² Следует обратить внимание и на то, что текст окончания легендарной части в целом совпадает как в средней, так и пространной редакции²³, хотя предыдущий текст легендарной части в обеих редакциях значительно отличается.²⁴ Кроме того, в пространной редакции заголовок, разделяющий повествование, находится как раз там, где начинается описание княжения Витеня.²⁵ Таким образом целый ряд структурных особенностей позволяет выявить как само окончание легендарной части, так и в его составе абзацы, посвященные Витеню и Гедимину.

Легенда об основании Вильнюса как раз и является самым последним из этих абзацев, за которым следует уже "Летописец великих князей литовских", начало рассказа которого продолжает повествование о Гедимине.²⁶

Следует учесть еще одно обстоятельство. Названия местностей Кернаве, Орбаркас, Каунас, Трабы, Утена в фантастической /легендарной/ части литовских летописей выводятся от имен соответствующих князей /на самом деле эти имена придуманы по названиям указанных местностей/. Между тем "перенос столицы" сначала из Кернаве в Тракай, а потом из Тракай в Вильнюс приписывается Гедимину. Но здесь и помину нет о связи названия местности с его именем. Это тем более поразительно, так как известно нам самая старая легендарная версия, зафиксированная Я. Длугошем, и говорит о римском вожде Вилии как об "основателе Вильнюса".²⁷ Другими словами, рассказ о Гедимине и Вильнюсе не только не соответствует практике образования княжеских имен по топонимам, но опровергает и предыдущую фантастическую версию об основании Вильнюса. Волей-неволей напрашивается вывод о своеобразном "отборе легенд" при редактировании в литовских летописях истории "основания Вильнюса". Сама же редакция этого дополнения /т. е. упомянутого окончания легендарной части литовских летописей/, как и вся про-

странная редакция, указывает на связи с Гаштольдами. Это уже доказано Р. Ясасом²⁸ и подтверждается новыми фактами.²⁹ Ведь "первым вильнюсским воеводой" в легенде об основании Вильнюса и переносе туда столицы Гедимином "называется" не кто иной, как родоначальник Гаштольдов.³⁰

Все вышесказанное позволяет считать, что легенда об основании Вильнюса включена позже в редакции литовских летописей, чем сама фантастическая часть средней редакции. Всё это мало или даже ничего не говорит об источниках легенды, но во всяком случае выясняется одно: если даже эта легенда и совершенно фантастична, то она не имеет ничего общего со всеми легендарными частями литовских летописей. Тем самым, если последняя как исторический источник /для описываемых ею событий/ ценностью не обладает, то вопрос о ценности /в смысле искаженных отголосков реальных событий/ легенды о Вильнюсе пока остается открытым. Не является ли она сохранившимся в исторической традиции отголоском овладения Вильнюса Гедимином?

Невольно к этой альтернативе подключается отмеченная альтернатива системы монарха-субмонарха. Всё это заставляет взвесить данные топонимики. Недалеко от Вильнюса находится местность Витянишкес.³¹ На территории, где было Тракайское княжество Кейстута, находятся Любартишкес и Кариотишкес /последние - совсем рядом с Тракаем/.³² Любарт и Корият - сыновья Гедимины. Насколько рискованно полагаться на отдельные совпадения названий местностей и имен, не имея других данных, настолько увеличивается степень вероятности, если совпадение касается хотя бы двух имен близких родственников. Как известно, Корият во второй четверти XIV в. был Новогрудским, а Любарт с начала 20-х годов - Волыньским князем.³³ Поэтому если Любартишкес и Кариотишкес на самом деле получили свои названия от упомянутых князей, то это могло случиться только тогда, когда они были еще в раннем возрасте и им были выделены села или дворы на кормление. Характерно, что факт существования тракайского князя в 30-х годах XIV в. исключает возможности обладания Гедимином Тракаем уже в эти годы. С другой стороны, возможность обладания Вильнюсом Витенем

/местность Витянишкес/ исключает возможности оладания Вильнюса Гедимином до 1316 г.

Наряду с этим следует также обратить внимание на местности, наименования которых являются производными от имени Butvydas /Бутвидонис, Бутвидляй/.³⁴ Эти местности находятся в юго-восточной Литве. Это территория домена Миндовга и Гедиминовичей, а также территория Тракайского княжества /в таком объеме, в каком оно нам известно во второй половине XIV в./. Из этого факта делать заключение о том, что Будивид был удельным тракайским князем, конечно, рискованно, но и нельзя это исключить.

Трудно и даже невозможно представить себе Гедимина не в роли субмонарха при Витене, тем более, что он обладал значительным уделом /иначе он вряд ли смог овладеть тронем/. Естественно напрашивается вопрос, где был этот удел. Как было показано, связь Гедимина с Вильнюсом до 1316 г. и с Тракаем в 30-ые годы исключается, но есть намеки на его связь с Тракаем до 20-х годов. Не считая легенду об основании Вильнюса веским аргументом, все же приходится учесть, что и она подтверждает такую возможность.

С точки зрения отношений монарха-субмонарха следует взглянуть и на 80-ые годы XIII в., едва упоминаемых в источниках, тем более, что у Петра Дюсбургского как раз имеется намек насчет этого. Как известно, дата смерти Тройденя считается 1282 г. /в 1281 г. он еще упоминается, в 1283 - уже нет/.³⁵ Лаврентьевская летопись упоминает о гибели в 1285 г. литовского великого князя Довмонта.³⁶ Об анонимном литовском "короле" и о субмонархе говорится в описании предательства Пелужа /1286-1288 г./. Наконец, в 1289 г. перед нами выступает пара Будикид-Будивид - первые известные Гедиминовичи. Цезура в несколько лет между Тройденом-Довмонтом и Довмонтом "королем при Пелуже" или "королем при Пелуже" - Будикидом /смотря как датировать предательство Пелужа/, позволяют говорить о ненарушенной преемственности власти. Существование института субмонарха тем более усиливает такую вероятность. Очень возможно, что "король при Пелуже" - тот же самый Будикид. Все это, хотя бы косвенно, еще раз подтверждает уже вы-

сказанное в литературе предположение о прямой связи Гедиминовичей с Тройденом.³⁷ Выявление Е. Охманьским родоначальника Гедиминовичей Сколоменда³⁸ этому не противоречит: он вполне может входить в генеалогию известных нам правителей, как один из их братьев. Параллели для существования монархов-субмонархов можно найти на Руси /сыновья Святослава, Ярослав-Мстислав/, в Польше /Болеслав Смелый - Владислав Герман, Болеслав Кривоустый - Збигнев/, в Венгрии /Андрей-Бела, Соломон - Гейза/, у Меровингов. Это еще не феодальная раздробленность, но характерная особенность раннефеодальной монархии, где монархия - своего рода "одадь" правящей династии. Литва здесь не представляет исключения. Можно разве только заметить, что система монарха-субмонарха в Литве проявляется особенно ярко.

Следует учесть и те качественные изменения в характере Литовского государства, над которыми возвышалась все та же "диархическая" надстройка монархической власти. Диархия Довспрунга-Миндовга, не та, что Будикида-Будивида, а последняя не та, что диархия Ольгерда-Кейстута. Реальная суть старой вывески, конечно, изменилась. Целый ряд данных как бы указывает, что уделом субмонархов хотя бы с конца XIII в. было Тракайское княжество. Из этого следует, что уделом великого князя был Вильнюс. Легенда об основании Вильнюса отражает династическую традицию перехода Гедимины на великокняжеский удел.

¹ Этот вопрос разбирается отдельно в статье: Gudavičius E. Kas buvo 1337 m. prie Bajerburgo? - Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. A serija, 1984, t. 4(89).

² *Scriptores rerum prussicarum.* - Leipzig, 1861, Bd.1, S. 149 (далее: SRP).

³ Там же, с. 139-140.

⁴ Там же, с.151.

⁵ Там же, с. 192.

⁶ *Livländische Reimchronik.* - Paderborn, 1876, S. 81; *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Register.* - Reval, 1853, Bd.1, S. 451 (далее: LUB).

⁷ Kušinskas A. *Kęstutis.* - Marijampolė, 1938, p. 158-159.

- 8 Kučinskas A. Kęstutis, p. 134-135.
- 9 Полное собрание русских летописей. - СПб., 1908, т. 2, с. 933 /далее: ПСРЛ/.
- 10 LUB, s. 670.
- 11 Pašuta V. Lietuvos valstybės susidarymas. - Vilnius, 1971, p. 282, 291.
- 12 SRP, Bd. 1, s. 155.
- 13 Jakubovskis J. Tautybių santykiai Lietuvoje prieš Liublino uniją. - Kaunas, 1921, p. 91. См. также: Pašuta V. Lietuvos valstybės susidarymas, p. 421.
- 14 ПСРЛ, т. 2, с. 869, 874.
- 15 Gudavičius E. 1219 metų sutarties dalyviai ir jų vaidmuo suvienijant Lietuvą. - Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija, 1982, t. 22, p. 36-37.
- 16 Гудавичюс Э. С. Литва Миндовга. - В кн.: Проблемы этногенезиса и этнической истории балтов: Тез. докл., март, 1981. Вильнюс, 1981, с. 131-132; Gudavičius E. Bandymas lokalizuoti XIII s. lietuvių kunigaikščių valdas. - Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. A serija, 1984, t. 3(88), p. 73, 77.
- 17 Русская историческая библиотека. - Юрьев, 1914. - Т. 30; Литовская метрика, отд. 1-2, ч. 3, т. 1, с. 429.
- 18 Gudavičius E. Bandymas lokalizuoti..., p. 71, 74, 75.
- 19 Łowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. - Wilno, 1932, t. 2, s. 106-112.
- 20 ПСРЛ. - М., 1930, т. 35, с. 97, 132, 153, 181, 201, 222. Ср.: там же, с. 61, 85, 110, 115.
- 21 Там же, с. 132. Ср.: Jučas M. Lietuvos metraščiai. - Vilnius, 1968, p. 74.
- 22 Batura R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso ordą. - Vilnius, 1975, p. 190-195.
- 23 ПСРЛ. - М., 1975, т. 32, с. 135-138; т. 35, с. 93-97, 150-153, 178-181, 198-201, 219-222.
- 24 Jučas M. Lietuvos metraščiai, p. 118-121.

25 ПСРЛ, т. 32, с. 136.

26 Там же, с. 136-138; т. 35, с. 94-96, 151-153, 179-181, 199-202, 220-222,

27 Długosz J. Opera omnia. - Cracoviae, 1976, t. 12, p. 473-474.

28 Lietuvos metraštis: Bychovco kronika. - Vilnius, 1971, p. 30-38.

29 Tumelis J. Recenzija: Полное собрание русских летописей. - М., 1975. - Т. 32. - In: Lietuvos istorijos metraštis, 1976 metai. Vilnius, 1977, p. 108.

30 Ср.: Флоря Б. Н. О летописце Быховца. - В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 144.

31 Noreika Z., Stravinskas V. Lietuvos TSR administracinio - teritorinio suskirstymo žinynas. - Vilnius, 1976, d. 2, p. 349 (далее: АТСŽ).

32 Там же, с. 123, 163.

33 Kučinskas A. Kestutis, p. 21; Puzyna J. Korjat i Korjatewicze oraz sprawa podolska. - Ateneum Wileńskie, 1936, rocz. 11, s. 62-66.

34 АТСŽ, p. 47; Feodalinių žemes valdų Lietuvoje inventorių aprašymas. - Vilnius, 1963, p. 200, 239, 278, 430.

35 Lietuvių karas su kryžiuočiais. - Vilnius, 1964, p. 182-185, 340.

36 ПСРЛ. - СПб., 1846, т. I, с. 207.

37 Pašuta V. Lietuvos valstybės susidarymas, p. 420-421.

38 Охманьский Е. Гедиминовичи - "правники Сколомендовы". - В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 353-364.

И. Мисанс

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА ГОРОДОВ НА ЛИВОНСКИХ ЛАНДТАГАХ
С КОНЦА XV в. ПО 1561 г.

С конца XV в. в экономическом развитии Ливонии, как и всей Европы, произошли значительные перемены. В трудах советских историков неоднократно подчеркивалось, что эти перемены проявились в росте производства и общественного разделения труда и привели к укреплению экономических связей не только между деревней и городом, но и между отдельными странами континента¹. Географическое положение Ливонии обеспечило ей важное место в обмене товарами между Западной и Восточной Европой. Поэтому в XVI в. заметно активизировалась торговая деятельность всех сословий феодальной Ливонии, но, как и прежде, ведущую роль во внутренней и внешней торговле стремилось за собой сохранить купечество. Так как одновременно укрепилась связь феодального хозяйства с рынком², обострились отношения между городами с одной стороны и т.н. ландесгеррами /высшими феодальными правителями ливонских государств/ и рыцарством /вассалами/ с другой стороны. Указанные противоречия привели к столкновению интересов между этими сословиями по многим вопросам. Среди них, как наиболее тесно связанные с торговлей, следует выделить проблемы денежного производства и обращения, тем более, что в условиях усилившегося товарооборота деньги всё глубже проникали в феодальное хозяйство Ливонии³. Основа противоречий между городами и ландесгеррами по вопросам денежного дела заключалась в том, что право на чеканку монет еще с XIII в. принадлежало правителям ливонских государств, в силу чего горожане были лишены возможности проводить самостоятельную денежную политику. В то же время осуществляемая в Риге, Таллине /Ревель/, Тарту /Дерпт/ и Цесисе /Венден/ чеканка монет и значение купечества как поставщика благородных металлов, а также сама экономическая мощь городов, увеличивало стремление бюргерства занять ведущую роль не только в торговле, но и в денежном деле. Добиться этого в полной мере не позволяла ограничен-

ность политических прав ливонских городов, находившихся в подчинении у феодальных сеньоров - ландесгерров. Поэтому горожане в своей денежной политике старались воспользоваться всеми доступными им средствами. Немаловажную роль в этом плане играли возможности, которыми обладали главные города Ливонии - Рига, Таллин и Тарту, благодаря участию их представителей в местных ландтагах⁴. Опыт денежной политики городов на ландтагах в XV в. уже показал, что в целом эти возможности были не особенно велики.⁵ Отсутствие аппарата для претворения в жизнь решений ландтага значительно снижало эффективность деятельности этого органа. Вместе с тем ландтаг был единственным политическим институтом, занимающимся общеливонскими проблемами, одной из которых являлся и денежный вопрос. Поэтому умелое использование делегатов Риги, Таллина и Тарту в сословном представительстве могло помочь купечеству, входившему в городскую курию, защитить свои интересы против трех остальных, феодальных курий ландтага - курий прелатов, Ордена и вассалов.

В данной работе сделана попытка рассмотреть позицию названных городов на ландтагах по вопросам денежного производства и обращения в период наибольшей активизации их экономической политики в сословном представительстве. Хронологически статья охватывает время с конца XV века по 1561 год, когда вследствие Ливонской войны отдельные местные государства потеряли свою независимость, и ландтаг перестал существовать как общеливонский институт.

Число сохранившихся источников, содержащих сведения по рассматриваемому вопросу, сравнительно большое, но проследить в одинаковой мере денежную политику городов на протяжении всего интересующего нас периода затруднительно. Если дошедшие до нас рецессы /решения заседаний/ и другие материалы ландтага за промежутки с 1494 по 1535 г. собраны и изданы Л. Арбузовым-старшим⁶, то соответствующие источники за последующие 20 с лишним лет не систематизированы; лишь некоторая часть опубликована, главным образом в виде фрагментов. Все оригиналы этих документов находятся в недоступных автору заграничных архивах⁷. Представление о деятель-

ности ландтага в самые последние годы существования Ливонской конфедерации можно получить благодаря изданию К. Ширреном и Ф. Бинеманом документов.⁸

Подробное изучение проблем ливонского денежного дела было начато в 30-х годах нашего столетия А. Тендером⁹, который впервые привлек для этой цели широкий круг опубликованных письменных источников. Вскоре его работу дополнила книга Г. Миквила, посвященная таллинской торговле первой половины XVI в.¹⁰ В этой монографии характеристика состояния денежного хозяйства Ливонии дана главным образом на базе архивных материалов. Однако роль ландтага в руководстве денежным делом и деятельность городской курии в этих работах достаточным образом не отражены.

В 60-х годах ряд новых исследований существенно дополнили научную литературу о производстве и обращении монет в Ливонии. В 1964 г. вышел в свет объемистый труд латышских буржуазных историков-эмигрантов Э. Дунсдорфса и А. Спекке об истории Латвии в XVI в.¹¹ В нем Э. Дунсдорфс написал специальную главу, посвященную монетному делу. Из до сих пор опубликованных работ по данной тематике здесь наиболее широко используются письменные источники, в том числе и материалы ландтагов. Однако при оценке некоторых мероприятий денежной политики городов и ландесгерров автору не удалось избежать ошибок. Причиной этому — неправильная трактовка вопроса о соотношении между золотом и серебром.¹²

Большой вклад в исследование сложных вопросов монетного дела Ливонии внесла кандидатская диссертация /1967 г./ эстонского советского нумизмата и историка А. Н. Молвыгина¹³. Многие важные вопросы здесь освещены впервые. Особой заслугой автора является комплексный подход — сопоставление письменных источников с данными нумизматического материала и результатами химического анализа монет, что является единственно правильным путем для раскрытия полной картины состояния денежного хозяйства. Значительное внимание уделено и денежной политике городов. К сожалению анализ рассмотренных автором источников остался неопубликованным. В автореферате и в тезисах доклада отражены лишь результаты кропотливой

работы с историческим материалом.¹⁴

Как для раскрытия причин трудностей ливонского монетного дела в XVI в., так и для сопоставления нумизматического материала и письменных источников значительный интерес представляет вышедшая в 1968 г. работа нумизмата советской Латвии Р. Цеплите¹⁵.

Конкретизируя характеристику рассмотренных исследований с точки зрения нашей темы¹⁶, следует отметить, что в них, /особенно у А. Н. Молвыгина и Э. Дунсдорфа/ отводится определенное место противоречиям между городами и ландесгеррами на ландтаге, но вопрос об использовании Ригой, Таллином и Тарту своего участия в работе ландтага для проведения собственной денежной политики не ставится.

Денежное дело Ливонии на рубеже XV и XVI веков находилось в тяжелом состоянии. К этому времени стоимость денег уменьшилась по сравнению со серединой XV в. более чем на $\frac{1}{3}$ ^{16а}. Из-за скудности письменных источников трудно выявить все причины, вызвавшие ухудшение состояния денежного хозяйства. А. Н. Молвыгин объясняет это явление внутривосточными осложнениями и агрессивной антирусской политикой Ливонии, ускоривших в последней четверти XV в. обесценивание монет.¹⁷ Кроме этих локальных явлений свою роль сыграло и то обстоятельство, что на рубеже XV и XVI вв. все большее влияние на монетное дело Ливонии стали оказывать проблемы, характерные для большинства стран Европы. Активизация внешней торговли привела к увеличению обращения не только местных, но и иностранных монет, особенно золотых. Это создало дополнительные осложнения для ливонского монетного дела, так как было крайне трудно в обращении добиться стабильного соотношения между золотом и серебром. Отмеченное падение стоимости местных серебряных монет вызвало необходимость повышать цену на иностранные золотые монеты в рижских марках. Но с другой стороны, хотя и в целом стоимость золотых монет по сравнению с серебряными была более устойчивой, на протяжении первой половины XVI в. содержание золота в ряде иностранных гульденов значительно уменьшилось, что также требовало

корректировки курса, выраженного в ливонской серебряной монете.¹⁸ Кроме того в Ливонии как и в Западной Европе переоценка золота по отношению к серебру привела к росту цен на серебро и утечке доброкачественных серебряных монет за границу.¹⁹

Указанные обстоятельства, препятствующие нормальному функционированию денежного хозяйства, вызвали недовольство всех сословий Ливонии, но серьезные попытки борьбы с ними предпринимали только ландесгерры и горожане, которые, как уже отмечалось, самым тесным образом были связаны с организацией и управлением монетного дела. При этом как одни, так и другие исходили из своих интересов. Феодалская верхушка стремилась к улучшению качества выпускаемых денег, поскольку это ей сулило доходы при сборе денежных повинностей. Намерения ландесгерров не совпадали с политикой городов, которая была направлена на снижение содержания серебра в монетах.²⁰ Оно не затрагивало экономические интересы купечества, которое компенсировало падение номинальной стоимости монет повышением цен на товары, причем обычно и значительно большем размере, чем это было обусловлено стоимостью денег.²¹ Требование городов понизить монетную стопу было вызвано постоянной нехваткой серебра. Рудников для его добычи в Ливонии не было и дорогостоящее серебро приходилось импортировать, а это не позволяло добиться выпуска монет в таком объеме, который смог бы полностью обеспечить торговлю деньгами. К тому же в тогдашних условиях денежной системы Европы ухудшение состава серебряной монеты оставалось единственным средством борьбы с неблагоприятными последствиями переоценки золота по отношению к серебру.²² Таким образом, т.е. за счет других сословий, рижане, таллинцы и тартусцы хотели осуществить свои намерения, сохраняя собственные доходы. С этим в свою очередь не желали считаться феодалы, стремившиеся возложить убытки от перемен в денежном хозяйстве на плечи городов. Относительно обращения в Ливонии иностранных золотых монет взгляды горожан и феодалов также разошлись. Так как ввоз золотых денег из-за границы осуществляли почти исключительно купцы, то они были заинтересованы в установлении более высокого курса для обращения золотых монет в Ливонии.

Феодалы же, торгуяя деятельность которых в конце XV и начале XVI вв. значительно активизировалась, все больше стали одушевлять убытки, вызванные высокой стоимостью золотых денег.²³ Различие в целях денежной политики ландцесгерров и горожан со всей полнотой раскрылось на ливонских ландтагах.

На рубеже XV и XVI вв. интересы городов и феодалов сперва столкнулись по вопросу о стоимости находящихся в обращении в Ливонии иностранных монет. Уже выше было отмечено, что в силу действий многих сложных экономических факторов правильно определить стоимость иностранных золотых монет в Ливонии было очень трудно. Но уменьшение ценности ряда западноевропейских золотых гульденов в последние десятилетия XV в.²⁴ совпавшее с обесцениванием ливонских серебряных денег, требовало внесения ясности в соотношения между обоими видами находившихся в обращении ценных металлов. На состоявшемся в 1495 г. в Валке ландтаге был установлен курс для 7 золотых иностранных гульденов в рижских марках.²⁵ Курс наиболее в то время распространенной в Ливонии иностранной монеты - рейнского гульдена / *Rupisch gulden* / был установлен в размере 2 рижских марок, что совпадало с желаниями купечества.²⁶ Точных сведений относительно того, что горожанам удалось отстаивать свою заинтересованность в более высоком курсе золотой монеты мы имеем лишь в случае с рейнским гульденом. Курс других монет введенный ландтагом, был видимо ниже того, который существовал до принятия решения. Об этом можно судить по записи в счётной книге Таллина, где отмечается, что в связи с понижением курса золотых монет потеряны 37 марок и 5 шиллингов.²⁷

Поэтому на последующих ландтагах представители городов требовали повышения курса всех гульденов. На ландтаге в Валке в 1496 г. делегаты Риги, Таллина и Тарту выдвинули предложение поднять стоимость гульденов, находившихся в обращении в Ливонии, до их стоимости в Любеке.²⁸ Это все же осталось без результатов, и горожан пришлось довольствоваться достигнутым в 1495 г.

Не добившись повышения курса золотых гульденов, горожане стали использовать участие своих представителей в работе

ландтага для поисков путей борьбы с последствиями распространения в Ливонии низкопробных иностранных золотых монет.²⁹ Именно городская курия первая поставила на рассмотрение ландтага вопрос об ухудшении качества золотых монет. На ландтаге в Валмиере в январе 1503 г. представители Таллина предложили обсудить вопрос о падении стоимости золотых денег³⁰, но поддержку других курий они не встретили.

Предложения городов на ландтаге в Валмиере в мае того же года, о содержании которых источники ничего не сообщают, видимо также не устраивали феодалов. Было принято решение отложить обсуждение и передать вопрос на рассмотрение ландесгерров до тех пор, пока они не объявят о своих намерениях. В речессе ландтага специально подчеркнуто, что "города не смогли этому противиться"³¹ и далее указывается, что каждый сам должен следить за доброкачеством получаемого им золота.

Несмотря на такое решение, посланцы городов продолжали обсуждать данный вопрос между собой в феврале 1504 г. на съезде в Валмиере³² и пришли к выводу, что проблему золотых денег, как и изменения единства стопки местной серебряной монеты, следует обсудить каждому городу со своими сюзеренами в отдельности и кроме того "на следующем ландтаге об этом обстоятельно говорить"³³.

Характер отражения этих переговоров в речессе Валмиерского ландтага, который состоялся в июле 1504 г., позволяет утверждать, что противоречия между феодалами и городами, о сущности которых источники как и ранее умалчивают, продолжали обостряться. В речессе говорится, что "... после продолжительных выступлений ландесгерров и ответа рижского бургомистра в конце было решено, что города должны написать должностным лицам Любека и просить доброе поучение, как там /т.е. в Любеке - И. М./ поступают со всякого рода золотом, для того, чтобы мы могли здесь в стране поступать так же"³⁴. Но западноевропейские города сами были не в силах справиться с этой проблемой³⁵, поэтому ничего действенного посоветовать любекцы не смогли.

Проблемы ливонского денежного обращения феодалам и городам надо было решать собственными силами. Рижане, таллинцы и

таргусцы вопрос о золотых монетах обсуждали на съездах представителей городов в 1506 и 1507 гг.³⁶, но безуспешно. Последнее из этих обсуждений рассказывает, что в своих предложениях города не продвинулись дальше ничего из решавшей формулировки майского ландтага 1503 г. о необходимости каждому следить за тем, чтобы он не был обманут. Тут же, правда, горожане добились, что "кроме того до очередного ландтага следует об этом основательно совещаться"³⁷. Но никакого практического улучшения ливонскому денежному хозяйству такие обсуждения не принесли.

Ландесгерры не ограничились одними разговорами. В 1510 г. магистр Ливонского ордена Зальтер Шлеттенберг и рижский архиепископ Яспер Линде, не дожидаясь созыва очередного ландтага³⁸, решили понизить курс риды гульденов.³⁹ Это, как уже отмечалось, не соответствовало интересам городов и вызвало их сопротивление. Но при этом ни рижане, ни таллинцы, ни таргусцы не выступили против постановления в целом.⁴⁰ Они выражали свое недовольство лишь понижением курса на голландские гульденны / *hollaken gulden* /,⁴¹ поскольку их новая стоимость - 32 шиллинга за качественную и 30 шиллингов за низкопробную монету⁴², лишила купцов прежней прибыли⁴³. Таким образом на фоне попыток предотвращения последствий обращения в Ливонии неполноценной золотой монеты, возобновились споры вокруг курса гульденов.

Как видно, в 1510 г. города, как впрочем и ландесгерры, в борьбе за свои интересы по денежному делу мало рассчитывали на ландтаг. Рига, Таллин и Таргу каждый в отдельности старались уговорить своих сюзеренов сохранить старый курс голландских гульденов, подчеркивая при этом, что сделать это желательно до созыва очередного ландтага⁴⁴. Из-за отсутствия соответствующих источников трудно сказать, какими соображениями руководствовались города, выбрав в это время именно такую тактику для борьбы за свои интересы. Во всяком случае содержание решения Валмиерского ландтага в 1512 г. свидетельствует, что такие действия городов дали желаемый результат.⁴⁵

В первом десятилетии XVI в. определенное место в денежной политике городов занимали также вопросы условий выпуска

и обращения местной серебряной монеты. Но здесь города еще меньше пользовались своими посланцами на ландтаге, чем в случае с золотыми монетами. На основе существующих источников выяснить причины такой пассивности практически невозможно. В какой-то мере это можно объяснить вероятным ослаблением единства курии городов, так как в то время обострились торговые противоречия между Ригой, Таллином и Тарту⁴⁶. Приходится учесть и другое обстоятельство. На протяжении первых двух десятилетий XVI в. города в своей денежной политике на ландтагах не рассматривали вопросы об обращении в Ливонии иностранной золотой и местной серебряной монеты как две составные части общего денежного хозяйства и между собой их не связывали. На вышеупомянутом съезде представителей городов в 1504 г., например, обсуждались проблемы связанные как с иностранными, так и с местными деньгами. В отношении последних подчеркивалось, что "одни и те же монеты чеканятся неодинаково /т.е. по разной стопе. - И. М./"⁴⁷, а это значительно осложняло ведение торговли. Но принятое решение об использовании для преодоления трудностей, как частные переговоры городов со своими сюзеренами, так и совместные действия на ландтаге, было выполнено не полностью. Судя по рецессу, на ландтаге в 1504 г. из вопросов денежного дела рассматривалась лишь проблема ухудшения качества иностранных золотых денег.⁴⁸

Тем временем монетное дело в Ливонии до того ухудшилось, что в 1505 г. в Тартуском епископстве и, возможно, в других ливонских владениях чеканка монет была прекращена⁴⁹. В результате этого купечество стало испытывать недостаток в деньгах для ведения торговли, а ландесгерры начали терять доходы от производства монет. На этот раз предложение, выдвинутое на Валмиерском ландтаге в 1507 г., "рассмотреть способы и пути, чтобы... вновь чеканить монеты и выпускать серебряные деньги" исходило не от городов, а от Вальтера Плеттенберга, который возглавлял орденскую курию и являлся в это время наиболее влиятельным ландесгерром.⁵⁰ Это предложение, видимо, столкнулось с оппозицией городов, из-за чего не было достигнуто соглашение на ландтаге. Об этом

свидетельствуют события на Цесисском съезде представителей городов в 1509 г.⁵¹ Из ренесса собрания видно, что к этому времени возобновление чеканки монет не произошло. Магистр Ордена обвинил горожан, что именно они ухудшают качество монет, так как противятся рассмотренным на ландтаге новым законам.⁵² Судя по всему, политика городов, направленная на уменьшение количества серебра в выпускаемой монете: столкнулась со стремлением феодалов пустить в обращение более высокопробные монеты.⁵³

Для того, чтобы осуществить свои намерения, городам необходимо было убедить ландесгерров в невозможности чеканки монет с высоким содержанием серебра. В связи с этим горожане ссылались на высокую стоимость ввозимого серебра. Действительно, в Ливонии, как и в других странах Европы, в начале XVI в. возросли цены на серебро.⁵⁴ Это было вызвано тем, что в связи с падением стоимости местных денег⁵⁵ пришлось платить большее количество монет за серебро. Кроме того свою роль сыграло увеличение количества серебра, продаваемого ливонскими купцами русским,⁵⁶ а также другие факторы.⁵⁷

Денежный вопрос вновь был затронут во время ландтага в Вальмиере в июле 1512 г., но очевидно только на переговорах между делегатами городов. Горожане отметили, что, поскольку ландесгерры и прелаты не думают понизить стопу серебряной монеты, купечество в данный момент считает покупку серебра невыгодной и цену на него завышенной.⁵⁸ Однако, как справедливо утверждает А. Н. Молвыгин, жалобы городов на трудности приобретения серебра были несколько преувеличены, так как тем купцам, которые доставляли благородный металл из-за границы, было невыгодно снижать его цену.⁵⁹ В условиях обострившейся торговой конкуренции между купцами и феодалами ссылка на дороговизну серебра могла быть и одним из тактических приемов в борьбе против выпуска монеты более высокой стоимости.

Во время ландтага, который заседал в Вальмиере в 1513 г., представители городов обсуждали между собой возможность чеканить из лесовой марки чистого серебра 19 марок монет, состоящих из следующих номиналов - 1 пфенниг, 1 шиллинг и 3

шиллинга.⁶⁰ Стопа этих номиналов предусматривалась ниже стопы, используемой для выпуска монет в конце XV в.⁶¹ Если этот проект и был рассмотрен на уровне всех курий, о чем нет доказательств, то феодалов он не мог устроить. Не исключено, что их недоброжелательное отношение стало причиной, из-за которой рекомендации Риги, Таллина и Тарту не были осуществлены.

На следующем ландтаге в 1514 г. в Валмиере⁶² города выдвинули другое предложение - начать выпуск наряду с известными нескольких новых для Ливонии серебряных монет крупного номинала.⁶³ Развитие денежной политики городов по этому пути было обусловлено как поисками способов борьбы с исчезновением из обращения серебра, так и уменьшением количества благородного металла в монетах и вместе с этим и их покупательной способности, что само собой вынуждало чеканить номиналы большей стоимости⁶⁴. Исходя из этих соображений, на ландтаге 1514 г. представители Риги, Таллина и Тарту предложили начать чеканку марки, полумарки и фердинга /1/4 марки/⁶⁵. Обсуждался и вопрос о монете стоимостью в 3 марки /талер/. В целом эти предложения горожан были одобрены. Кроме того на ландтаге было достигнуто соглашение относительно монетной стопы /из 14 лотовой марки серебра следовало чеканить 18 марок монет/⁶⁶, что по мнению А. Н. Молвыгина означало установление стопы примерно на уровне конца XV в.⁶⁷

Но выпуск монет крупных номиналов в достаточном количестве был затруднен необходимостью импортировать дорогостоящее серебро. Поэтому в мае 1515 г. магистром Ливонского ордена Вальтером Плеттенбергом в рижском архиепископом Испером Линде был издан документ, обязывающий всех торгующих серебром купцов продавать половину ввозимого ценного металла монетным дворам по твердой цене - 17 марок монет за марку серебра⁶⁸. С помощью такого мероприятия ландесгерры рассчитывали обеспечить себе постоянные доходы от чеканки монет, но тем самым был нанесен ущерб купцам. Не удивительно, что Рига в начале даже отказалась обнародовать это постановление и лишь после нажима со стороны ее соседей была вынуждена с ним согласиться.⁶⁹

Для того, чтобы уменьшить убытки, причиненные данным

распоряжением, купечество и этот вопрос вынесло на рассмотрение ландтага. В июне 1516 г. на Валмиерском собрании сс-словий городам удалось заставить феодалов пойти на сокраще-ние количества обязательно продаваемого серебра с $1/2$ на $1/3$.⁷⁰ Участники съездов представителей городов в январе 1519 г. в Риге и в апреле того же года в Валмиере также вы-ражали недовольство по поводу вынужденной продажи ценного металла.⁷¹ На втором из упомянутых собраний было принято ре-шение о необходимости продолжать обсуждение данного вопроса на ландтаге. Но лишь на Валмиерском ландтаге в 1554 г. горо-дам удалось добиться уменьшения доли принудительно продавае-мого серебра до $1/3$.⁷²

Происшедшие в середине второго десятилетия XVI в. круп-ные изменения в денежном деле Ливонии всё же не остановили инфляции. На Валмиерском ландтаге в 1516 г. все три курии, представляющие феодалов, отметили необходимость предотвраще-ния продолжавшегося падения стоимости серебряных монет.⁷³ Но так как в то время экономические законы обращения денег были слабо изучены, ни феодалы, ни буржеры чётко не пред-ставляли как исправить положение. Факт, что предложенные горожанами меры не улучшили денежное хозяйство, призвал их к растерянность. Прибывшие на ландтаг представи-тели Риги, Таллина и Тарту лишь подчеркнули необходимость основательно разобраться в денежных вопросах, пригласив для этого монетных мастеров, но ничего более конкретного другим куриям предложить они не смогли.⁷⁴

Продолжающаяся нестабильность ливонских монет А. Н. Молвыгин объясняет следующими образом. В связи с большими затратами на изготовление мелких номина-лов, содержание серебра в шиллингах как и в пфеннигах было установлено ниже, чем это требовало их стоимостное соотноше-ние с фердингом. Теперь 1 фердинг содержал больше серебра, чем по действительному курсу эквивалентные ему 9 шиллингов или 27 пфеннигов. Тем самым было выгодно скупать за мелкие день-ги более крупные номиналы и переплавлять последние в сере-бро или просто вывозить за границу. По этой причине фердин-ги стали исчезать из обращения. Кроме того А. Н. Молвыгин

отмечает, что из-за высокой рыночной цены серебра чеканка монеты по установленной стопе не окупалась и, если окупалась, то с большим трудом. Поэтому выпуск мелких монет, который был особенно трудоемким, вскоре, очевидно, пришлось прекратить.⁷⁵

Итак, борьба городов на ландтаге за обеспечение торговли достаточным количеством денег к середине второго десятилетия XVI в. не принесла успеха, так как непрерывности при выпуске монет им добиться не удалось. Это объясняется не столько сопротивлением феодалов, сколько ошибками в расчетах, а также объективными трудностями - нехваткой серебра.

Работа ландтага 1516 г. показала, что наряду с городами все большую заботу о денежном деле стали проявлять ландесгерры. Уже в конце 1516 г. магистр ордена Вальтер Плеттенберг в письме к таллинскому магистрату потребовал прекратить чеканку монет, содержащих меньше серебра, нежели выпускаемые в Риге и Тарту, отметив при этом, что такая практика пагубно сказывается на общем денежном хозяйстве Ливонии.⁷⁶

Как уже было указано, в своей официальной политике городские магистраты выступали против нарушения единства монетной стопы, так как это затрудняло торговлю. Однако отдельные высокопоставленные лица нередко "забывали" о нуждах всего купечества и обогащались от тайной порчи монет, а также и в результате изготовления фальшивых монет.⁷⁷ С порчи таллинских монет стало известно еще на ландтаге в июне 1516 г.⁷⁸, но должностные лица города, которые, судя по всему, были замешаны в этом деле, не собирались предпринимать какие-либо меры. Лишь после сурового письма магистра Ордена, где, между прочим, была даже высказана угроза запрета обращения таллинских монет в Рижском архиепископстве и Тартуском епископстве,⁷⁹ дело наладилось. Этот пример лишний раз показывает, что города свои собственные интересы ставили выше общеливонских.

В начале 20-х годов XVI в. и другие ландесгерры - рижский архиепископ Якоб Линде и сааре-лионеский епископ Иоганн IV стали проявлять инициативу по упорядочению монетного дела. При подготовке ландтага 1520 г. оба высокопоставленных

феодала советовались между собой и пришли к выводу, что на нём следует рассматривать и вопросы денежного дела⁸⁰. В предложениях епископа Иоганна IV указывается, что фердинги содержат значительно больше серебра, чем другие монеты, в связи с чем они вывозятся за границу и, следовательно, для обеспечения обращения их на месте, необходимо изменить монетную стопу.⁸¹

К сожалению, рецесс ландтага 1520 г. не сохранился, в связи с чем нельзя выяснить точку зрения курии городов по этому вопросу. Однако известно, что на Валмиерском ландтаге в 1522 г. рекомендации сааре-ляненского епископа в несколько измененной редакции встретили сопротивление горожан, объединивших к этому времени свои силы с вассалами.⁸² Это дает основание для предположения, что и на ландтаге в 1520 г. Рига, Таллин и Тарту отклонили предложения епископа Иоганна. Причины выяснить трудно, так как более подробная аргументация в источниках этого времени отсутствует. Лишь в совместном отзыве представителей городов и вассалов об обсуждаемых на ландтаге 1522 г. вопросах отмечено: "... монеты по веским причинам желаем еще временно оставить в их /настоящей/ стоимости".⁸³

В начале 1520-х годов нормальному функционированию ливонской денежной системы препятствовало не только стоимостное несоответствие серебряных монет разных достоинств, но и несоответствие между находящимся в обращении золотом и серебром. Завышенная цена на золото повлекла за собой вымывание гульденов на серебряные монеты и вывоз последних за границу. Особенно выгодно было приобретение крупных монет, которые содержали больше серебра и отличались лучшим качеством по сравнению с мелкими. Это вызвало недостаток серебра, что в свою очередь повысило его цену⁸⁴ и в конце концов привело к падению стоимости местных, особенно мелких серебряных монет. Таким образом из-за высокой стоимости гульденов в Ливонии не удалось привести монетную стопу в соответствие со стоимостью ввозимого серебра. Образовался замкнутый круг. Чеканить монеты лучшей пробы было невозможно из-за высокой цены на серебро. А уменьшение стоимости

монеты повлекло бы за собой "подорожание" серебра.⁸⁵ Предпринятая в 1523 г. магистром ордена Вальтером Плеттенбергом попытка исправить положение путем чеканки местных золотых монет также не принесла успеха⁸⁶, так как в Ливонии не было необходимого сырья. В связи с этим золотые монеты чеканились в малом количестве и в местном денежном обращении играли небольшую роль⁸⁷.

Вдобавок к этому состояние монетного дела в Ливонии усложнил предпринятый в начале третьего десятилетия XVI в. в Таллине в корыстных целях тайный выпуск фальшивых низкопробных монет подобных шведским. Посланцы городов, собравшиеся вместе с представителями вассалов в Таллине в 1524 г., приняли по этому поводу даже специальное решение - для приостановки обращения фальшивых монет предусматривалось обсудить данный вопрос на следующем ландтаге.⁸⁸

Для того, чтобы разработать четкую денежную политику, городским магистратам требовалось мнение специалиста. Одним таллинским монетным мастером было подготовлено заключение о состоянии денежного дела в Ливонии и о путях его улучшения.⁸⁹ Этим документом, в основном, и руководствовались города на следующем ландтаге. Предложения монетного мастера были обобщены таллинским магистратом⁹⁰ и в виде рекомендаций переданы на обсуждение трем крупнейшим городам Ливонии. После внесения некоторых изменений они были окончательно кратко сформулированы и в 1525 г. от имени Риги, Таллина и Тарту представлены на рассмотрение Валмиерского ландтага.⁹¹

Благодаря столь серьезной подготовке, предложения городов были как никогда ранее тщательно разработаны и обоснованы. Впервые ландтагу предлагалось одновременно решить вопрос об обращении иностранных золотых и местных серебряных монет. Новый подход к проблеме объясняется тем, что к началу 20-х годов XVI столетия по уже рассмотренным причинам стала очевидной неудача попытки городов перестроить денежную систему на основе крупноминальной серебряной монеты. Кроме того, к середине 20-х гг. в Ливонии стали все ближе подходить к правильному пониманию причин несоответствия соотношения между находившимися в обращении золотом и сереб-

ром.⁹²

Суть предложений городов сводилась к тому, чтобы фердинг делился не на 9 шиллингов, как раньше, а на 12 шиллингов.⁹³ Этим предполагалось воспрепятствовать утечке фердингов за границу. Авторы данных рекомендаций этим намеревались также урегулировать соотношение между золотой и серебряной монетой. Поскольку серебряные монеты крупных номиналов - марки, полумарки - чеканились крайне редко, поиски этого соотношения велись на основе более мелких монет - шиллингов, пфеннигов, а также фердингов. Руководствуясь такими соображениями, таллинцы считали возможным определить стоимость золотых денег, исходя из стоимости мелких серебряных монет - в документе указаны конкретные курсы ряда золотых гульденов.⁹⁴

Из содержания предложений видно, что города остались верны прежним целям своей денежной политики - борьбе за установление более низкой стоимости для серебряной и более высокой для золотой монеты. В этом отношении точка зрения феодалов, как известно, была иной. В связи с этим на ландтаге вновь возникла острая дискуссия.⁹⁵ Об этом свидетельствует следующий факт. Феодалы заставили горожан удалиться для повторного обсуждения известных нам предложений, но те решили от своих намерений не отступать.⁹⁶ Впоследствии между сторонами все же был достигнут своего рода компромисс. Частично были одобрены предложения горожан относительно серебряной монеты, что выразилось в решении ландтага о повышении числа шиллингов в фердинге с 9 до 10, но курс золотых монет, за исключением некоторых, был установлен несколько ниже, чем предлагали города.⁹⁷ Таким образом очередной проект по урегулированию денежного дела потерпел неудачу, поскольку как города, так и феодалы заботились лишь о собственных интересах.

После ландтага 1525 г. и ландесгерры, и города⁹⁸ предпочитали заниматься вопросами денежного производства и обращения в отдельности. Следующее их обсуждение между куриями состоялось, видимо, лишь в феврале 1530 г.⁹⁹ Еще до ландтага, который вновь заседал в Валмиере, обе стороны готовились к полемике,¹⁰⁰ но в речессе ландтага¹⁰¹ даже не упоминается,

что такое обсуждение вообще состоялось.

В 1531 г. произошли какие-то новые важные изменения в монетном деле Ливонии, сведения о которых не сохранились, но, судя по косвенным данным, они были не в пользу городов¹⁰². В конце 1531 г. магистром Ливонского ордена Вальтером Плеттенбергом среди предложенных Таллину вопросов для обсуждения на предстоящем ландтаге был включен и пункт о необходимости исправить положение в монетном деле. Для обоснования предполагаемого в данном документе понижения курса золотых монет автор послания ссылался на важность решения денежных проблем для всей Ливонии. Он подчеркнул, что вывоз качественных серебряных монет, связанный с обращением золотых монет по завышенной стоимости, не только приносит ущерб правителям, но и приводит к общему упадку хозяйства, поскольку мешает торговле.¹⁰³

В ответном письме таллинцы еще до ландтага сообщили свою точку зрения. Горожане также причиной всех затруднений в денежном деле считали неправильное соотношение между монетами обеих видов, но, руководствуясь экономическими интересами купечества, были не согласны понизить курс золотых денег. Вместо этого они предложили "... использовать все возможные пути и средства для того, чтобы обеспечить всю землю обращаемыми деньгами в достаточном количестве, с тем, чтобы можно было добиться их размена. Для этой цели много добра и непременно общую пользу принесет осуществление перестройки /стоимости/ монет по стоимости рейнского гульдена"¹⁰⁴.

Такое принципиально новое предложение говорит о гибкости и динамичности денежной политики городов, о постоянных поисках новых средств для решения существующих проблем. Однако, только что приведенные данные свидетельствуют о том, что в конце февраля 1532 г. обе стороны прибыли на ландтаг в Валмиеру с разными намерениями, что в конечном итоге обрекло переговоры по денежным вопросам на неудачу. Единственным результатом обсуждения было принятое решение о созыве специального собрания заинтересованных сторон /т.е. ландесгерров и городов/ с участием монетных мастеров, с целью урегулирования проблем обращения как серебряных, так и золотых

денег¹⁰⁵.

Такие переговоры состоялись в начале июля 1532 г. там же в Валмиере¹⁰⁶. По просьбе магистра Ордена Плеттенберга, предложения по урегулированию состояния денежного хозяйства разработал один из просвещеннейших людей тогдашней Ливонии, бывший монах Буркхард Валдис¹⁰⁷. Осуществление его рекомендаций действительно могло улучшить создавшееся положение¹⁰⁸. К этим переговорам готовились также города¹⁰⁹. Несмотря на все эти мероприятия, никакие радикальные решения приняты не были.

Следующая попытка стабилизации ливонской денежной системы вновь была осуществлена вне пределов ландтага. Чтобы прекратить вывоз фердингов за границу, Плеттенберг в сентябре 1532 г. распорядился об увеличении количества шиллингов в фердинге до 12.¹¹⁰ Тем самым были осуществлены изменения, предложенные горожанами ландтагу семь лет тому назад. Но таким образом изъятие фердингов из обращения приостановить все же не удалось, и поэтому в 30-х годах их чеканка была прекращена¹¹¹.

В 1533 г. роль ландтага в денежной политике городов продолжала оставаться несущественной. Вопрос о стоимости золотых денег не выдвигался горожанами на ландтаге в Валмиере,¹¹² но несколько дней после его окончания обсуждался в частном порядке между представителями Таллина и магистром Ордена.¹¹³ Однако (поскольку от беспорядков в монетном деле страдали все сословия Ливонии) во время ландтага в Вильянди /Феллин/ в 1534 г. вновь стали раздаваться голоса о необходимости окончательного решения проблемы.¹¹⁴ Города и в 1534 г. по поводу путей ее урегулирования твердо оставались на прежних позициях. Об этом свидетельствует письмо таллинского магистрата Плеттенбергу, где говорится: "Мы не знаем, что еще существенного на этот счет посоветовать, более того, что можно найти.. в старых записях и соглашениях о монете, а именно, что серебряная монета в /Священной Римской империи/ немецкой нации установлена не иначе, как по образцу и стоимости рейнского золота /т.е. гульдена - И. М./"¹¹⁵. Кроме того, таллинцы требовали разрешения на чеканку новых шиллингов в необходимом для обращения количестве, а также заключения на-

дежного соглашения относительно стоимости находящихся в обращении золотых монет¹¹⁶.

Для осуществления своих требований города не могли долгое время обходиться без того, чтобы прибегнуть к ландтагу, так как именно он являлся высшим общеливонским органом власти и местом обсуждения всех важнейших, в том числе и денежных, вопросов. Начиная со второй половины 30-х годов XVI в. горожане постепенно возобновили активное использование ландтага в своей денежной политике.

На ландтаге в Валмиере в марте 1535 г. речь шла о недовольстве населения ввозом из России в Ливонию фальшивых монет, что подрывало местное денежное хозяйство.¹¹⁷ Доказательств, что этот вопрос был выдвинут именно курией городов, у нас нет, но горожане в его урегулировании были несомненно заинтересованы.

Решением Валмиерского ландтага в 1537 г. был снижен курс ряда золотых монет, что означает, что города потерпели неудачу.¹¹⁸ На ландтаге в Цесисе в сентябре 1542 г. магистром Ордена Германом Бруггенэйем было предложено вновь обсудить создавшееся положение с золотыми монетами, а также общие недостатки монетного дела Ливонии.¹¹⁹ Как к этому отнеслись города, источники не сообщают. Их позицию в какой-то мере можно проследить по данным о следующем ландтаге, который состоялся в Валмиере 5 месяцев спустя. Во время его работы делегатами Риги, Таллина и Тарту магистру Ордена были представлены предложения по решению ряда важных для городов вопросов,¹²⁰ в том числе денежных. Обнаружив к этому времени безрезультатность своих хлопот о перестройке ливонской денежной системы на основе стоимости рейнского гульдена, рижане, таллинцы и тартусцы предложили другой способ стабилизации денежного хозяйства. По их мнению впредь главное внимание следовало уделить сохранению монетной стопы на прежнем уровне с тем, чтобы не чеканить монеты ниже их ранее установленной стоимости.¹²¹

Но в условиях, когда продолжали действовать рассмотренные выше факторы, вызвавшие постоянное уменьшение содержания серебра в монетах, остановить падение стоимости денег не

удалось, и поэтому на последующих ландтагах продолжались поиски выхода из затруднений в денежном хозяйстве. Во второй половине июля 1546 г. на ландтаге в Валмиере магистр Ордена Герман Брюггенэй предложил вновь рассмотреть вопрос об ухудшении ливонских серебряных монет.¹²² Чем ответили горожане, неизвестно. Разработанные магистратом Нового Пярну предложения, которые все же не были представлены ландтагу, и переписка этого времени свидетельствуют о том, что города тогда продолжали заниматься проблемами денежного дела.¹²³ Следующим мероприятием, с помощью которого ландесгерры намеревались оздоровить денежное хозяйство, было издание в феврале 1547 г. рижским архиепископом Вильгельмом совместно с магистром Ордена Германом Брюггенэйем специального постановления, согласно которому впредь по стопе, установленной в 1531 г., следовало чеканить только мелкие монеты - шиллинги и пфенниги, а выменивание на мелочь находящихся в обращении серебряных монет крупных номиналов и золотых денег запрещалось, чтобы предотвратить их утечку за границу.¹²⁴ Практически это означало отказ от выпуска ливонских серебряных монет крупных номиналов.

Но растущий внешний и внутренний товарооборот порождал потребность в крупных денежных единицах.¹²⁵ В результате участники Валмиерского ландтага 1548 г., несмотря на все ранее предпринятые горожанами и ландесгеррами шаги, вновь были вынуждены признать, что недостатки в монетном деле приносят стране убытки и ущерб.¹²⁶ Представители Риги, Таллина и Тарту продолжали придерживаться ранее высказанного мнения о необходимости добиться устойчивости монетной стопы. Очевидно не без активного участия городов было принято следующее решение. Сославшись на аналогичные действия в Германской Империи, курии ландтага сочли нужным принять меры к обеспечению создания "правильной и устойчивой монеты".¹²⁷ Далее, определялась стоимость в ливонских денежных единицах рьда иностранных золотых и серебряных монет и предполагалось добиться урегулирования соотношения между разными видами денег. Еще раз был повторен запрет "предоставлять старые фердинги и старые шиллинги чужим людям, которые их вывозят из страны".¹²⁸ Но

старания ландтага сбалансировать стоимость обращавшихся в Ливонии монет разных видов, взяв за основу стабильную местную серебряную монету, были бесполезны. Из-за дороговизны серебра чеканка устойчивой монеты была невозможной.

В начале 50-х годов денежное хозяйство претерпело новые изменения. Предложения для их осуществления разработали монетные мастера Риги, Таллина и Тарту.¹²⁹ Затем, по всей видимости, они были утверждены ливонскими сословиями на одном из ландтагов.¹³⁰ По мнению авторов нового проекта главной причиной невзгод денежного дела явилось отсутствие собственной добычи серебра в Ливонии, ставившей производство монет в зависимость от условий обращения серебра на международном рынке. Поэтому чеканщики монет предложили первым делом установить твердую стоимость ввозимого серебра и самой крупной серебряной монеты - талера, а для желающих продавать этот ценный металл русским обязательную его предварительную продажу монетным дворам в объеме $\frac{1}{8}$ от предусмотренного для вывоза количества.¹³¹ Затем по довольно правильно определенной монетной стопе, что исключало возможность спекулятивным элементам скупать крупные серебряные монеты за мелочь¹³², предлагалось возобновить чеканку монет больших номиналов - фердингов, полумарок и марок, а из мелких монет, как и ранее, выпускать шиллинги и пфенниги.¹³³ Хотя монетные мастера работали в городах под руководством магистратов, нельзя считать, что этот документ полностью отражает точку зрения должностных лиц Риги, Таллина и Тарту. Так, например, требование о принудительной продаже серебра монетным дворам вряд ли было выдвинуто по инициативе купечества, но как к этим предложениям отнеслись посланцы городов на ландтаге неизвестно.

Введенные в начале 50-х годов меры все же не смогли остановить падение стоимости денег, так как дороговизна серебра по-прежнему вынуждала ухудшать монетную стопу. На Валмиерском ландтаге 1554 г. вместе с подтверждением прежних решений была подчеркнута необходимость принимать монеты, которые "легче" не по номинальной, а по реальной стоимости.¹³⁴ Тем самым ландтаг фактически признал свою неспособность

решить денежные проблемы. Впоследствии некоторые курии ландтага даже предложили прекратить чеканку монет, против чего решительно выступили города, ссылаясь на какие-то "важные причины"¹³⁵. Под ними видимо подразумевалась необходимость обеспечения торговли деньгами. Одним из способов добычи сырья для производства фердингов, шиллингов и пфеннигов в это время было перечеканивание талеров и испанских реалов.¹³⁶

На ландтаге, который состоялся в марте 1557 г. в Цесисе феодалы вновь вернулись к поискам правильного соотношения между золотыми и серебряными деньгами, и по их предложению был понижен курс некоторых иностранных монет - как серебряных, так и золотых¹³⁷. По неизвестным причинам представители Риги, Таллина и Тарту на ландтаге не только не противились принятию этого решения, но даже не высказали по этому поводу свою точку зрения. Для ее выяснения магистр Ордена Генрих Гален перед обнародованием постановления направил рижанам специальное письмо¹³⁸.

Накануне Валмиерского ландтага в начале лета 1557 г. денежная политика городов вновь стала целеустремленной. В инструкциях для действий на ландтаге посланцам Риги ставилось в обязанность сделать все от них зависящее для заключения прочного соглашения, в котором для каждой монеты была бы установлена ее стоимость¹³⁹. Это предложение поддержали собравшиеся отдельно представители сословий Тартуского епископства, которые в письме Таллину предложили заключить такое соглашение уже на Пярнуском ландтаге в августе того же года¹⁴⁰, но достигнуть этого городам вновь не удалось¹⁴¹.

В январе 1558 г. началась Ливонская война, которая по словам А. Н. Молвыгина, повлекла за собой полную анархию в денежном обращении страны¹⁴². Для покрытия военных расходов правители ливонских государств начали обесценивать серебряную монету, что привело к росту и без того к середине 50-х годов повысившегося курса иностранных золотых монет¹⁴³. Принимая во внимание все эти обстоятельства, а также факт, что летом 1558 года русское войско заняло Тарту, о последовательной денежной политике городской курии на ландтаге уже

не могло быть речи. Не удивительно, что в единственном за последние годы существования Ливонской конфедерации известном случае, когда вопросы денежного дела, возможно, обсуждались на общем заседании ландтага - в Цесисе в апреле 1559 г. таллинцы не собирались выступать со своими предложениями, а ждали указания по чеканке монет от ландесгерров¹⁴⁴. Дальнейшее управление сильно подорванным денежным хозяйством до раздела Ливонии в 1561 г. осуществлялось ландесгеррами уже без посредничества ландтага - путем издания ряда постановлений¹⁴⁵.

Итак, в конечном итоге деятельность горожан на ландтагах не принесла улучшения ливонскому монетному делу. Но сама борьба с феодалами по этим вопросам на ландтаге являлась важной составной частью денежной политики Риги, Таллина и Тарту. Именно этому органу города представляли свои основные проекты по урегулированию денежного дела, именно здесь горожане защищали эти проекты от критики феодалов. Вместе с тем активность курии городов на ландтаге была непостоянной и неравномерной. Действия представителей Риги, Таллина и Тарту ограничивались сложностью неразрешимых в средневековье денежных проблем /непрекращающееся обесценивание монет и в связи с этим рост стоимости серебра, ошибки в расчетах стопы, путаница в чеканке мелких номиналов и т.д./, которые были названы самой спецификой феодальных производственных отношений¹⁴⁶. Более активному использованию горожанами ландтага в денежной политике препятствовали также постоянные разногласия между ними и феодалами при поиске путей решения данных проблем, так как и те и другие при этом неизменно руководствовались своими узкословными интересами.

Заседания ландтага были единственным местом, где города постоянно участвовали в обсуждении общеливонских денежных проблем на высшем уровне. Разумеется, такой слабый и весьма маловлиятельный, орган как ландтаг, часто неспособный обеспечить выполнение собственных постановлений, был не в силах решить эти сложные вопросы. Но учитывая существование правила /хотя часто чисто теоретического/, запрещающего вносить какие-либо изменения в монетное дело Ливонии без согласия всех сословий¹⁴⁷, города, лишенные права на чеканку мо-

нет, через ландтаг получили некоторый доступ к управлению денежным хозяйством и тем самым возможность влиять на его развитие.

¹ Дорошенко В. В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. - Рига, 1960, с. 126 и след.; История Латвийской ССР / Отв. ред. Я. Я. Зутис. - Рига, 1952, т. I, с. 138-140, 144; История Эстонской ССР / Под ред. А. Вассара и Г. Наана. - Таллин, 1961, т. I, с. 305; Zeids T. Feodālisms Iivonijā. - R., 1951, 118.-119. lpp.; Feodālā Rīga / Atb. red. T. Zeids. - R., 1978, 145.-146. lpp.

² Kellenbenz H. Die unternehmerische Betätigung der verschiedenen Stände während des Übergangs zur Neuzeit. - Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1957, Bd. 44, H. 1, S. 24-25; Malowist M. Über die Frage der Handelspolitik des Adels in den Ostseeländern im 15. und 16. Jahrhundert. - Hansische Geschichtsblätter, Jg. 75, 1957, S. 40-41.

³ Такой вывод сделан латышским советским нумизматом К. Р. Пелдой на основе анализа монетных кладов времен Ливонии / Пелда Р. К. Особенности распространения монетных кладов на территории Латвийской ССР в XIII - первой половине XVI века. - Изв. АН ЛатвССР, 1977, № 4, с. 65-77; Пелда К. Р. Находки монет XIII - первой половины XVI века в археологических памятниках Латвии. - Там же, 1977, № 8, с. 103-113/.

⁴ О ливонском ландтаге и о действиях курии городов см. Feodālā Rīga, 50.-51. lpp. и Misāns I. Pilsētu cīpa par zemniekiem Iivonijas landtāgos XV gs. un XVI gs. pirmajā pusē. - LPSR ZA Vēstis, 1983, Nr. 7, 26.-38. lpp.

⁵ Подробнее см. Misāns I. Pilsētu naudas politika Iivonijas landtāgos XV gs. - LPSR ZA Vēstis, 1984, Nr. 2, 76.-87. lpp.

⁶ Akten und Recesse der livländischen Ständetage / Bearb. von L. Arbusow. - Riga, 1910. - Bd. 3 (далее: AR).

⁷ Энг Г. А. Из истории архивного дела в Латвии. - Рига, 1981, с. 13; Lenz W. Das Revaler Stadtarchiv; Bemerkungen zu seiner Geschichte, seiner Archiven und seiner Beständen. - In: Reval und baltischen Länder. Festschrift für H. Weiss zum 80. Geburtstag. Marburg/Lahn, 1980, S. 238-239; Mäitmaa V. Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. - In: Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. Helsinki, 1952, T. 76, 2, S. 363-364.

Копии некоторых рецессов ландтагов сняты в середине XIX в. Г. Бревверном /Центральный государственный историчес-

кий архив Латвийской ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 122 /далее: ЦГА ЛатвССР/.

8 Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit; Aus dem Reichsarchive zu Stockholm / Hrsg. von C. Schirren. - Reval, 1861-1865. - Bd. 1-5 (далее: Quellen); Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in Jahren 1558-1562 / Hrsg. von F. Bieneman. - Riga, 1865-1876. - Bd. 1-5 (далее: Briefe und Urkunden).

9 Tender A. Müntide ja mõõdude areng Eestis. - In: Eesti majandusajalugu. Tartu, 1937, 1. kd., lk. 501-542.

10 Mickwitz G. Aus Revaler Handelsbüchern; Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. - Helsingfors, 1938. - 258 S.

11 Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture 1500-1600. - Stokholma, 1964. - 812 lpp.

12 Там же, с. 532. По мнению Э. Дунсдорфса серебро было переоценено по отношению к золоту, а в действительности, наоборот, в Ливонии, как и во всем ганзейском регионе, золото было переоценено по отношению к серебру (см. Jesse W. Die Münzpolitik der Hansestädte. - Hansische Geschichtsblätter, 1929, Jg. 53, S. 94).

13 Молвыгин А. Н. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII - первой половине XVI в.: Дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. - Таллин, 1967 /далее: Молвыгин А. Н. Диссертация/.

14 Молвыгин А. Н. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII - первой половине XVI в.: Автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. - Таллин; Ленинград, 1967. - 22 с. (далее: Молвыгин А. Н. Автореферат); Молвыгин А. Н. Денежное обращение в Ливонии в первой половине XVI в. - В кн.: Государственный Эрмитаж: Тез. докл. на юбилейной научной сессии. Л., 1964, с. 103-104 (далее: Молвыгин А. Н. Тезисы).

На основе диссертации А. Н. Молвыгиным написана и глава "Чеканка монет" в вышедшей недавно "Истории Таллина" /История Таллина (до 60-х годов XIX века) / Сост. Р. Пуллат. - Таллин, 1983, с. 131-135/.

15 Ceplite R. Idvonijas monētu depozīts Ružinas ciemā (jaunākā - 1564. gada monēta). - Grām.: Numismātika. R., 1968, 7.-110. lpp.

16 Автор не дает характеристики работ чисто нумизматического содержания. Обзор основной литературы по данному вопросу, опубликованной до 1968 г., где содержатся сведения об интересующем нас времени см. Ceplite R. XV-XVI gs. Livoņijas monētu depozīts..., 7.-8. lpp. К ней следует добавить вышедшие главным образом в 70-х г. работы К. Р. Пелды /см

Пелда К. Р. Нумизматические памятники как источник экономической истории Латвии XIII - первой половины XVI вв. : Авторефер. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. - Рига, 1980, с. 25/.

16^a Молвыгин А. Н. Тезисы, с. 103.

17 Молвыгин А. Н. Автореферат, с. 15.

18 Dunsdorffs E., Spekke A. *Latvijas vēsture...*, 530. lpp.; Дорошенко В. В. Действие "революции цен" в Восточной Прибалтике в XVI в. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963, с. 116, 118.

19 Jesse W. *Die Münzpolitik der Hansestädte*, S. 94.

20 О причинах этих разногласий подробнее см. Misāns I. *Pilsētu naudas politika Livonijas landtāgos XV gs.*, 79., 81. lpp.

21 Молвыгин А. Н. Тезисы, с. 103.

22 Jesse W. *Der wendische Münzverein. - Neudruck der Ausgabe von 1928. - Braunschweig, 1968, S. 116-117.*

23 Молвыгин А. Н. Автореферат, с. 16.

Из-за отсутствия соответствующих источников трудно конкретнее установить все причины и формы проявления этого ущерба, а также его размеры. Следует принять во внимание и различные мошенничества с золотыми деньгами, проводимые отдельными купцами по отношению к феодалам. Так, например, в 1510 г. магистр Ордена Вальтер Плеттенберг в письме к рижскому магистрату упоминает неоднократные жалобы архиепископа, орденских братьев и вассалов на некоторых купцов /*ene van dem korpmanne* / отказавшихся принять обратно недоброкачественные гульдены, которые они сами до этого "всунули в руки" /*in de hantgesteken* / феодалам. Пострадавшие отметили, что убыток при реализации таких монет составляет примерно четверть, а то и половину стоимости каждого рейнского гульдена /*Liv-, Est-, und Curländisches Urkundenbuch. - Riga; Moskau, 1914, Abt. 2, Bd. 3, N 835; далее: UB(2)*/. Названные цифры невозможно проверить, и они явно завышены, по крайней мере вторая из них.

24 О причинах этого явления см. Joseph P. *Goldmünzen des XIV. und XV. Jahrhunderts. - Frankfurt am Main, 1882, S. 116-119.*

25 AR, 3, N 2, § 1.

26 См. решение съезда представителей городов в Вальмаре /Вольмар/ в 1494 г. (*Hansisches Urkundenbuch / Bearb. von W. Stern. - München; Leipzig, 1916, Bd. 11, N 780, § 19*) и письмо татрусского магистрата таллинскому от этого же года (*UB(2), Riga; Moskau, 1900, Bd. 1, N 32*).

27 UB(2), 1, N 168; Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 237-238.

28 AR, 3, N 12, § 57.

29 Отдельные купцы использовали некачественную золотую монету для обмана неразбиравшихся в тонкостях монетного дела крестьян /см. жалобы сааре-ляэнеского епископа Иоганна III на Таллин от 1502 г. - UB(2), Riga; Moskau, 1905, Bd. 2, N 416 /но это, как и упомянутые ранее махинации по отношению к феодалам, давало горожанам лишь небольшую прибыль. В целом же наиболее крупные купцы при доставке низкопробных гульденов из Западной Европы терпели убытки. Кроме того несоответствие между номинальной и реальной стоимостью гульденов осложняло ведение торговли.

30 AR, 3, N 21, § 101.

31 Там же, № 23, § 37.

32 Там же, № 25, § 21.

33 Там же, § 22.

34 Там же, № 28, § 39.

35 См. Jesse, W. Die Münzpolitik der Hansestädte, S. 94-95.

36 AR, 3, N 30, § 20, N 33, § 25.

37 Там же, № 33, § 25.

38 UB(2), 3, N 825.

39 Там же, № 812; 818.

40 Там же, № 828, № 830, № 833, № 834, № 835.

41 Встречающиеся в письменных источниках этого времени название hornken gulden относится не только к монете выпускаемой в Хорне люттихским епископом Иоганом IX. Этим термином обозначали также низкокачественные /главным образом голландские/ гульденны. /Schrötter Fr. Wörterbuch der Münzkunde. - Berlin; Leipzig, 1930, S. 275; Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture..., 529. lpp./ В Никтемаа под названием hornken gulden также подразумевает голландских гульденов /Nitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik..., S. 269/.

42 UB (2), 3, N 818.

43 Валкским ландтагом в 1495 г. курс на голландские гульденны был установлен в 40 шиллингов /AR, 3, N 2, § 1/.

44 UB(2), 3, N 828, N 830, N 833.

45 В рещесе говорится: "... после долгих разговоров и спорог решено, что золото, как это дружно постановлено, должно иметь при получении и оплате старую стоимость, так как каждый будет стараться принимать золото по той стоимости, по какой он может его вернуть /в обращение/" (AR, 3, N 53, § 32).

46 См. Feodāla Rīga, 110.-111. lpp.; Hausmann R. Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Novgorod. - Baltische Monatschrift, 1904, H. 11, S. 281-282; Jenšs J. Rīgas pilsētas tirdzniecība ar Pliskavu XVI un XVII g. simtenī. - Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1937, Nr. 1, 49. lpp.

47 AR, 3, N 25, § 21.

48 Там же, 3, № 28, § 39.

49 Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 232.

50 AR, 3, N 35, § 28. Более подробное изложение рекомендаций магистра Ордена в источниках отсутствует.

51 Поскольку это собрание состоялось в городе, где находилась одна из главных резиденций магистра Ордена и его власть здесь ощущалась наиболее сильно, Валтер Плеттенберг имел больше возможностей оказать влияние на деятельность горожан.

52 AR, 3, N 47, § 60.

53 Молвыгин А. Н. Тезисы, с. 103.

54 Jesse W. Der wendische Münzverein, Tab. 6, S. 212-213.

55 О продолжавшемся ухудшении ливонских денег свидетельствует объявленный в апреле 1512 г. запрет рижского архиепископа Яспера Линде магистрату Риги понижать монетную стопу (Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae / Hrsg. von K. E. Napiersky. - Riga; Dorpat, 1835, T. 2, N 3485).

56 Клейненберг И. Э. Серебро вместо соли: Элементы раннего меркантилизма во внешнеторговой политике Русского государства конца XV - начала XVI века. - История СССР, 1977, № 2, с. 121.

57 См. Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 228-232.

58 AR, 3, N 53, § 31.

59 Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 233-234.

60 AR, 3, N 54, § 52; Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 242.

61 Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 242.

62 AR, 3, N 57, § 6, § 24.

63 Производство крупных серебряных монет с целью улучшения денежного хозяйства было довольно широко известно в Европе того времени. Из Италии оно распространилось в Тироль, Швейцарию, Южную Германию, Чехию, ряд ганзейских городов и другие места. См. Friedensburg F. Münzkunde und Geldgeschichte der Einzelstaaten des Mittelalters und der Neuzeit. - München; Berlin, 1926, S. 51; Buck H. Das Geld- und Münzwesen der Städte in den Landen Hannover und Braunschweig. - Frankfurt am Main, 1935, S. 36-37; Pribram A. F. Materialien zur Geschichte der Preise und Löhne in Österreich. - Wien, 1938, Bd. 1, S. 34; Waschinski E. Währung, Preisentwicklung und Kaufkraft des Geldes in Schleswig-Holstein von 1226-1864. - In: Quellen und Forschungen zur Geschichte Schleswig-Holstein. - Neumünster, Bd. 26, 1952, S. 21-22; Jesse W. Der wendische Münzverein, S. 125-127.

64 Jesse W. Der wendische Münzverein, S. 125-126.

65 AR, 3, N 57, § 24.

66 Там же.

67 Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 242-243. Здесь же /см. с. 243 сн. I, а также Молвыгин А. Н. Автореферат, с. 16/ высказано мнение, что упомянутые изменения в монетном деле окончательно были приняты на ландтаге, состоявшемся в 1515 г. Это утверждение нельзя признать достаточно обоснованным. Доказательства, приведенные А. Н. Молвыгиным в пользу такой версии, не убеждают в том, что в 1515 г. в действительности состоялся ландтаг. О таком ландтаге не сообщают и другие источники этого времени.

68 AR, 3, S. 217.

69 Там же, с. 217-218.

70 Там же, № 66, § 50.

71 Там же, № 89, § 26-28; № 92, § 17.

72 Monumenta Livoniae Antiquae : Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Aufsätzen. - Riga; Leipzig, Bd. 5, N 185, S. 507 (далее: MIA).

73 AR, 3, N 66, § 22; § 29; § 35. См. также Regesten aus zwei Missivbüchern des XVI Jahrhunderts in Revaler Stadt-Archiv / Bearb. von G. von Fansen. - Reval, 1895, T. 1, N 73 (далее: Regesten).

74 AR, 3, N 66, § 3, § 15.

75 Подробнее см. Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 248-250; Молвыгин А. Н. Автореферат, с. 16-17; История Таллина, с. 134-135.

76 AR, 3, N 70.

77 Там же, № 170, № 286.

78 Regesten, 1, N 73; AR, 3, N 70, N 71.

79 AR, 3, N 70.

80 Там же, № 100, § 2, № 102, § 2.

81 Там же, № 102, § 2.

82 Там же, № 129, § 4, № 130, § 4, № 136, § 34. О сближении горожан и вассалов на этом ландтаге и заключении договора между куриями городов и вассалов о взаимопомощи для зал своих прав и привилегий см. Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. - In: Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte. Leipzig, 1921, Bd.3, S. 221.

83 AR, 3, N 136, § 34.

84 Кроме того, в 20-х и 30-х годах XVI в. цена серебра на европейском рынке повысилась из-за стремления владельцев рудников самим заниматься выпуском монет (Jesse W. Der wendische Münzverein, S. 140).

85 Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 256-257.

86 Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture..., 532.lpp.

87 Ceplite R. XV - XVI gs. Livonijas monētu depozīts..., 104. lpp.

88 AR, 3, N 150, § 34.

89 Там же, № 200, № 201.

90 Там же, № 202.

91 Там же, № 210.

92 Об этом свидетельствует послание магистра Ордена Вальтера Плеттенберга съезду представителей городов в Пярну /Пернау/ в 1527 г. (AR, 3, N 247).

93 AR, 3, N 210, § 2.

94 Там же, § 5.

95 Протекающая на этом ландтаге борьба между городами и феодалами по поводу реформации / см. Arbusow L. Die Einführung der Reformation..., S. 438-452; Feodala Riga, 120-121. лрр./ еще больше обострила противоречия по монетному делу.

96 AR, 3, N 207, § 32.

97 Там же, § 51, § 52. Курс на голландские гульден, например, был установлен в размере 1 рижской марки и 3 шиллингов, а города предлагали - в размере 41 шиллинга, т.е. 1 марки и 5 шиллингов (AR, 3, N 210, § 5, N 202, § 9).

98 AR, 3, N 247, N 249.

99 Сведения, которые позволили бы предположить, что вопросы монетного дела были затронуты городами и на Валмиерском ландтаге в июне 1526 г. очень неопределенны (AR, 3, N 236, § 14).

100 AR, 3, N 269, § 4; N 270.

101 Там же, № 272.

102 На осуществленные по инициативе ландесгерров изменения в денежном деле имеются ссылки в письме рижскому магистрату рижского архиепископа Вильгельма в 1547 г. (МДА, 5, N 177) и в им же вместе с магистром Ордена Германом Брюггензеем в том же году изданном постановлении об условиях монетного дела Ливонии (МДА, 5, N 265). Следует полагать, что данное в 1531 г. Вальтером Плеттенбергом распоряжение монетному мастеру Риги о чеканке 500 марок мелочи (AR, 3, N 292) также связано с введенными изменениями. Поскольку далее в письме магистра Ордена запрещается рижскому магистрату противиться деятельности монетного мастера, можно предположить, что принятые в 1531 г. нововведения в денежном деле города не устраивали.

103 AR, 3, N 291, § 2.

104 Там же, № 298, § 2. Идея о перестройке денежной системы на основе стоимости рейнского золотого гульдена возникли не в Ливонии. В 20-х годах XVI в. рейхстагом Германской Империи рейнский гульден был избран в качестве основы по которой определялась стоимость серебряных монет (Blach F. Die Wirtschaftspolitik des Reichstags im Heiligen Römischen Reich. - In: Schriften zum Vergleich von Wirtschaftsordnungen. Stuttgart, 1970, H. 16, S. 16-18. См. также Friedensburg F. Münzwunde und Geldgeschichte..., S. 112 и Кулишер И. М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. - 5-е изд. - Петроград, 1918, с. 202-203).

105 AR, 3, N 301, § 59; N 302, § 9; N 304, § 4.

I06 Там же, № 311, № 313.

I07 Там же, № 308.

I08 Анализ этих предложений см. Dunsdorfs E., Spekke A. *Latviņas vēsture...*, 534.-535. lpp.

I09 Весной 1532 г. рижский магистрат занимался денежными вопросами (AR, 3, N 310; см. также *Hanserezesse von 1531-1561 / Bearb. von G. Wentz. - Weimar, 1941, Abt. 4, Bd. 1, N 84, § 1, § 7*).

II0 AR, 3, N 317.

III Молвыгин А. Н. Автореферат, с. 17.

II2 AR, 3, N 320; N 321; N 322.

II3 Там же, № 323, § 4.

II4 Там же, № 328, § 70.

II5 Там же, № 337.

II6 Там же.

II7 ЦГИА ЛатвССР, ф. 4038, оп. 2, д. 122, л. 125^б; МЛА, 5, N 139, S. 443.

118 Koehne B. *Zur Münzgeschichte Livlands. - Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. Berlin; Posen; Bromberg, 1842, Jg. 2, S. 368-370; Regesten, T. 2, N 36.*

119 МЛА, 5, N 258, § 8, S. 647-648.

120 Там же, № 260, с. 650-660. В заключительной части этого документа имеется указание, что перечисленные в нём пункты стали предметом обсуждения всех курий.

121 Там же, с. 654-655.

122 *Vidzemes tiesību vēstures avoti, 1336.-1551. g. / Izd. A. Švābe. - R., 1941, Nr. 195, § 5.*

123 Arbusow L. - jun. *Die altlivländischen Bauerrechte; Anhang. - In: Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1924-1926, Bd. 23, N 50, § 5; письмо таллинского магистрата тартускому от 3 августа 1546 г. - Центральный таллинский городской архив, ф. 230, оп. I, ед. хр. 245, л. 226.*

124 МЛА, 5, N 265.

125 *Serplite R. XV-XVI gs. Livonijas monētu deposits...*, 104. lpp.

I26 ЦГИА ЛатвССР, ф. 4038, оп. 2, д. I22, л. 4I⁶.

I27 Там же.

I28 Там же.

I29 Russwurm C. Revals Münzrecht und Münze. - In:

Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands. Reval, 1887, Bd. 3, S. 95-99.

I30 Источники не дают возможности точно выяснить порядок и время принятия этих предложений.

I31 Russwurm C. Revals Münzrecht..., S.96-97.

I32 Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 262-263.

I33 Russwurm C. Revals Münzrecht..., S. 97-98. Изменение монетной стопы, по которой чеканились разные номиналы, см. также Serplite R. XV-XVI gs. Livonijas monētu deposits..., 104.lpp.

I34 MLA, 5, N 185, S. 507; MLA. - Riga; Leipzig, 1844, Bd. 4, S. 71.

I35 См. письмо таллинского магистрата магистру Ордена Генриху Галену в 1556 г. /Regesten, 2, N 222/.

I36 Regesten, 2, N 222.

I37 Briefe und Urkunden, 1, N 2.

I38 Там же.

I39 Там же, № 10.

I40 Там же, 2, № 203.

I41 Об этом свидетельствует письмо доктора права Ремберта Гилсхейма магистру Ордена Вильгельму Фюрстенбергу в ноябре 1557 г., где подчеркивается необходимость продолжения поисков соглашения на ландтаге (Quellen, 1, N 5, S. 15-16).

I42 Молва ин А. Н. Автореферат, с. 18.

I43 Briefe und Urkunden, 2, N 203; Dunsdorfs E., Spettek A. Latvijas vēsture..., 536. lpp.; Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 265-266.

I44 Briefe und Urkunden, 3, N 397, S. 12.

I45 Там же, № 571; 4, № 775; Quellen, 3, N 417; 5, N 657, N 695, N 721, N 733.

I46 Молвыгин А. Н. Диссертация, с. 267.

I47 Это обстоятельство в 1527 г. в письме к магистру Ордена Вальтеру Плеттенбергу отметили сами горожане (AR, 3, N 249). Однако нельзя забывать, что ландесгерры, в руках которых находилось право на чеканку монет, не раз издавали распоряжение относительно выпуска и обращения монет, не получив предварительного согласия ландтага. Сравн. с. 8, 18, 20, 23, а также сн. IO2.

Ю. Е. Ивонин

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Проблема отношения Англии к борьбе за господство на Балтийском море в XV-XVI вв. до сих пор мало привлекала внимание ученых. Между тем ее исследование может оказать некоторую помощь в изучении истории международных противоречий в Европе позднего средневековья и начала нового времени.

В данной статье изучается сравнительно небольшой, но важный период в истории участия английской дипломатии в балтийском вопросе. Именно в этот период закладывались основы могущества Англии как морской державы, хотя в целом она еще играла второстепенную роль в европейской политике. Естественно, что в политике Англии в балтийском регионе могли вполне отразиться основные принципы ее будущей дипломатии.

Известно, что английская политика на Балтике в XV-XVI вв. была тесно связана как в экономическом, так и в политическом аспектах с интересами английской монархии в Германии и в отношениях с Ганзой. В центре статьи будут именно эти моменты.

В буржуазной историографии, как английской, так и немецкой, преобладает односторонний подход к изучению данной проблемы. Одни историки указывают исключительно на экономические интересы английской монархии, пытавшейся добиться равноправия английской торговли с Ганзой на Северном и Балтийском морях¹, другие же, в том числе русский дореволюционный ученый Г. В. Форстен, ставят во главу угла стремление английского короля Генриха VIII расширить антигабсбургскую коалицию за счет присоединения к ней ганзейских городов.²

В марксистской историографии СССР и ГДР предлагаемый сюжет по существу не изучался. Англо-ганзейские отношения XIV-XV вв. рассмотрены Л. П. Сергеевой.³ Несколько работ посвящены движению Юргена Булленвевера, но их авторы рассматривают англо-ганзейские переговоры о датском престоле лишь с точки зрения попыток любекского бургомистра утвердить положение Любека на Балтике с помощью союза с Англией.⁴

Известно, что английская торговля в течение нескольких

столетий, по существу до конца XVI в., в самой Англии не пользовалась такими же привилегиями, как торговля Ганзы. Вместе с тем развиваемая Англией торговля шерстью сильно зависела от рынка в Нидерландах, находившихся с 1477 г. под властью германского императора, а затем испанских королей из династии Габсбургов. Формирование внутреннего рынка шерсти в Англии датируется серединой XVI в.⁵ Обострение отношений с Габсбургами во второй четверти XVI в., и спад производства сукна, вызванный как его перепроизводством, так и неблагоприятной конъюнктурой в Нидерландах, стимулировали поисками коммерческих связей со странами Средиземноморья и Балтики. Наиболее мощный импульс дал спад производства сукна в 1550-1551 г., но первые спады имели место уже в 1520-21 гг., 1529-31 гг., 1535 г. и 1543 г. Многие английские историки полагают, что стимул к поискам новых рынков дал именно кризис 1550-51 гг.⁶, но первые попытки, думается, начались раньше. В первой половине XVI в. некоторое количество английской шерсти и сукна перемещалось по знаменитому торговому пути - Франкфурт-на-Майне - Эрфурт - Лейпциг в Восточную Европу, хотя исследователями не установлен объем этой торговли.⁷ Понятно также, что английское купечество могло обратить взоры на балтийский регион и пользоваться при этом поддержкой своего правительства.

В "Письмах и бумагах Генриха VIII", в "Государственных бумагах" Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии и Елизаветы можно нередко встретить документы на предмет урегулирования спорных торговых вопросов между Англией, Швецией, Данией и ганзейскими городами. Но в них идет речь, как правило, об эпизодических конфликтах, связанных с нарушениями мореплавания и т.п.

Необходимо отметить, что первым сделал попытку втянуть Англию в борьбу на Балтике свергнутый в 1523 г. датский король Кристиан II. Человек весьма честолюбивый, он мечтал о восстановлении Кальмарской унии 1397 г., олицетворявшей союз трех скандинавских стран - Дании, Швеции и Норвегии под эгидой Дании. Весной 1523 г. датский король, потерпевший поражение в Швеции, был свергнут крупными датскими феодалами, недовольными его централизаторской политикой.⁸ Новым датским королем был избран герцог Гольштейнский Фредерик I, установив-

ший мир с Любеком и Швецией. Кристиан II сначала бежал в Нидерланды, а затем переселился в Саксонию, откуда пытался руководить остатками своих сторонников. Несмотря на поддержку великого магистра Ливонского ордена, герцога Брауншвейгского и графа Мекленбургского, он успеха не добился. Император Карл V в ответ на слезное послание бывшего датского короля с просьбой о помощи ограничился лишь выражением сочувствия и, очевидно, для формальной отписки, добавил, что он должен для начала посоветоваться с английским королем.⁹ После этого Кристиан II уговорил саксонского курфюрста Иоганна Постоянного /1525-1532/ убедить Мартина Лютера написать покаянное письмо Генриху VIII с предложением простить его и помириться.¹⁰ За этим письмом стоял проект союза между Кристианом II, протестантскими князьями Германии и Англией против Фредерика I и, следовательно, против Любека и Густава Вазы, провозглашенного к тому времени шведским королем. Письмо Мартина Лютера было в начале 1527 г. опубликовано, и вскоре же появился носивший двусмысленный характер ответ Генриха VIII, который не мог послужить основой для плодотворных переговоров.¹¹ Германские князья и Кристиан II не учли того обстоятельства, что, хотя внешняя политика Англии после 1525 г. приобрела антигабсбургскую окраску, союз с протестантскими княжествами Германии был в ту пору невыгоден английской монархии. Во-первых, правящие круги английского общества считали учение Лютера главной причиной крестьянской войны в Германии, во-вторых, слабость германских княжеств в военно-политическом отношении неизбежно вынуждала бы Англию к вступлению в войну.¹²

Второй эпизод, в котором проявились интересы английской монархии в балтийском вопросе, имел место в 1533-1535 гг. Деятельность английской дипломатии в балтийском регионе в эти годы была вызвана предложением союза, с которым обратился к Лондону глава демократического движения в ганзейском городе Любеке Юрген Вулленверер.

Движение Юргена Вулленверера было результатом сложных социально-политических процессов, которые происходили в Германии в целом и в городах Ганзы в частности, и которые составляли основу раннебуржуазной революции № I в этой стране.

Упадок Ганзы прежде всего отразился на любекской торговле. Ведя торговлю с Швецией, Любек приобретал врага в лице датчан, и, закрывая выход в Балтийское море своим основным конкурентам, он опять-таки ухудшал отношения с Данией. В начале XVI в. Любеку, как и всей Ганзе, в условиях начавшегося переноса основных торговых путей в Атлантику становилось все труднее сохранять устаревшую систему привилегий и соперничать с растущей нидерландской и английской конкуренцией. Национальные государства начали постепенно вытеснять ганзейцев из международной торговли.¹³ К. Маркс писал: "При посреднической торговле это сказывается не только в упадке торговли как особой отрасли, но и в падении преобладания чисто торговых народов и вообще их торгового богатства, которое покоилось на базе этой посреднической торговли."¹⁴

Усиление кризисных явлений в жизни Ганзы обострило социально-политическую борьбу в ганзейских городах, которая объективно становилась борьбой за выход из кризиса и принимала форму реформационной борьбы.¹⁵ В 1530 г. в Любеке восторжествовал протестантизм, пришло к власти демократическое крыло населения во главе с Юргеном Вулленвевером (он был избран бургомистром в марте 1533 г.). А еще в марте 1531 г. Любек вступил в созданный протестантскими князьями Шмалькальденский союз, представлявший собой религиозно-политическую оппозицию императору Карлу V.

Юрген Вулленвевер не скрывал своих далеко идущих планов возрождения былого могущества Ганзы, для чего, например, он хотел блокировать Зунд и обеспечить преимущество любекского штапельного права для восточных и западных торговых связей.¹⁶ Но в это время претерпела изменения политика Габсбургов по отношению к Ганзе. Если Максимилиан I, вплоть до 1516 г. явно склонявшийся в балтийских делах к датско-тевтонско-русскому блоку, вместе с тем поддерживал и ганзейские города, то Карл V проводил несколько иную линию. Финансировавшие его политику Фуггеры, имея цель установить монополию в торговле между Западной Европой и бассейном Балтийского моря, стремились с помощью Дании оттеснить ганзейцев на второй план.¹⁷

К этому примешивались давние торговые споры между ганзейцами и нидерландскими купцами, также подданными Карла V. В середине 20-х гг. нидерландские купцы явно стремились отвлечь лифляндских купцов, Пруссию и Швецию от союза с Любеком.¹⁸ Осложнение отношений с Нидерландами так или иначе могло ставить английское купечество на сторону ганзейцев, но при этом следует заметить, что нидерландский рынок являлся основным для английской торговли, да и неравенство между англичанами и ганзейцами в торговых операциях еще не было ликвидировано. В этом смысле интересен анонимный трактат "Как реформировать королевство...", написанный в 1535-36 гг. Одна из его главных идей заключается в том, что следует расширить торговлю с иностранцами, вытеснить нидерландские сукна из Германии, сократив тем самым приток испанской шерсти в Северную и Центральную Европу, а богатства королевства благодаря увеличению доходов подданных, занимающихся торговлей, только возрастут.¹⁹ Кроме того, в английских правительственных и торговых кругах в конце 20-х - начале 30-х гг. XVI в. существовали опасения, что император будет теперь целиком на стороне Ганзы. Страхи эти в известной мере оказались напрасными, так как ганзейская торговля зерном в Англии сохранилась без изменений.²⁰

Поначалу Любек рассчитывал на поддержку своих недавних союзников - датского короля Фредерика I и шведского короля Густава I Вазы.²¹ Но став королем Швеции, Густав I неизбежно начал защищать интересы шведского национального купечества против ганзейцев, короче говоря, перестал быть союзником Любека. Между тем соперничество Любека с нидерландскими купцами обострилось и грозило перейти в открытую войну. Поэтому Любек при посредничестве Фредерика I начал искать союзников в борьбе против проникновения нидерландских купцов в бассейн Балтийского моря в лице Франции, в лице соперника Габсбургов в борьбе за венгерскую корону Яноша Запольяи, а также протестантских князей Германии.²² Весной 1533 г. агенты Любека и союзного ему Гамбурга были отправлены во Францию и Англию.²³

Французское правительство прореагировало довольно быстро и к началу зимы прислало в Любек своего представителя.

Любекцы, заинтересованные в политической поддержке французского короля и в привлечении французского купечества на Балтику в целях борьбы с нидерландской торговлей, обещали предоставить французам значительные торговые привилегии.²⁴ Вместе с тем позиция любекского магистрата не была достаточно последовательной, так как его консервативная часть питала надежду на возможность компромиссного договора с Карлом V. Поэтому ответ любекского сената не был благоприятным для Франции.²⁵

Что касается английского короля Генриха VIII, то он ответил сначала не Любеку, а Гамбургу. Этот факт объясняется просто, ибо Эльба, в нижнем течении которой находится Гамбург, впадает в Северное море, следовательно, англичанам легче было вести торговые операции с Гамбургом, нежели с Любеком. Еще 23 апреля 1533 г. Генрих VIII написал гамбургскому сенату, что вскоре собирается отправить своего агента в Гамбург.²⁶ Письмо Генриха VIII обеспокоило гамбургский сенат, так как в это время император угрожал Гамбургу опалой, если сенат не согласится с прежними условиями существования имперского суда. Но вследствие конфликта с Кристианом II, все еще не оставившим надежды вернуть себе датскую корону и пользовавшимся моральной поддержкой императора, Гамбург согласился с позицией Любека и не отказался от продолжения переговоров с Англией.²⁷

В борьбу против нидерландского купечества Юрген Вулленвевер попытался втянуть даже Данию. После того, как 10 апреля 1533 г. умер Фредерик I, Юрген Вулленвевер предложил антинидерландский союз государственному совету Дании, но тот, состоявший из католической аристократии, отверг его предложение. Затем Вулленвевер предложил свою поддержку в борьбе за ставшую вакантной датскую корону старшему сыну покойного короля герцогу Кристиану III Гольштейнскому, но также не получил положительного ответа. За этим предложением стоял проект союза под протестантскими знаменами. Но в Дании епископат и дворянство были настроены против Реформации, за нее стояли только города. Кроме того, герцог настроен был на компромисс с императором, при дворе которого ему обещали поддержку в борьбе за датский престол.²⁸

Между тем война против Нидерландов становилась неизбежной. В ганзейских городах - союзниках Любека были приняты меры для задержания нидерландских судов, но те не выходили из своих портов, так как герцог Мекленбургский предупредил о намерениях ганзейских городов канцлера императора - Гранвелу.²⁹

Собственно к этому моменту и относится оживление англо-любекских отношений. Непосредственные контакты возникли после того как один из военных руководителей Любека капитан Марк Мейер по причине недостатка продовольствия на своем корабле был вынужден пристать к английскому берегу. Это произошло 15 августа 1533 г. А уже через два дня он предстал перед Генрихом VIII. Английский король и его фаворит Томас Кромвель, сведущий в торговых делах, намеревались использовать заинтересованность Любека в союзниках для расширения английской торговли в Балтийском регионе. Кроме того они оценивали создавшуюся ситуацию как возможность организовать на Балтике антигабсбургскую коалицию с привлечением к ней протестантских князей Германии. Этим по существу и объясняется планировавшийся мезальянс между феодально-абсолютистской монархией Тюдоров и демократическим движением Вулленвевера.

На аудиенции английский король заявил Марку Мейеру, что он проводит в Англии Реформацию, находится в состоянии конфликта с Карлом V и папой и в союзе с французским королем и что он ищет сближения с остальными противниками Габсбургов. Вскоре Марк Мейер вернулся в Любек, после чего начались двусторонние переговоры. Поэтому в литературе принято считать, что именно Мейер предложил Юргену Вулленвеверу в качестве союзника английского короля.³⁰

Обе стороны ухватились за этот план. Для Юргена Вулленвевера союз с Англией был, можно сказать, спасительной картой, так как к этому времени стало совершенно очевидно, что лидеры Шмалькальденского союза - курфюрст Саксонский Иоганн Фридрих и ландграф Филипп Гессенский не только не собираются помогать Любеку, но и оказывают поддержку Кристиану III. Несколько позднее, в июне 1534 г., габсбургский агент Стефан Хопфенштейнер писал из Гамбурга Гранвеле, что протестантские князья настроены враждебно по отношению к сторонникам Вуллен-

вевера: "Мечом могут наказать мятежных любекцев, но не допускают мысли, чтобы погиб весь город."³¹ Причины лежали в их негативном отношении к радикализму Вулленвевера /достаточно сказать, что он и его сторонники имели прямые контакты с центром анабаптизма - Мюнстером/.

Что касается английской монархии, то кроме тех экономических и политических соображений, о которых говорилось выше, не последнюю роль сыграло предложение Юргена Вулленвевера помочь Генриху VIII занять датский престол. Теоретически это позволяло объединить под властью английского короля ряд стран Северной Европы в союзе с Ганзой и с протестантскими князьями Германии, с которыми осенью 1533 г. начала интенсивные переговоры английская дипломатия. Осуществление такого замысла сразу бы вывело Англию на одно из первых мест в европейской политике. Честолюбивые мечты юности, когда Генрих VIII нацеливался на французскую корону, вспыхнули в нем вновь. Но в целом план был довольно авантюристичен, так как Англия сразу приобрела врагов в лице Швеции и ряда князей Северной Германии. Да и расчет в планах Генриха VIII делался на разнородные политические и социальные силы. В сентябре 1533 г. в Тайном Совете серьезно обсуждался вопрос о том, что для изоляции Карла V необходимо привлечь к союзу Англии с Любеком Францию, Польшу, Заполью, немецких князей и ганзейские города.³² С этой целью английский дипломат Уильям Пэджет был послан в Польшу, Померанию, Пруссию и Данию.³³

Но переговоры с лидерами Шмалькальденского союза стали явно затягиваться. Осенью 1533 г. в Германию были отправлены Кристофер Монт и Стефен Ворен. Последний был опытным торговым агентом и в его миссию входило изучение возможностей расширения торговли по международным торговым путям, пролегающим через владения шмалькальденцев. В письме, адресованном Иоганну Фридриху, Генрих VIII выражал надежду найти возможность сближения с протестантскими князьями.³⁴ На предложение союза Иоганн Фридрих, весьма осторожный политик, не желавший обострять отношения с Карлом V и опасавшийся удара со стороны своего двоюродного брата герцога Саксонского Геррга, сторонника католической церкви, определенного ответа не дал.³⁵ Как показали дальнейшие миссии английских дипломатов, Иоанн

Фридрих настаивал на религиозном единстве на основе "Аугсбургского исповедания". В этих условиях переговоры с Любеком приобретали для английского короля немалое значение.

Для продолжения переговоров в Лондон были посланы делегации от Любека и Гамбурга, имевшие целью заключение военно-политического союза.³⁶ Позиция Любека была более решительной, чем позиция Гамбурга. Никаких требований о религиозном единстве не выдвигалось, и, кроме того, ганзейцы охотно поддерживали развод Генриха УШ с Екатериной Арагонской,³⁷ что облегчало Англии ведение переговоров. Английский король потребовал поддержки всех мероприятий его политики, 12 кораблей, 10000 ландскнехтов, свободной торговли для своих подданных и свободного мореплавания на Балтике, отказа от союзов с другими государствами.³⁸ Любекцы обещали предоставить английскому королю, когда он пожелает, 12 кораблей с экипажем и артиллерией, а также 7000 пеших и 3000 конных наемников, но за его счет.³⁹ Они согласились на все требования английского короля, что лишний раз свидетельствует об острой потребности Любека в союзниках. Кроме того, представители Любека обижались за денежную помощь в 100000 крон способствовать избранию такого короля Дании, который находился бы в полной зависимости от Англии и Франции. Гамбургцы же рассматривали предложения Генриха УШ как побуждение их к измене Империи и дали уклончивый ответ.⁴⁰

Активизация Лондона в вопросе о датском престоле вызвала большое беспокойство при императорском дворе, особенно после сообщения секретаря императора - Максимилиана Трансильвана от 24 апреля 1534 г. о согласии Генриха УШ быть претендентом на датский престол, данное им в результате переговоров с Юргеном Вулленвевером и Марком Мейером. Это сообщение интересно для нас довольно точным и обстоятельным изложением причин активности английской монархии в балтийском вопросе.

Первая причина, на наш взгляд, не столь существенна, но с точки зрения феодального мировоззрения она могла показаться весьма основательной. Английский король хочет получить датскую корону, писал габсбургский дипломат, так как никто, кроме датского короля, не может оспаривать его права на английский престол, поскольку в свое время датчане владели Англией.⁴¹

К другим причинам следует относиться вполне серьезно. Обладание Данией, пишет далее Трансильван, дает Генриху VIII возможность овладеть проливами и контролировать движение судов в Балтийском море. Таким образом, будет перекрыта торговля заданных императора с балтийскими странами. Далее, англичане смогут установить в Дании штапельное право для торговли шерстью и сукном. "Король Англии давно к этому стремился, но без проливов такую политику невозможно проводить."⁴² Примечательно, что ту же мысль развивал в письме Генриху VIII из Гамбурга от 12 июля 1535 г. английский протестант Барнес.⁴³

И, наконец, третья причина: если Генрих VIII станет датским королем, он попытается подчинить своей власти Норвегию, страну, изобилующую удобными гаванями, откуда можно легко нападать на Шотландию. Но, замечает автор письма, Любек боится заключать договор с Англией, так как опасается, что Генрих VIII, получив датскую корону, немедленно начнет войну против императора. Поэтому, заключает габсбургский дипломат, необходимо помешать этому избранию.⁴⁴

Несомненно, некоторые преувеличения есть в этом письме, но если мы вспомним ранние политические авантюры Генриха VIII, можно полагать, что в размышлениях габсбургского дипломата присутствовала немалая доля истины. Во всяком случае, реакция Карла V на это известие была самой решительной. 22 мая 1534 г. он отправил письмо правительнице Нидерландов Марии Венгерской, в котором настоятельно рекомендовал предпринимать усилия, чтобы помешать Генриху VIII стать датским королем.⁴⁵ У Габсбургов были две причины опасаться заключения союза между Англией и Любеком: политическая, так как этот союз мог усилить антигабсбургскую коалицию во главе с Францией, и экономическая, поскольку мог быть нанесен ущерб нидерландской торговле. Последний момент особенно важен, потому что трудности в нидерландской торговле могли иметь и социальные последствия - усиление недовольства нидерландской буржуазии габсбургским режимом.

Между тем Кристиан III при поддержке императора и молчаливом согласии протестантских князей начал готовиться к войне против Любека. Военные действия начались в мае 1534 г. вторжением любекских войск в Гольштейн. Война 1534-1536 гг.,

получившая название "графской файды", вскоре приобрела общеевропейское значение. Очевиден был и социальный характер происходивших событий, так как война шла не просто против лидера Ганзы, а против лютеранского и демократического Любека.

Секретарь Кристиана III Петер Суаве был послан в Англию, чтобы убедить Генриха VIII не предоставлять Любеку помощи. Ответ английского короля был уклончивым. Томас Кромвель заявил, что новый союз с Любеком не будет создан, и с возмущением добавил, что никто не имеет права вмешиваться в отношения Англии с Любеком. На вопрос, кого же будет поддерживать Англия, Кристиана III или Любек, ответа не последовало.⁴⁶ Только Густав Ваза обещал в марте 1535 г. помощь в 100 000 гульденов.⁴⁷ Кристиан III готовился нанести решающий удар.

В этих условиях Лондон занял выжидательную позицию, так как французская монархия не проявляла инициативы в балтийском вопросе и готовилась к новой войне против Карла V, а попытки Любека создать мощную коалицию ганзейских городов не удавались. В Бремене демократическое движение было подавлено. Гданьск всегда рассматривал Любек как своего главного конкурента. Позиция Гамбурга была явно компромиссной по отношению к Кристиану III. По существу помощь Любеку оказали только поморанские города - Грейфсвальд, Штеттин, Кольберг, Штральзунд.

Ургеном Вулленвевером была предпринята еще одна отчаянная попытка привлечь на свою сторону Лондон. Весной 1535 г. Бернгард фон Челен и Адам Пак отправились в Англию. В августе Пак привез довольно утешительные новости, что английский король отправил своих послов для изучения обстановки на Балтике.⁴⁸ Английские послы Кэндиш и Боннер получили довольно широкие полномочия - вести переговоры с шведским королем, герцогами Гольштейнским и Мекленбургским, графом Ольденбургом и с любекским сенатом. Генрих VIII послал также письмо в Гамбург с просьбой сблизиться с Любеком. Английский король явно не хотел брать на себя все тяжести предстоящей войны. К тому же его весьма беспокоила позиция Шмалькальденского союза, с которым он собирался возобновить переговоры.

Вскоре Любек стал терпеть неудачи в военных действиях, сказавшиеся на положении бургерства. Последствием военного

конфликта явился разрыв традиционных торговых связей, вслед за которыми произошли экономический застой, рост дороговизны и безработица.⁴⁹ Радикальная программа Вулленвевера напугала среднее буржуазство, что и привело к падению демократического магистрата.⁵⁰ Любекский патрициат при поддержке и помощи Дании, северонемецких князей и шведского короля организовал заговор. Юрген Вулленвевер вынужден был уйти в отставку. В ноябре 1535 г. при переезде в Гамбург он был арестован бременским архиепископом, который хотел таким образом примириться с Кристианом III, ставшим к тому времени датским королем.⁵¹ Генрих VIII выразил запоздалое возмущение этим фактом и потребовал освобождения Вулленвевера.⁵² Но обращение английского короля уже ничего не могло изменить. 29 сентября 1537 г. Юрген Вулленвевер был казнен. А еще раньше, в Гамбурге при посредничестве Шмалькальденского союза был установлен мир между Любеком и Данией. Надежды английской монархии овладеть датской короной и создать могущественный Северный протестантский союз рухнули.

Дальнейшие события в отношениях Англии с Ганзой и государствами Балтийского региона развивались следующим образом: в 40-х гг. практически никаких сколько-нибудь существенных контактов не было. В 1552-53 гг. привилегии Ганзы были сильно ограничены английским правительством, защищавшим интересы английского купечества, но в царствование Марии Тюдор эти привилегии были восстановлены под давлением Карла V, а затем и мужа Марии испанского короля Филиппа II.

С воцарением на английском престоле Елизаветы I Тюдор англо-имперские и англо-испанские отношения стали ухудшаться, что в некоторой мере изменило и английскую политику на Балтике. Новый датский король Фредерик II, склонный к союзу с протестантскими князьями Германии, был весьма удовлетворен переменами во внутренней и внешней политике Англии, о чем он сообщил в письме курфюрсту Саксонскому Августу в январе 1559г.⁵³

Итак, политика Англии в балтийском регионе в первой половине XVI в. определялась двумя задачами, обусловленными экономическим и политическим развитием этой страны: обеспечением торговых интересов в Центральной и Восточной Европе и связанной с этим ликвидацией зависимости английской внеш-

ней торговли от Ганзы, и формированием антигабсбургской коалиции с привлечением в нее ганзейских городов и протестантских княжеств Германии. Центральным моментом в английской политике на Балтике в этот период была попытка создания протестантского Северного союза во главе с Англией во время движения Юргена Вулленвевера. Но планы английской монархии были дорольдс авантюристичными, ибо не учитывали соотношения политических и социальных сил как на Балтике в целом, так и в Любеке, в частности. Кроме того, экономическое развитие Англии все больше требовало ее активного участия в борьбе за господство в Атлантическом океане. Поэтому во второй половине XVI в. Англия по существу не видна в борьбе за Балтику.

¹ Schanz G. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. - Leipzig, 1881, Bd. 1, S. 221-226; Härke R. Die Regierung Karls V und der europäische Norden. - Lübeck, 1914, S. 133; Wilding P. Thomas Cromwell. - London; Toronto, 1935, p. 123; Ipsen E. The economic history of England, - London, 1947, vol. 1, pp. 581-582.

² Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. - СПб., 1884, с. 471; Waitz G. Lübeck unter Jürgen Wullenwever und die europäische Politik. - Berlin, 1855-1856. - Bd. 1-3; Smith H. H. Henry VIII and the reformation. - London, 1948; Wernham R. Before the Armada: the growth of english foreign policy, 1485-1588. - London, 1966.

³ Сергеева Л. П. Финансовый кризис в Англии в начале Столетней войны и ганзейские кредиторы английского короля. - Вестник Ленингр. ун-та. Сер. ист., языка и лит., 1983, вып. 3, № 14, с. 91-94.

⁴ Никулина Т. С. Восстание Вулленвевера. - Вопросы истории, 1980, № 2; Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. - Berlin, 1974; Korell G. Jürgen Wullenwever; Sein sozial-politisches Wirken in Lübeck und der Kampf mit den erstarkenden Mächten Nordeuropas. - Weimar, 1980.

⁵ Bowden P. The wool trade in Tudor and Stuart England. - London; New York, 1962, p. 78.

⁶ См.: Мещерякова Н. М. Основные черты генезиса капитализма в промышленности Англии XVI-первой половине XVII в. - В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1978, с. 235.

7 Straube M. Zum überregionalen und regionalen Warenverkehr im thüringisch-sächsischen Raum, vornehmlich in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts; Thesen phil. Diss. (B.) - Leipzig, 1961; Unger M. Die Leipziger Messen und die Niederlande im 16. und im 18. Jh. - Hansische Geschichtsblätter, H. 81, 1963.

8 История Швеции. - М., 1974, с. 145-147, 149-151.

9 Die Korrespondenz Ferdinands I. - Wien, 1912, Bd. 1, S. 106.

10 D. Martin Luthers Werke. - Weimar, 1901, Bd. 23, S. 26-37. Известно, что до этого, в 1520-21 гг., произошла знаменитая полемика между Мартином Лютером и английским монархом.

11 Letters and papers, foreign and domestic, of the reign of Henry VIII. - London, 1872, vol. 4, pt. 2, N 2446.

12 Ивонин Д. Е. Попытка создания политического союза между Англией и протестантскими княжествами Германии. - В кн.: Англия XIV-XVII вв.: Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1974, вып. 2, с. 68.

13 Schildbauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse, S. 250-251; Первухин В. В. Реформационное движение в Любеке в 1529-1530 гг. - Средние века, 1977, вып. 41, с. 105-106; Никулина Т. С. Восстание Булленвевера, с. 106.

14 Маркс К. Капитал, т. 3. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 361-362.

15 Первухин В. В. Реформационное движение..., с. 115; Никулина Т. С. Восстание Булленвевера, с. 107.

16 Никулина Т. С. Восстание Булленвевера, с. 112,

17 Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV-начала XVI в. - М., 1980, с. 158-159.

18 Harke R. Die Regierung Karls V..., S. 129.

19 Tudor economic documents: 3 vols / Ed. by R. Tawney and E. Power. - London, 1924, vol. 3, pp. 115-129.

20 Harke R. Die Regierung Karls V..., S. 133.

21 Waitz G. Lübeck unter Jürgen Wullenwever..., Bd. 1, S. 34-35, 154.

22 Niederländische Akten und Urkunden zur Geschichte der Hanse und zur deutschen Seegeschichte. - München, Leipzig, 1913, Bd. 1, S. 72-73.

- 23 Niederländische Akten..., Bd.1, S.96.
- 24 Там же, с. 155.
- 25 Там же, с. 166.
- 26 Aktenstücke über die Verhandlungen König Heinrich VIII mit Lübeck und Hamburg. - Zeitschrift des Vereins für hamburgische Geschichte. - Hamburg, 1851, Bd. 3, S. 190.
- 27 Mönckeberg P. Aepir's Reise nach England 1534. - Там же, с. 180-181.
- 28 Waitz G. Lübeck unter Jürgen Wullenwever..., Bd. 1, S. 220-221.
- 29 Там же, с. 223.
- 30 Wurm C. Die politischen Beziehungen Heinrichs VIII. zu Marcus Moyer und Jürgen Wullenwever. - Hamburg, 1852, S. 24-25; Waitz G. Lübeck unter Jürgen Wullenwever..., Bd. 2, S. 7-8.
- 31 Niederländische Akten..., Bd. 1, S. 215.
- 32 State papers: Henry VIII. - London, 1830, vol. 1, pt. 2, N 20.
- 33 Burnet G. The history of the reformation of the church of England. - London, 1715, pt. 3, pp. 62-70.
- 34 Letters and papers..., vol. 5, Append. N 7.
- 35 Staatsarchiv Weimar, Reg. O, N 468, Bl. 3a-3b.
- 36 Foedera, Conventiones, Litterae et cujuscunque generis acta publica. / Acc. Th. Rymer. - Londini, 1712, t. 14, pp. 539-540.
- 37 Wurm C. Die politischen Beziehungen..., S. 37.
- 38 Mönckeberg P. Aepin's Reise..., S. 184-185.
- 39 Aktenstücke..., S. 200.
- 40 Waitz G. Lübeck unter Jürgen Wullenwever..., Bd. 2, S. 111-112.
- 41 Niederländische Akten..., Bd. 1, S. 197. Речь идет о времени короля Канута Великого и его сыновей с 1017 по 1042 гг.
- 42 Niederländische Akten..., Bd. 1, S. 198.

- 43 Wurm C. Die politischen Beziehungen..., S. 43-44.
- 44 Niederländische Akten..., Bd. 1, S. 198-199.
- 45 Там же, с. 209.
- 46 Waitz G. Lübeck unter Jürgen Wullenwever..., Bd. 2, S. 214, 390.
- 47 Там же, с. 215-217.
- 48 Там же, т. 3, с. 179-179.
- 49 Чистознонов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. - М., 1964, с. 323.
- 50 Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse, S. 235.
- 51 Нькулина Т. С. Восстание Вульенвевера, с. 114-115.
- 52 Aktenstücke..., S. 214.
- 53 Staatsarchiv Dresden, Loc. 7978, Bl. 3b.

Н. А. Гусакова

ЧЕШСКОЕ И МОРАВСКОЕ СУКНО НА РЫНКАХ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVI-XVII вв.

Развитие торговли между странами Центральной Европы и Россией через Польшу и литовско-белорусские земли связано с постепенным упадком Ганзы и немецкого купечества. В XV в. укрепляются торговые отношения литовско-белорусских земель с Польшей, поддерживающей тесную связь с Силезией, Чехией, Саксонией. Наблюдается рост городов - Вильнюса, Люблина, Познани. Все это способствует росту торговых оборотов в данном регионе. И в дальнейшем торговля между Центральной Европой и Россией успешно развивалась, несмотря на серьезные препятствия /торговая война Польши с Силезией, Ливонская война, открытие торговых путей, соединяющих Россию с Западом через Белое море/.

Особенность этой торговли заключалась в том, что она велась, в основном, через посредство Польши. Это обстоятельство приводит автора к необходимости обращаться и к вопросам польско-литовских торговых связей. Эту задачу облегчают имеющиеся исследования польских и советских авторов.¹

Вопрос о торговых связях литовско-белорусских земель с Чехией поднимается в нашей историографии впервые. Большая заслуга в исследовании чешско-русских связей принадлежит А. В. Флоровскому². Однако Флоровский рассматривал этот вопрос лишь в связи с историей чешско-русских отношений. На наш взгляд, имеющиеся источники позволяют изучать торговые связи литовско-белорусских городов с Чехией как вполне самостоятельную тему.

В нашем исследовании широко использованы материалы А. В. Флоровского, однако, мы располагаем и другими интересными источниками: сравнительно недавно обнаруженными таможенными книгами Бреста и Гродно за 1605 г., источниками по истории Белоруссии, новыми публикациями польских историков.

И еще одно предварительное замечание. Большую роль в контактах Великого княжества Литовского с Чехией играла

Силезия. Как известно, Силезию связывали с Чехией давние исторические узы. Между Чехией и Силезией существовало сотрудничество во многих формах хозяйственной деятельности, особенно в производстве сукна и полотна /выделанные в Чехии сукна часто продавались в Силезии для дальнейшей обработки и поступали на рынок уже под видом силезских сукон/. Силезия являлась важным звеном хозяйственного обмена между Чехией, Литвой и Польшей.

Чешско-моравский вывоз касался следующих товаров: сукна чешские, моравские, силезские, чешские кожи, чешское стекло, чешское и силезское полотно. Таможенные книги белорусских городов дают картину вывоза товаров из Белоруссии, таких как меха, кожи, воск, мед, скот и некоторые ремесленные изделия.

В XV-XVI вв. белорусские города достигли значительного развития. Показателем концентрации ремесла в городах является численность профессий ремесленников. В Бресте в 1565-1566 гг. было 64 профессии и 237 ремесленников /27,7 % всех жителей/. В первой половине XVI в. в Гродно было 35 профессий, а в середине XVII в. их уже насчитывалось 56. В Минске во второй половине XVI в. было 50 профессий. Общее число ремесленников в Минске в середине XVII в. превышало 750 человек. В Полоцке общее число профессий в XVII в. достигло 50. В Могилеве насчитывалось 80 профессий ремесленников³.

При характеристике внешних связей белорусских и литовских городов с польскими городами необходимо учитывать, что Люблинская уния 1569 г. привела к включению Великого княжества Литовского в состав Польши. Это вело к определенному экономическому сближению этих земель. Торговые связи Польши с Чехией позволили белорусским и литовским городам приобщиться к этой торговле и создали более широкое поле для их деятельности, хотя на этом пути было много препятствий: антигородская политика господствующего класса, система taxation цен на ремесленные изделия, царивший в стране феодальный произвол.

На рубеже XV-XVI вв. усиленно развивается сукноделие в Центральной Европе, в частности, в Чехии и Силезии. Чехия

издавна славилась производством сукна. По уровню развития сукноделия она уже в XIV в. выделялась среди других стран Центральной Европы.

В пражских ремесленных книгах XV в. значится 120 сукнощиков⁴. По свидетельству З. Винтера - известного исследователя чешского ремесла, - "в XV веке в Чехии не было города без сукноделия"⁵. В источниках упоминается о вывозе чешского сукна во Франкфурт, в Вену. Кроме этого, чешское сукно вывозилось в Венгрию, а через Венгрию на Балканский полуостров. Следовательно, сукна Чехии и Моравии производились не только для местного употребления, но и для экспорта, в том числе и в Восточную Европу⁶. Последние исследования польских историков свидетельствуют, что импорт заграничного сукна в Польшу был тесно связан с экспортом польской шерсти в Чехию, Моравию, Силезию⁷.

Большые масштабы развития сукноделия в Чехии и Силезии вызвали заинтересованность этих стран в восточноевропейском рынке. Города Литвы и Белоруссии могли служить местом сбыта чешских промышленных изделий, а также источником определенных видов сырья для чешского производства. Особенно широкое распространение в начале XVI в. в Великом княжестве Литовском получало чешское сукно, которое здесь широко продавалось и покупалось⁸. В Белоруссию ввозились и силезские сукна - глоговское, ганское, зеленогорское, горлицкое, рославское.

Основным транзитным пунктом, через который переправлялось чешское, а также моравское сукно в Литву и Белоруссию являлась Познань. В документах познаньской таможни XVI в. имеются многочисленные записи о транзите чешских, моравских и силезских сукон, идущих в Вильно, Гродно, Полоцк⁹. Причем, сукно привозилось в довольно больших количествах. В 1519-1520 гг. 21 постав чешского сукна в белорусские земли был перевезен в Брест. Еще больше было вывезено чешского сукна в белорусские земли в 1547-1548 гг.: в Гродно - 36 поставов, в Брест - 63, в Полоцк - 7 бал¹⁰, в Брест - 60 поставов¹¹. Сукно, ввозимое в тот период в литовско-белорусские земли из Познани составляло около 25% общего оборота

этого торгового центра¹².

Уже с середины XV в. Вильнюс играл важную роль в торговой жизни Познани: по закупкам сукна он занимал первое место, одновременно он являлся своеобразным транзитным пунктом торговли сукном. Поездки белорусских купцов в Вильнюс были обычными и весьма распространенным явлением. Минск, Могилев, Пинск, Орша, Полоцк поддерживали и прямые связи с Познанью. Купцы этих городов покупали в Познани сукно и другие товары, а часто и выменивали их на привезенные¹³.

В 1503-1518 гг. жил в Познани купец Васька Хитрый из Бреста, который имел торговые связи с Братиславой и Аугсбургом. Купец из Вильнюса Петр Павлович в 20-30-х гг. XVI в. вел лично свои торговые дела в Познани, Гданьске и Праге¹⁴.

Интересные данные о чешско-белорусской торговле дают таможенные книги Бреста за 1583 г. /январь-май/. Брест был своеобразным мостом, соединяющим Польшу и Литву. Через брестскую таможню белорусские купцы провозили сукна из различных городов Польши. Так, Щастный Янкович - мещанин берестейский - вез из Торуня сукна моравского 2 поставы, Иван Филиппович - мещанин минский - вез из Люблина в Минск сукна моравского 7 поставов, мещанин пинский Федор Крупка вез из Гнезна сукна моравского 12 поставов¹⁵. Сукно в польских городах закупали купцы из Бреста, Слуцка, Пинска, Могилева, Шклова, Пружан. Об этом свидетельствуют и некоторые акты налогового обложения привезенных товаров. В уставах о мытах в Великом княжестве Литовском /1569-1573/ сказано о взимании "от постава моравского и чешского сукна 4 гроша"¹⁶. В уставе старого и нового мыта могилевского рынка от 1629 г. говорится о взимании с постава моравского сукна по Старому мыту 4 гроша, по Новому - 4 гроша и 2 пенезей¹⁷. В указе короля Владислава IV /1641 г./ о взимании налога с торговли в таможнях Гродно, Минска, Новогрудка предписывается брать от сукна моравского 6 грошей и 6 пенезей¹⁹. /со второй половины XVI в. в документах больше упоминается моравское сукно/.

О распространении чешского и моравского сукна в белорусских землях говорят и источники другого рода: завещания, судебные тяжбы и т.д., в которых имеются упоминания о чеш-

ском и моравском сукне, а также об одежде, сшитой из него.

Интересные сведения о чешском и моравском сукне дают сравнительно недавно обнаруженные таможенные книги Бреста /1605 г./ и Гродно /1600 и 1605 гг./¹⁹. Через Брест и Гродно шел путь белорусских купцов в Познань, Люблин, Краков.

Благодаря данным таможенных книг за 1605 и 1583 гг. можно судить об изменениях в динамике ввоза сукна в Белоруссию за 20 с лишним лет. За январь-май 1583 г. в Белоруссию ввезено сукна всех сортов 1640 поставов. За этот же отрезок времени в 1605 г. - 595 поставов²⁰. Другими словами ввоз сукна в Белоруссию уменьшился почти в три раза. Исследователи связывают это с осложнениями торговли в связи с авантюрой Лжедмитрия I /1604-1605 гг./²¹.

Обращает на себя внимание следующий факт: общее количество ввозимого в Белоруссию сукна резко сократилось, некоторые виды сукна исчезли совсем, а количество сукна моравского увеличилось с 206 постав /в 1583 г./ до 269 /в 1605 г./²².

По данным 4 месяцев 1605 г. одного моравского сукна было привезено почти столько же, сколько всех остальных сортов /а их 10/ вместе взятых. За весь 1605 год через Брест было провезено 2650 поставов сукна /14 названий/, из них чешского и моравского 925 поставов, т.е. почти в 5 раз больше, чем в среднем каждого другого сукна. Гродненская таможенная книга 1605 года говорит о провозе 700 поставов чешского и моравского сукна²³.

Если учитывать и силезские сукна, то анализ таможенных книг дает следующие результаты: из 1747 поставов, прошедших через Брест в 1583 г., 1332 поставы, т.е. 70% были чешско-силезского происхождения. В 1605 г. из общего числа сукон, ввезенных в Белоруссию через Брест свыше 50% приходилось на чешские, моравские и силезские сорта, через Гродно в 1605 году провезено 70% такого сукна²⁴. Эти данные дают возможность говорить о преобладании в конце XVI - начале XVII в. чешско-моравско-силезского сукна на Белорусском рынке.

Таможенные книги Познани второй половины XVII в. свидетельствуют о большом спросе Великого княжества Литовского на сукна высокого и среднего качества: горлицкое, зелено-

горское /силезские сукна/, а также чешское и моравское²⁵.

По утверждению А. В. Флоровского чешские и моравские сукна бытовали с начала XVI в. на следующих белорусско-литовских территориях: Вильнюс и воеводство, Слоним и воеводство, Минск и минский повет, повезы могилевский и оршанский, Витебск, Брест, а также Гродно, Пинск, Каунас²⁶. По свидетельству Росбарского, главными потребителями чешского и моравского сукна были Вильнюс, Минск, Могилев, Орша²⁷. По подсчетам А. В. Флоровского в Белоруссии находилось в употреблении 16 видов одежды из чешского и моравского сукна. Сукно это было сравнительно дешевое. Брестский купец Исаак Израилевич в 1557 г. имел в своей лавке сукна моравского ценой 12 грошей за локоть. В 1578 г. локоть чешского сукна в Могилеве продавали за 9 грошей, моравского сукна - за 12 грошей²⁸.

В белорусских городах в силу отсутствия местной суконной промышленности, а следовательно, и конкуренции с местным производством создались благоприятные условия для устойчивого экспорта чешского и моравского сукна. Несомненно, это делало белорусские и литовские рынки особенно привлекательными для чешских торговцев сукном.

Несмотря на ограниченность этих данных, их несистематичность и фрагментарность, все-таки, на наш взгляд, можно сделать вывод об устойчивости экспорта чешского и моравского сукна в литовско-белорусские земли. Повидимому, в ходе хозяйственного разгития Чехии и Моравии чешско-литовские торговые связи на определенных отрезках времени играли значительную роль и, возможно, в какой-то степени влияли на развитие суконной промышленности Чехии, Моравии и Силезии.

В белорусских землях был спрос не только на сукна, но и на моравское и силезское полотно. Однако ни моравское, ни чешское полотно не могло конкурировать с силезским. Силезия в XVI в. достигла особенно высокого уровня в производстве полотна. Силезские полотна играли значительную роль в ассортименте товаров, ввозившихся в Великое княжество Литовское. Согласно таможенной книге Бреста за 1605 г. в белорусские земли было ввезено "глаговского" /наиболее известный сорт силезского полотна/ 223 штуки, а всего полотна - 755

штук. В этом же году через Гродно было ввезено 6350 штук /из них глаговского 2427 штук/²⁹.

О торговых контактах Литвы с Чехией свидетельствует и тот факт, что во всех районах Великого княжества Литовского преобладающую роль играл пражский грош, который являлся основной единицей чешской денежной системы. На это указывают клады пражских грошей, которые найдены не только в городах, но и в сельской местности, а также многочисленные платежные документы.

Исследования советских нумизматов, основанные на изучении кладов с пражскими грошами на территории СССР и за рубежом, позволили сделать интересный вывод о наличии прямых контактов Великого княжества Литовского с Чехией в XV в. Различный состав монетных кладов в Польше и в Литовском княжестве свидетельствует, что не существовало единого польско-литовского рынка. Польша являлась не столько посредником в торговле между Чехией и Великим княжеством Литовским, сколько просто транзитной территорией³⁰.

Данные нумизматики, таким образом, подтверждают наличие прочных торговых связей в экономике Чехии и Великого княжества Литовского.

Следует отметить, что экономические отношения Чехии с Великим княжеством Литовским, возможно, и не были доминирующими в тот период. Тем не менее, они составляют важный элемент в хозяйственных отношениях этих земель.

При анализе белорусско-чешских экономических связей неизбежно возникает еще одна проблема. Видимо, белорусские и литовские рынки не могли поглотить такое большое количество товаров, главным образом, сукна, ввозившегося из Чехии, Моравии, Силезии. В работах А. В. Флоровского приводится целый ряд фактов, свидетельствующих о распространении в этот период чешского и моравского сукна и в Московской Руси³¹. Допустимо предположить, что возрастание в 30-40-х гг. XVI в. объема ввоза чешских и силезских сукон в Великое княжество Литовское, в определенной мере связано с благоприятными возможностями для белорусских купцов продажи их на русских рынках. Причем характерно, что и во второй половине XVI сто-

летия, когда, благодаря развитию торговли России с Англией через Белое море, на русский рынок стало ввозиться дорогое английское сукно, увеличивается спрос и на сукна среднего качества - силезское и моравское³². Таможенная книга Могилева 1612 г. свидетельствует о том, что моравское сукно проникало в этот период в русские земли через посредничество белорусских купцов. В этой книге содержатся сведения об ассортименте провозимых товаров. Через эту таможенную купцы Могилева провозили в Смоленск и другие города русского государства разнообразные товары в том числе сукно "муравское"³³. Познаньские таможенные книги говорят лишь о сугубо единичных случаях провоза товаров с направлением на Москву³⁴. Уже с конца XV в. прямая внешняя торговля России с Западом встречала серьезные препятствия со стороны властей Великого княжества Литовского. Таким образом, для белорусских купцов создавалось широкое поле деятельности посреднической торговли в Русском государстве, что в целом весьма благоприятно сказывалось на развитии экономики белорусских городов.

В русское государство белорусские и литовские купцы ввозили преимущественно товары из Центральной Европы. В перечне иностранных товаров, которые привозят купцы из Литвы в Русское государство, всегда фигурирует сукна всякие, различных цветов, в том числе и "муравские"³⁵. Иностранные товары в городах Великого княжества Литовского могли переходить только через руки местных купцов, что открывало широкие возможности посреднической торговли, сбыта этих товаров на рынках Русского государства³⁶. Из Русского государства в Великое княжество Литовское ввозились большое количество разнообразных товаров, в том числе меха: соболи, лисы, куницы, белки, горностаи, которые в значительном количестве вывозились белорусскими купцами на рынки Польши.

Таким образом, торговые связи Белоруссии и Литвы с Чехией и Силезией, особенно торговля сукном, оказали благоприятное влияние на хозяйственное развитие литовско-белорусских городов. Посредническая торговля западными товарами на русских рынках и русскими товарами в Польше, а через нее в Чехии, Силезии, Германии способствовала активизации и укрепле-

нию русско-белорусских торговых связей, сближению двух братских народов.

¹ Rybarski R. Handel i polityka handlowa w Polsce w XVI stuleciu. - Poznań, 1928-1929. - Т. 1-2; Koczy Z. Handel i t-twy przed połowa XVII wieku. - In: Pamiętnik VI powszechnego zjazdu historyków polskich w Wilnie. Lwów, 1935. Т. 1; Lowmiański H. Handel Mohylewa w XVI wieku; Studja historyczne ku czci S. Kutrzeby. - Kraków, 1938. - Т. 2.

² Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. - Прага, 1935. - Т. 1; Прага, 1947. - Т. 2; Florovskij A. V. České sukno na východoevropském trhu v XVI až do XVIII věku. - Praha, 1947; Florovskij A. V. Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X-XVIII století). - Praha, 1954.

³ Копыцкий З. Д. Экономическое развитие Белоруссии в XVI - первой половине XVII вв. - Минск, 1966, с. 77-78.

⁴ Winter Z. Dějiny řemesl a obchodu v Čechách v XIV a v XV století. - Praha, 1906, s. 133-134.

⁵ Там же, с. 131.

⁶ Florovskij A. V. Česko-ruské obchodní styky..., s. 98.

⁷ Maczak A. Rola kontaktów z zagranicą w dziejach sukiennictwa polskiego XVI i I połowy XVII w. - Przegląd historyczny, t. 43(2) 1952, s. 81.

⁸ Флоря Б. Н. Из истории экономических связей России с западнославянскими землями Габсбургской монархии в XVI в. - В кн.: Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965, с. 4; Glus F. Český obchod se suknet v XIV a počátkem XV stol. - Praha, 1950, s. 45.

⁹ Rybarski R. Handel i polityka handlowa..., t. 1, s. 153-154.

¹⁰ Постава - кусок ткани, снятый целиком с одного ткацкого стана. Постава ровнялся 30-40 аршинам. Бела равнялась от 25 до 36 поставов.

¹¹ Rybarski R. Handel i polityka handlowa..., t. 2, s. 58-59.

¹² Wawrzynczyk A. Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim księstwem Litewskim i Rosją, w XVI wieku. - Poznań, 1954, s. 120.

¹³ Rybarski R. Handel i polityka handlowa..., t. 2, s. 130-131.

- 14 Florovskij A. V. Česko-ruské obchodní styky..., s. 107.
- 15 Таможенная книга Бреста за 1583 год. - В кн.: Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси. Вильно, 1867, т. 3, с. 290-298.
- 16 Florovskij A. V. Česko-ruské obchodní styky..., s. 112.
- 17 Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонах. - Киев, 1901, с. 112.
- 18 Florovskij A. V. Česko-ruské obchodní styky..., s. 112.
- 19 Мелешко В. И. Новые белорусские таможенные книги первой половины ХУП в. - Исторический архив, М., 1960, № 4.
- 20 Копыцкий З. Д. Экономическое развитие... /в книге приведены таблицы таможенных книг Бреста за 1605 г. и Гродно за 1600 и 1605 гг./.
- 21 Там же, с. 147-148.
- 22 Копыцкий З. Д. Экономическое развитие..., табл. 4-10.
- 23 Там же.
- 24 Там же; см. также Флоря В. Н. Из истории экономических связей..., с. 10.
- 25 Wawrzyńczyk A. Studia z dziejow handlu Polski..., s. 58.
- 26 Florovskij A. V. Česko-ruské obchodní styky..., s. 114.
- 27 Rybarski R. Handel i polityka handlowa..., t. 2, s. 157.
- 28 Florovskij A. V. Česko-ruské obchodní styky..., s. 115.
- 29 Копыцкий З. Д. Экономическое развитие..., с. 84-85.

- 30 Соболева Н. А. Экономические связи южной и западной Руси с Чехией в XIV-XV вв. : Автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. - М., 1967.
- 31 Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне, т. 2, с. 142.
- 32 Wawrzyńczyk A. Studia z dziejow handlu Polski..., с. 64.
- 33 Мелешко В. И. Новые белорусские таможенные книги..., с. 37.
- 34 Rybarski R. Handel i polityka handlowa..., т. 2, с. 125.
- 35 Абецедарский Л. С. Торговые связи Белоруссии с русским государством /вторая половина XVI - первая половина XVII вв./ - Уч. зап. Белорусского гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1957, вып. 36, с. 24.
- 36 Там же, с. 22.

А. Салминь

У ИСТОКОВ ЛАТЫШСКОЙ ШКОЛЫ

В данной работе исследуется становление и развитие латышской школы в XVII веке. Для написания этой статьи использованы архивные материалы, опубликованные источники и специальные исследования. Эти материалы подробнее классифицированы и анализированы в отдельной статье.¹

Середина XVI в. в истории Латвии имеет особое значение. Прежде всего, это было время победы реформации. Здесь реформация не имела такой силы и размаха, как в Германии: латышский крестьянин не понимал католицизма и был враждебно настроен против него, но он пассивно относился также к протестантизму. Реформацию использовали в своих целях феодалы для захвата церковного имущества и рижские бюргеры для освобождения от церковной власти архиепископа. Однако требование победившего протестантизма о проповеди на понятном населению языке все же имело важные последствия для развития духовной культуры латышского народа, такие последствия, которые господствовавшие слои немецкого общества никак не могли предвидеть. Для отправления религиозного обряда латышским жителям города Риги передали церковь св. Иоанна. Пасторы этой церкви составляли и переводили на латышский язык духовные песни и молитвы. Во второй половине XVI в. появились печатные книги на латышском языке. Язык этот был искаженным, так как немецкие пасторы плохо им владели. Но все же, это было началом распространения духовной литературы на латышском языке.

Другим большим историческим событием с далеко идущим последствиями была Ливонская война 1558-1583 г., которая закончилась с самостоятельностью Ливонии и положила начало её территориальному разделу между соседними государствами. По Вильнюсскому договору 1561 г. последний орденовский магистр отдал территорию Ливонии Польскому государству, получив взамен в ленное владение Курземе /т. е. западную часть Ливонии/. Остальная же часть Ливонии, населённая латышами - Видземе и Латгале - перешла под непосредственное управление Польши. С

тех пор, около двух с половиной столетий эти области развивались самостоятельно, вне связи друг с другом. Поэтому рост и развитие латышской школы в каждой из этих областей были своеобразны, и эти особенности сохранились вплоть до образования Советской Латвии в 1919 г.

О первых латышских школах XVI-го в. в архивных материалах не сохранилось никаких сведений, имеются лишь летописные упоминания о намерениях государствующих классов организовать школы для латышей.² Однако эти намерения не связаны с доброжелательностью по отношению к угнетённым массам латышского народа, в их основе лежали чисто практические соображения. Во-первых, хотя протестантизм и победил, корни католицизма и язычества были еще довольно сильны и против них надо было бороться. Во-вторых, школам следовало стать орудием идеологической борьбы против эксплуатируемых крестьянских масс и ослабить классовую вражду. Обусловленные этими соображениями, содержание школьной программы должно было сводиться к обучению религии, воспитывающей покорность господам. В 1558г. цесисский пастор Миллер внес предложение орденскому магистру об организации школ для крестьянских детей. Пастор указывал на непонимание латышами религии, на сохраняющееся идолопоклонство и отрыв от церкви и на возможность преодолеть все это с помощью школ. Орденский магистр согласился с предложением и наложил на крестьян новую подать под названием "школьные деньги". Эту подать собирали ежегодно с "большим усердием", но деньги шли на военные нужды, и ни одна школа не была основана.³

Подобные предложения были высказаны и в Курземе. В Гробиньском округе, отданном в залог Пруссии /1560-1609 гг./, прусский герцог весной 1560 г. приказал провести церковную визитацию /ревизию/, чтобы получить сведения о состоянии религиозной жизни округа. Визитацию провёл придворный пастор И. Функ. В своём отчёте он указал, что религия не имеет влияния не только среди латышей, но и среди немцев, которые к ней равнодушны. Он предлагал издать указы об организации школ при церквях в Лиенае и Гробине,⁴ чтобы привлечь немецких и латышских детей к посещению церкви.⁴ В том же году обе школы были открыты, но нет сведений об обучении в них ла-

тышских детей.

В отправлении религиозного культа значительную роль играло пение, но в то же время незнание большинством прихожан духовных песен препятствовало созданию церковных хоров. Для организации песнопения во время богослужения были созданы особые детские хоры, которые обучались кистером /причётником/, помощником пастора. Такой детский хор был создан в конце XVI в. при рижской латышской церкви св. Иоганна. Сбор детей в одном месте - обычно в какой-либо церковной пристройке или в жилище кистера - для обучения пению и молитвам стало первым шагом на пути создания школ.

В начале XVII в. территория, населённая латышами, опять подверглась разделу. Польско-шведская война /1600-1629 гг./ за господство на Балтийском море окончилась победой шведов: они приобрели Видземе и Ригу, а Латгале по-прежнему оставалась под игом польских панов. Это усилило конфессиональный раздел латышских областей. В Латгале Польша сохранила католицизм, а в Видземе и Риге укрепился протестантизм, которому принадлежала значительная роль в развитии латышских школ, особенно в Риге. Именно здесь и сформировались первые латышские школы.

Рижские латышские школы. В XVII в. Рига выросла в крупный торговый центр на берегах Балтийского моря, расширились торговые связи с Востоком и Западом. Значительную часть рижского населения составляли латыши, образовавшие самый немущий и бесправный слой городской бедноты. Постепенно латыши проникли в ремесленные цехи. С ростом городского латышского населения, его хозяйственной деятельности и конкуренцией с немцами возникла потребность в школах, которые давали бы необходимое образование как ремесленникам, так и работникам подсобных отраслей торговли.

Если первые произведения литературы на латышском языке были предназначены лишь для самих пасторов и печатались в небольшом количестве за границей, то в начале XVII в. религиозная литература стала печататься в местной рижской типографии. В 1615 г. вышла так называемая справочная книга или "Enhi-ridion" /собрание песен и евангелие/ вторым, а в 1631 г. -

третьим изданием. Это сочинение и стало первой книгой для чтения в латышских школах, и ею пользовались более ста лет. Кроме того, эту книгу употребляли для обучения чтению в домашних условиях, когда не было возможности посещать церковь. На наличие известного числа латышей умеющих читать указывает издатель в предисловии к книге. Он пишет, что в случае, если у человека нет возможности посещать церковь, "он может в своём доме побудить читать эту книгу детей или добросовестных людей, умеющих читать".⁵ О том, что латышам были знакомы многие слова, связанные со школой и её деятельностью, свидетельствует опубликованный в 1638 г. замечательный труд одного из первых исследователей латышского языка Г. Манцелиуса "Латышская фразеология". Первая часть труда содержит немецко-латышский словарь, где встречаются такие слова, как, например, школа, школьник, школьные деньги, книга, читать книгу, перо и другие.⁶

В начале 30-х г. XVII в. при церкви св. Гертруды была открыта вторая латышская школа. Первоначально её задача была такая же, как у школы св. Иоанна - организовать церковный хор. Первые указания на его деятельность относятся к 1632 г., когда приходской кистер Микелис Бакитс организовал класс школьников для обучения пению.⁷

Последняя треть XVII в. ознаменовалась значительным ростом латышских школ в Риге. Так как городской магистрат не разрешал латышам жить в самом городе, а лишь между валами или в предместьях, то там и были созданы новые школы: на Лас-тадии, на Кливерсале, у канала Дзирнаву. Особенно много латышей проживало в Пардаугаве /на левом берегу реки Даугавы/. Латыши Пардаугавы были включены в приход церкви св. Иоанна, но так как ежедневно надо было два раза пересекать Даугаву, то учиться в Иоанновской школе детям было затруднительно, особенно осенью и зимой. Поэтому тамошние латыши пользовались неофициальными так называемыми закоулочными школами, а более зажиточные латыши нанимали для своих детей домашних учителей. Так, например, ольдерман цеха рыбаков Ян Наринь нанял для своих детей в 1666 г. немецкого учителя. Впоследствии этот учитель основал частную школу в имении Рудзу Муйжа /Steinholt /.⁸

В целях управления и надзора за жизнью школ Риги, магистрат и городская консистория создали в конце XVII в. общий орган управления - школьную коллегия (collegium scholariale), проводившую ежегодно ревизию немецких школ. Светский ревизор проверял материальное положение школы /школьные помещения, расходование предоставленных денежных средств/, а духовный ревизор следил за ходом учёбы. О результатах проверки ревизоры сообщали на заседаниях консистории. Консистория обобщала высказанные мнения и свои предложения об улучшении школьной работы, представляла магистрату, который затем принимал окончательное решение.

Знаменательной датой в истории латышских школ г. Риги стал 1664 год, так как в этом году городские схолярхи впервые проверяли и самую старую латышскую школу. На заседании консистории 8 ноября схолярхи докладывали о проведённой ревизии в "ненемецкой" /латышской/ школе при церкви св. Иоанна. Консистория приняла решение - поручить приходу привести в порядок школьные помещения, учителю же Микелю Гердсону впредь ежегодно выплачивать из городской кассы вознаграждение в размере 20 талеров, за что он обязан был бесплатно обучать 12 нуждающихся школьников.⁹ Проведённая ревизия и решение консистории означали официальное признание латышской школы и, вместе с тем, также и то, что эта школа вышла из первоначальных рамок "молитвенных школ". Это также свидетельствовало о предусмотрительности магистрата и консистории в другом аспекте: пока латышские школы работали на уровне молитвенных школ, они не были опасны немцам, но когда они превращались в школы чтения, их необходимо было подчинить надзору. В 1675 и 1676 г. схолярхи опять докладывали о проведённых ревизиях в Иоанновской школе. В 1675 г. они сообщили, что дети чувствуют себя в школе уверенно, хорошо читают и пишут,¹⁰ но в 1676 г. ревизоры отметили, что не все школьники обучаются чтению и письму.¹¹ Это объясняется порядком, существовавшим в то время в рижских школах, а именно, родители платили учителю отдельно за каждый преподаваемый предмет. Для чтения необходимо было покупать сравнительно дорогие книги, а для обучения письму - письменные принадлежности, что не всем было под силу.

Начиная с конца 30-х г. XVII в. в латышских школах стали обучать детей счёту. Впервые об этом упоминается в отчёте ревизоров 1689 г. о Иоанновской школе, где и отмечается, что еще очень небольшое число детей умеет считать.¹² В конце XVII в. начало обучения счёту зафиксировано также в остальных латышских школах города Риги.¹³

В начале 80-х г. в жизни рижских латышских школ наблюдаются существенные перемены. В ответ на требование шведской администрации создавать школы для латышского населения Риги и заботиться об их содержании, магистрат 4 февраля 1681 г. акцентировал проект бургомистра об открытии новых латышских школ в Пардаугаве и в других предместьях города, но тут же добавил, что магистрат не располагает средствами для осуществления этих мероприятий.¹⁴ 30 октября 1681 г. постановление магистрата было оглашено в латышских церквях и в виде плаката вывешено на церковных дверях.¹⁵ В постановлении было указано, что магистрат принимает латышские школы в своё ведение, но за обучение религии, чтению и письму родители обязаны выплачивать учителю каждую четверть по I гульдону или 4 гульдена ежегодно /I гульден равнялся $\frac{1}{3}$ талера/. За неотправку детей в школу магистрат грозил штрафом родителям. В действительности все эти требования никогда не были осуществлены.

С формальной стороны постановление магистрата означало признание всех латышских школ. К концу XVII в. число латышских школ в Риге достигло десяти. Разумеется, что ни по объёму учёбы, ни по её содержанию, ни по количеству учеников латышские школы нельзя было сравнить с немецкими, но все же это было большим достижением. Взяв в своё ведение латышские школы, рижский магистрат должен был также, учитывая указание шведской администрации, взять на себя часть расходов по содержанию школ. После длительного обсуждения 25 октября 1682г. было решено выплачивать каждому учителю ежегодно по 100-120 флоринов /3 флорина = I талеру/ из городской кассы. За это учитель обязан был обучать бесплатно 12 нуждающихся школьников.¹⁶ Чтобы учитель не мог обойти это постановление, ревизоры всегда требовали показывать таких учеников.

В последнем десятилетии XVII в. в жизни латышских школ

Риги начался процесс с далеко идущими последствиями для всей последующей истории латышских школ, а именно переход на немецкий язык преподавания. Преподавание на этом языке во многих школах началось еще раньше - в середине XVII в., когда обучение катехизму и молитвам велось по немецким книгам, которые стоили дешевле. Когда стали учить счёту - преподавание на немецком языке стало массовым, так как книги по арифметике были доступны лишь на немецком языке. Распространение немецкого языка в латышских школах взволновало пасторов. Они требовали запрещения такого обучения, ссылаясь на постановление о том, что в "ненемецких" школах преподавание должно вестись на "ненемецком" языке. Еще в 1684 г. ревизоры Иоанновской школы отметили, что немецкому языку там обучают больше, чем латышскому.¹⁷ Проверив школу в Ластадии в 1691 г. члены консистории сообщили, что школа должна придерживаться одного языка преподавания - латышского, "чтобы дети не возгордились".¹⁸ Еще более недвусмысленно выразил эту мысль пастор Иоанновской церкви, указывая на то, что неправильно разрешать "ненемцам" учиться тому же, что и немцам.¹⁹

Расширение преподавания на немецком языке в латышских школах было обусловлено требованиями времени. Знание немецкого языка давало возможность получить лучше оплачиваемую работу, особенно на предприятиях, связанных с торговлей, где приходилось выполнять сложные операции. Это относилось и к ремесленникам, услугами которых пользовались немцы, так как труд ремесленников-латышей было дешевле, а иногда и качественнее труда ремесленников-немцев. В этих условиях латыши стремились обучать детей немецкому языку, чтобы обеспечить им в будущем лучшее материальное положение.

Констатация школьными комиссиями факта обучения на немецком и латышском языках косвенно свидетельствует об усиливающейся социальной дифференциации латышского населения; наиболее зажиточные родители могли платить за обучение немецкому языку, неимущие же, напротив, вынуждены были отказаться от этого.

Требование пасторов запретить обучение немецкому языку носило ярко выраженный классовый характер и свидетельствовало о дальнейшем обострении классовых противоречий в Риге.

конце XVI в. Пасторы не хотели мириться с фактом, что латыши по уровню образования смогут приблизиться к немцам и говорить на их языке. В это время усилилась также конкуренция между ремесленниками-латышами и ремесленниками-немцами. Поэтому немецкие ремесленники были заинтересованы в том, чтобы латыши отставали в знаниях, которые в то время можно было приобрести лишь посредством немецкого языка.

Однако характерно, что на требования запретить преподавание немецкого языка в латышских школах рижский магистрат не реагировал. Это объясняется тем, что большинство членов магистрата состояло из купцов и владельцев мануфактур, непосредственно эксплуатировавших рабочую силу латышей. Члены магистрата были заинтересованы в обеспечении своих предприятий рабочей силой, не испытывавшей языковых затруднений и в то же время наиболее дешевой. Вследствие этого стремление консистории добиться запрета обучения немецкому языку в латышских школах потерпело неудачу. Это, в свою очередь, стимулировало сближение латышских школ с немецкими, которое завершилось к 30-м г. XVII в., когда рижский магистрат официально разрешил преподавание немецкого языка в латышских школах.

Известное значение приобрёл и другой факт - обучение латышских детей в немецких школах, хотя позволить себе это могли лишь самые зажиточные латыши. На заседании консистории в 1696 г. пастор Иоанновской церкви сообщил о сокращении числа учеников в Иоанновской школе с 70 до 30 и объяснил это массовым поступлением латышских детей в немецкие школы, что, по его мнению, следовало немедленно запретить.²⁰ Это подтверждал и учитель школы, указывая на то, что латыши, посылая своих детей в немецкие школы, возгордились.²¹

Проверка школьниками латышских школ и их отчёты позволяют глубже взглянуть в повседневную работу этих школ. Уровень обучения не был одинаков. Ведущее место занимала старая Иоанновская школа, которую ревизоры постоянно хвалили. И все же к концу века школа начала отставать. В 1696 г. ревизоры указывали на то, что учитель этой школы тратит слишком много времени на хозяйственные дела, школьной же работе уделяет мало времени. В будущем учитель собирается держать лошадь, что в еще более отрицательно отзовется на работе школы.²²

Наравне с Иоанновской школой схолярхами было сказано много одобрительных слов об Ильгециемской школе в Пардаугаве. Здесь находилось старинное поселение латышских рыбаков, и в школе обучались, главным образом, их дети.

В 1681 г. по свидетельству впервые появившихся здесь схолярхов, в школе обучалось 70 учеников.²³ Учебная работа там велась успешно, и в последующие годы число учеников непрерывно возрастало. Вскоре оно перевалило за 100, так что школьные помещения оказались слишком тесными.²⁴ Остальные же школы Пардаугавы - в Торнякалсе и Агенскалсе постепенно приходили в упадок.²⁵

Национальность учителей трудно определить. Судя по письменным документам, фамилии большинства из них указывают на немецкое происхождение, однако за немецкими фамилиями могли скрываться и лица латышской национальности. Обычно учитель занимал также должность церковного кистера. В этом случае, помимо школьных денег от учеников, он получал также небольшую плату от прихода. Постоянные прошения учителей, адресованные магистрату, об увеличении им платы из городской кассы, как и жалобы на родителей о неуплате школьных денег, свидетельствуют о необеспеченном материальном положении учителей. Это часто заставляло их заниматься еще и другой деятельностью.

Продолжительность учебного года в латышских школах XVII в. нельзя точно определить. Из источников следует, что учёба начиналась в конце августа и оканчивалась в середине июля с перерывами на время религиозных праздников. Дети обучались столько лет, сколько родители были в состоянии платить. Часть родителей удовлетворяло зазубривание их детьми религиозных догм, и на этом образование заканчивалось, другие ограничивались обучением чтению и письму, а самые зажиточные родители могли позволить себе обучать своих детей счёту и немецкому языку. Работать с таким разнородным по уровню знаний составом учеников было очень трудно, поэтому и результаты были ничтожны. По обычаям того времени в школу можно было поступить и уйти из неё в любое время, поэтому главным в учёбе была индивидуальная работа учителя с каждым учеником или с небольшими группами. В работе с младшими учениками учителя помогали старшие ученики.

Главным предметом считалась религия, которой подчинялись все остальные предметы. Каждый учебный день начинался и оканчивался молитвой и духовным песнопением. По книгам религиозного содержания учились читать и писать. Лишь в конце ХУП в. в школах появилась первая латышская азбука. После перевода и издания библии на латышском языке, она тут же была введена в школьную учебную программу.²⁶ По воскресеньям школьники в сопровождении учителя приходили в церковь, и хор школьников участвовал в богослужении. По успехам в пении приход оценивал работу учителя, поэтому учителя требовали от школьников особого усердия в этой области.

Итак, возникнув в определённых исторических условиях с определённым конфессиональным заданием, латышские школы постепенно расширяли программу обучения, приближаясь к уровню низших немецких школ. Чтобы предотвратить вмешательство шведской администрации в дела латышских школ, магистрат взял их в своё ведение. Стремление получить более высоко оплачиваемую работу и приблизиться к немецкому образу жизни заставило латышей обратить усиленное внимание на изучение немецкого языка, что в свою очередь определило постепенное перерастание латышских школ в немецкие.

Видземские крестьянские школы. Возникновение крестьянских школ в видземской деревне по сравнению с Ригой задержалось почти на сто лет. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в Риге создание латышских школ стимулировалось потребностями богослужения, в деревне же эти потребности ощущались значительно меньше.

Не во всех видземских приходах в первой половине ХУП в. были церкви и соответственно пасторы. В небольших сельских церквях приходилось даже упрощать ритуал богослужения и отказываться от участия хора. Во-вторых, необходимо учесть разбросанность крестьянских дворов, их значительную отдалённость от церкви. В сельских приходах в первой половине ХУП в. кистеры также были редкостью, и поэтому не было человека, который мог бы учить детей пению. В третьих, важным фактором являлось равнодушное отношение крестьян к церкви и ее требованиям. В четвёртых, круг крестьянской хозяйствен-

ной деятельности и общественных отношений был значительно уже, чем объём экономических интересов и связей латышей Риги. Крестьяне были крепостными, вся их жизнь и трудовая деятельность обычно не выходила за пределы мызы и церкви. Перед крепостными крестьянами не вставали такие проблемы как конкуренция с немецкими ремесленниками, стремление найти более выгодные условия работы и получить большую заработную плату.

В начальный период шведское правительство неоднократно призывало помещиков пойти на создание школ как одного из средств влияния на крестьян, но всегда встречало отказ.

Изменения в политике шведского правительства в Видземе наблюдаются во времена Карла XI. С конца 70-х г. XVII в. в Швеции утвердился абсолютизм, который покончил с неограниченным господством дворянства не только в самой Швеции, но и в Видземе. Здесь началась редукция имений, в результате которой около 80% имений вместе с принадлежащими им крестьянскими дворами превратились в домены шведской короны; государство стало самым крупным землевладельцем в Видземе. В противоположность прежнему отрицательному отношению помещиков к школам, шведский абсолютизм сразу же провёл несколько мероприятий по созданию крестьянских школ. Оно требовало, чтобы в каждом приходе была своя школа. Целью школьной политики Карла XI было укрепление в среде крестьянства авторитета церкви, главой которой был сам король, а с помощью церкви и королевского абсолютизма. В шведских церковных законах 1686г. крестьянским школам была посвящена целая глава. Главная задача пасторов состояла в обучении крестьян основам религии. За уклонение от проверки религиозных знаний был предусмотрен штраф. От учителя требовали, чтобы он мог читать книги, петь, писать и обучать этим навыкам молодёжь. Школьные ревизоры должны были следить за тем, чтобы "учителя тщательно и старательно выполняли свою работу, неумелых и нерадивых же увольнять и на их место подбирать лучших".²⁷

В церковных законах религиозная направленность школ была довольно ярко выражена. Они требовали выучивания катехизиса и отдельных параграфов библии. В местных условиях все же большое значение приобрело постановление об обучении чтению, а это был шаг вперёд. Шведский абсолютизм все же не был

последовательным: обучению письму подлежала только молодёжь шведской национальности. В видземских крестьянских школах обучение письму засвидетельствовано лишь в одном случае, и то за особую плату учителю.²⁸

Принимаясь за создание крестьянских школ, шведская администрация должна была решить целый ряд вопросов: отвести школам помещения, найти пригодных учителей и позаботиться об их заработной плате. Чрезвычайная бедность видземских крестьян исключала возможность их участия в содержании школ, поэтому материальное обеспечение последних должны были взять на себя государство и помещики. Если даже правительство проявляло слишком большую бережливость, то еще меньше заботились о материальном обеспечении школ помещики. Для успешной работы школам прежде всего необходимо было отвести помещения. Как правило, повсеместно практиковался отвод под школы тех помещений, которые нельзя было использовать для хозяйственных целей, - такие как полуразвалившаяся корчма, негодное мызное строение, покинутый крестьянский хутор. Только немногие школы получили вновь построенные здания, да и те были мало пригодны для учебной работы. Так, например, в 1697 г. пастор из Сигулды сообщил, что школа построена на непрочном фундаменте.²⁹ Ещё хуже обстояло дело с внсь построенной конесской школой. В школьной комнате не было полов, через щели в открытых фундаментах зимой задувало снег. Окна для школы - ветхие и скреплённые досками - были взяты из старого дома пастора. Двери школьной комнаты-класса были нагешены на крюках.³⁰

После того как было найдено помещение, необходимо было найти средства для материального обеспечения учителя. Обычное вознаграждение учителя состояло из предоставленного ему участка земли в размере $\frac{1}{4}$ гака³¹, что в то время соответствовало небольшому крестьянскому двору. Таким образом, бытовые условия учителя ничем не отличались от условий жизни крестьянина, обычно они были еще хуже, так как хозяин крестьянского двора мог иметь батраков, учитель же должен был обрабатывать свою землю сам, лишь в редких случаях получая рабочих от мызы. Если выделенный учителю участок земли был меньше минимального размера, государство компенсировало не-

достающую часть продуктами, предоставлением рабочей силы, денежной платой из кассы имения или церкви.

Об учителях того времени сохранилось еще меньше сведений, чем о создании школ. Так как вознаграждение учителя - земля давала лишь часть необходимых средств к существованию, то было трудно найти подходящих людей. Поэтому учителями, как указывали генерал-суперинтендент Я. В. Фишер и главный церковный попечитель Рижско-Валмиерского уезда, часто становились случайные люди, бродяги, пьяницы и драчуны, которые уж одним своим образом жизни отпугивали родителей и детей.³² Работали учителями также и инвалиды, которые отдавали школьную землю крестьянам в аренду за часть урожая. Учителями были и сельские ремесленники, которым школьная земля давала дополнительный доход. Учитель на острове Доле, например, был кузнецом, в Смилтене - рыбаком.³³

Учителя в своём преобладающем большинстве были немцами. В официальных документах XVIII в. учителя-немцы всегда назывались по имени и фамилии, латышей же называли только по имени, указывая также название двора, где они проживали. Среди известных нам учителей можно установить лишь 6 латышей, хотя их должно было быть гораздо больше. Социальное положение латышского учителя-крепостного резко отличалось от положения немецкого учителя: латышам никогда не давали батраков для обработки школьной земли, им предоставляли земли худшего качества.³⁴ Среди первых известных учителей документы упоминают латышского учителя Грибиешу Яниса из Рубенского прихода Валмиерского уезда.³⁵ Он учительствовал с 1679 г., а во время школьной визитации 1739 г. ему уже было 80 лет и к этому времени он мало что мог дать своим ученикам. Рубенский приход был небольшим и бедным, жалкое существование владели даже пасторы, а учителя приходилось жить на то, что перепадало ему от мызы или давали крестьяне. Поэтому большое значение имели хорошие отношения учителя с крестьянами, каковые он, Грибиешу Янис, и умел создавать. Второй известный учитель был в Матишском приходе того же уезда - это Каспар - хозяин крестьянского двора Ведзели. Как долго он учительствовал, неизвестно, в документах 1726 г. лишь упоминается, что в приходе уже 3 года работает учителем его сын Давид.³⁶

Эффективный путь подбора учителей избрал пастор Глюк в Алуксненском приходе. Он не искал учителей среди немцев, но в первые два года подготовил их из среды латышей. Глюк исходил из правильного предположения, что учитель-латыш может быть более полезен, чем немец, ведь учитель-немцу латыши не особенно доверяли. По требованию пастора осенью 1683 г. каждое имение Алуксненского прихода должно было прислать двух одарённых юношей в школу. По согласованию со шведской администрацией Глюк после года обучения посылал этих юношей учительствовать в соседние приходы. В своем сообщении генерал-губернатору в 1699 г. пастор писал, что "в 1683 г. в Видземе, таким образом, были основаны 3 школы", а в 1684 и 1685 гг. он послал другим пасторам обученных юношей, которые также как он сам "смогут обучать других. Таким образом, земля пополнится учителями".³⁷ В этих словах много риторики, но мало реальности. Согласно архивным данным в Алуксненской школе каждый год обучалось не более 10 учеников.³⁸ Из подготовленных Глюком учителей известны двое - Вильгельм в Гулбене и Креслиньш Симанис в Вейаве,³⁹ но с известной степенью достоверности наличие их можно предполагать также в Гауиенском, Берзаунском, Лубанском и в других ближних приходах.

Мало сохранилось сведений о первых учениках. Плохие материальные условия и нужда не давали крестьянам возможности посылать детей в школу. На это указывал и Глюк, когда в 1684 г. писал шведской администрации, что мызы должны снабжать хлебом до следующей осени тех детей, которым хлеба не хватает.⁴⁰ Это формально гуманное указание имеет глубоко классовое содержание. Осенью возвращать хлеб могли лишь хозяева, а не батраки. Таким образом, первые школы в Видземе уже с самого начала предполагали неравные возможности для обучения. Если при особенно благоприятных обстоятельствах дети батраков и обучались в школах, то это было исключением. Распоряжение 1684 г. о том, чтобы каждый крестьянский двор направил учиться хотя бы одного ребёнка, было нереальным и означало лишь формальное выполнение королевского указа.⁴¹ Размер школьного помещения в лучшем случае давал возможность обучать 10-20 учеников одновременно. И поэтому не могло быть

выполнено распоряжение 1684 г. так как приход насчитывал 100-120 крестьянских дворов.

В системе обучения господствовало механическое заучивание.³⁹ Читали не последовательно, а отдельными главами, поэтому самостоятельно ученик мог прочесть лишь те места книги, которые проходили в школе. То же было и с механически заученными молитвами: их умели декламировать с начала до конца, но затруднялись, если требовалось пересказать их не в заученном порядке. Поэтому ученикам для усвоения религиозных догм и навыков чтения требовалось несколько лет.

Из неполных данных следует, что количество школьников было невелико. Самые полные сведения относятся к Арайшской школе Цессиского района за 1684-1707 г., когда там обучалось всего 67 детей.⁴³ Самое большое число школьников относится к 1707 г. - 16; в 1694 г. их было - 12. В 1690-1696 г. в Смиттенской школе обучалось 57 детей.⁴⁴ За 1689 г. получены данные о нескольких школах: в Гулбене обучалось 25, в Вейве - 19, в Берзауне - 20, в Сунтаках - 10 и в Алуksне - 19 детей.⁴⁵

Школы были совершенно новым явлением в жизни латышских крестьян и поэтому отношение к ним в крестьянской среде было недоверчивым, отрицательным, как ко всему, исходящему от господ и церкви. Крестьяне уклонялись от посылки детей в школу, отданные же в школу дети убегали оттуда. На это указывал пастор Глюк в своём заявлении шведской губернской администрации в 1684 г. Он писал, что необходимо, чтобы отец или друг, к которому убегал школьник, его тут же возвращал в школу, в противном случае, школьник должен быть наказан розгами, а отец - кнутом.⁴⁶

Прежний опыт убеждал крестьян, что от своих угнетателей они никогда не добьются улучшения своего положения. Каждое распоряжение правительства или помещиков ухудшало их положение, облагало их новыми податями, поэтому понятны недоверие и подсознательность крестьян в отношении школьного дела. Крестьяне искали всевозможные предлоги, чтобы не выполнять распоряжение шведской администрации о посылке детей в школу. Чаще всего они указывали на своё бедственное материальное положение. Кроме того они усмотрели в этом приказе увеличе-

ние ненавистной им барщины. Управляющий сигулдским именем сообщил, например, в 1693 г., что все его старания повлиять на крестьян, чтобы они посылали своих детей в школу, окончились неудачей. В своём ответе крестьяне высмеивали управляющего, указывая на то, что они должны посылать детей на рабству и тот, кто хочет отправлять их в школу, прежде всего должен освободить их от работы.⁴⁷ Так же неудачно окончились все попытки привлечь детей к школе в Мазсалацком приходе. В ноябре 1696 г. губернская администрация опубликовала особый плакат для приходских крестьян по школьному вопросу. Там говорилось, что администрации "неприятно слышать, что в Мазсалацкой немецкой школе обучение детей поставлено так плохо, что каждый оправдывается небольшими запасами и невозможностью снабжать детей продовольствием".⁴⁸

Опасения крестьян об увеличении барщины в связи с созданием школ были небезосновательны. Это выяснилось уже в середине 80-х г. Для ремонта школ и постройки новых крестьяне должны были заготавливать и привозить строевой лес, строительные работы выполнять как чрезвычайную барщину. В некоторых приходах крестьянам приходилось и обрабатывать школьную землю. В этот период отмечается также усиленное привлечение крестьян к материальному обеспечению учителей. Уже в 1684 г. в Ропажском приходе Рижского уезда было решено, что каждый крестьянский двор обязан давать учителю полчетверика $\frac{1}{6}$ пур; пур = 69,5 л/ ржи или ячменя.⁴⁹ В 1688 г. отмечалось, что учитель Друстского прихода может пользоваться услугами крестьян.⁵⁰ В 1696 г. шведская администрация указывала пастору Мазсалацкого прихода, что следует помочь школьному учителю посредством сбора с крестьян полчетверика хлеба.⁵¹ Управляющий сигулдским именем заявил в 1693 г., что для содержания школы необходимо привлечь всех крестьян прихода, так как школа ложится тяжелым бременем на мызу.⁵² Так, шведское правительство постепенно отказывалось от своих первоначальных обещаний дать бесплатную школу всем крестьянским детям в Видземе. В последующие десятилетия участие крестьян в материальном вознаграждении учителя стало общим явлением.

Надзор над всеми крестьянскими школами находился в ведении двух учреждений. Видземская Обер-консистерия с помощью пасторов и визитационных комиссий наблюдала за учёбой, следила за тем, чтобы учитель не уклонялся от догм протестантизма. Экономическими же вопросами ведало основанное в 1681 г. Видземское экономическое управление. Роль Обер-консистерии в школьной жизни была совершенно неприметной, так как она довольствовалась сообщениями пасторов. Гораздо больше крестьянскими школами занималось экономическое управление. В документах о создании крестьянских школ шведские власти подчеркивали, что в школах "учитель обязан обучать детей чтению и молитвам лишь на немецком языке, чтобы они ни в коем случае не могли быть отвлечены от крестьянских работ".⁵³ Это условие резко отличало видземские крестьянские школы от рижских латышских школ.

Невозможно точно установить, когда и где в Видземе были созданы первые крестьянские школы. Недостаёт архивных материалов. Из сохранившихся фрагментарных данных можно заключить, что начало их следует искать в конце 70-х и начале 80-х г. XVII в.⁵⁴ В утверждённых генерал-суперинтендантом в 1677 г. вопросах для проверки церковных приходов визитационным комиссиям не было поручено интересоваться школами, из чего можно заключить, что в то время они ещё не существовали.⁵⁵ Освоенные к настоящему моменту архивные материалы показывают, что одна из старейших латышских крестьянских школ находилась в Рубенском приходе Валмиерского уезда⁵⁶ и действовала с 1679 г. Школа не имела своего постоянного здания, дети обучались в жилом доме учителя. Учитель, будучи сам ремесленником, должен был арендовать землю, так как школа не имела своего участка. К этому времени следует отнести и начало Матюшской приходской школы Валмиерского уезда.⁵⁷ Документ более позднего времени указывает, что в 1678 г. шведская администрация выделила этой школе участок земли, размеры которого на карте 1691 г. обозначены в 51 десятина. Это подтверждается также визитационным протоколом 1739 г., в котором отмечается, что школьная земля выделена из крестьянского двора Ведзели имени Буртиски в размере $\frac{1}{4}$ гака и

что хозяин этого двора Каспар был первым учителем Матилского прихода.⁵⁸ За 1632 год имеются сведения и о Виеталвской приходской школе.⁵⁹

Деятельность первых латышских школ в Видземе была кратковременной, но несмотря на это имела положительное значение. Создание школ было шагом вперёд по сравнению с предыдущим периодом. Возникнув как орудие абсолютизма для укрепления его власти, школы положили начало обучению детей латышских крестьян в тяжелых условиях крепостничества. Школа получила официальное признание и приобрела характер государственного образовательного учреждения. Школа получила также определенную материальную базу, основой которой были дотации государственных земель. Школы сохранили эти земельные участки более двух столетий, несмотря на все попытки немецких помещиков их упразднить, а церкви - их присвоить. Хотя эта база была слабой и шаткой, она все же создавала благоприятные условия для дальнейшего развития крестьянской школы в последующие века. Самым большим достижением школ этого периода было усвоение навыков чтения, которые вскоре стали неотъемлемой частью крестьянской жизни и, в свою очередь, создали предпосылки для дальнейшего расширения учебной работы.

Латышские школы в Курземе. Развитие крестьянских школ в Курземе имело свои особенности. Они возникли более чем на столетие позже видземских. Это было обусловлено рядом причин. Во-первых, власть курземского герцога была слаба, и среди дворян-помещиков он был лишь первым среди равных. Поэтому герцог не мог с помощью политики насаждения школ поднять авторитет государственной власти среди крестьянства. В связи с этим до конца XVIII в. лишь мнимые гуманистические устремления отдельных помещиков спорадически вели к созданию школ в имениях. Во-вторых, более зажиточные латышские крестьяне-хозяева, особенно из герцогских имений в окрестностях Елгавы, пользовались своей приходской школой в городе или нанимали домашних учителей-немцев, которые обучали детей не только чтению, но также письму и счёту. Это явление фиксируется с конца XVII в. вплоть до середины XIX в., когда дети этого обеспеченного слоя крестьянства стали усиленно вливаться в немецкие школы.

Старейшая латышская школа в Курземе была создана в 30-ые гг. XVII в. в Елгаве. Она была создана для латышей, проживающих в Елгаве и в окрестных имениях.⁶⁰ Эту школу при церкви св. Анны посещали также немецкие дети из неимущих слоев, которых не принимали в церковный приход дворян и городского немецкого патрициата. Это обстоятельство предопределило немецкий язык преподавания, но, в отличие от городской латинской школы для немцев, эта школа в документах последовательно обозначается как "школа для неимущих". Это была старейшая латышская школа в Курземе, которая уже в самом начале своей деятельности применяла немецкий язык преподавания. Поэтому и уровень образования был сравнительно высоким, равный уровню лучших немецких школ Фиги с обучением чтению, письму и счёту. Год основания этой школы трудно установить, так как соответствующие документы утрачены. Проследив записи сохранившихся церковных книг и выписки из них, можно сделать вывод, что в 1636 г. школа уже существовала. Не исключено, что она существовала и раньше, так как в 1633 г. основываясь на каких-то неизвестных данных, отмечалось её 300-летие. Относительно численности учеников известно только то, что количество принимаемых школьников делили между городом и деревней соответственно числу городских и сельских прихожан /в XIX в. - городу - $\frac{2}{3}$, а деревне - $\frac{1}{3}$. - А. С./.

Существовала вторая латышская школа в Добельском приходе.⁶¹ Но этой приходской школе не повезло с учителем. Уже в визитационном протоколе за 1637 г. отмечалось, что "учитель должен обращать больше внимания на кношество и, чтобы никто не мог на него жаловаться, в будущем следует назначить на эту должность кого-нибудь другого". Визитация 1664 г. об учителе отзывалась еще хуже. В протоколе указано, что вследствие совершенного им умышленного преступления он отстраняется от должности и предается суду. Приходу же предлагается принять нового учителя, по национальности немца, "который смог бы руководить школой и обучать немецкое и немемецкое кношество чтению и письму".⁶² Акцент на национальность учителя в известной мере может указать на то, что предыдущий учитель был латышом.

Этим архивные материалы о Добельском приходе кончаются

вплоть до XIX в. К тому времени в Добельском и окрестных приходах уже была образована мощная школьная сеть с обширной программой преподавания, что, однако, не было бы возможно без того, что было достигнуто в предыдущие столетия. Именно в окрестностях Добеле и Елгавы в XVII в. население говорило на среднем диалекте и местные немецкие пасторы на этом же диалекте сочинили древнейшие религиозные и светские литературные произведения. Таким образом, Елгава, Добеле и окрестности стали колыбелью латышского литературного языка и значительным центром латышской культуры.

Итак, в Курземе дворянство ничего не предпринимало для создания школ, твёрдо стоя на своих позициях отрицательного отношения к ним. Еследствие этого навыки чтения распространялись здесь значительно медленнее, чем в Риге и Видземе и лишь благодаря инициативе самих крестьян.

¹ Salmiņš A. Latvijas skolu vēstures nozīmīgākie avoti (XIII gs. - XIX gs. 70. gadi). - Grām.: Latvijas skolu vēstures avoti. R., 1974, 32.-69. lpp.

² Tetsch L. Curländische Kirchen-Geschichte. - Königsberg; Leipzig, 1786, T. 2, S. 89-90; Latviešu konversācijas vārdnīca. R., 1934, 11. sēj., 21543. sl.

³ Einhorn Paul. Historia lettica. - Dorpt, 1649, S. 57.

⁴ Tetsch L. Curländische Kirchen-Geschichte, S. 89-90.

⁵ Mancelius G. Lettisch Vade mecum. - Riga, /1631/, S. 5.

⁶ Mancelius G. Lettus. - Riga, 1638, T. 1, S. 147; Phraseologia lottica. - Riga, 1638, T. 2, S. 154.

⁷ Центральный Государственный исторический архив Латвийской ССР, ф. 6637, оп. I, д. 42, л. 14 /далее: ЦГИА ЛатвССР/.

⁸ Arbusow L. Studien zur Geschichte der lettischen Bevölkerung Rigas im Mittelalter und 16. Jahrhundert. - Grām.: Latvijas Augstskolas Raksti. R., 1921, S. 95-96.

⁹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 1377, оп. I, д. 3, с. 471.

¹⁰ Там же, д. 5, с. 215.

¹¹ Там же, с. 273.

- 12 ЦГИА ЛатвССР, д. 10, с. 61.
13 Там же, д. 12, с. 52-53.
14 Там же, ф. 749, оп. 6, д. 25, с. 252.
15 Там же, ф. 1377, оп. I, д. 10, с. 61, 317.
16 Там же.
17 Там же, д. 7, с. 463.
18 Там же, д. 12, с. 54.
19 Там же, с. 56.
20 Там же, д. 15, с. 245.
21 Там же, с. 250.
22 Там же, с. 244-245.
23 Там же, д. 7, с. 133.
24 Там же, д. 12, с. 582.
25 Там же, с. 55; ф. 749, оп. 6, д. 47, с. 423.
26 Там же, ф. 1377, оп. I, д. 10, с. 545.
27 Schwedisches Land-Recht. - Frankfurt; Leipzig,
1709, S. 16-17, 97.
28 ЦГИА ЛатвССР, ф. 6999, оп. 12, д. 26, л. 81.
29 Там же, ф. 233, оп. I, д. 54, л. 2.
30 Там же, ф. 6999, оп. 12, д. 88, л. 2.
31 /Buddenbrock G. J. / Sammlung der livländischen
Provinzial Gesetze. - /Riga, 1820/, Abt. 2. Livländische
Landesordnungen, vom Jahr 1680 bis 1694, S. 1316.
32 ЦГИА ЛатвССР, ф. 233, оп. I, д. 267, лл. 99-103;
ф. 238, оп. I, д. 2597, л. 55.
33 Там же, ф. 7400, оп. I, д. 16, л. 8; ф. 6999,
оп. 12, д. 56, лл. 22-23.
34 Там же, ф. 238, оп. I, д. 37, л. 197.
35 Adamovičs L. Vidzemes baznīca un latviešu zemnieks
1710-1740. - R., 1933, 287. lpp.
36 ЦГИА ЛатвССР, ф. 238, оп. I, д. 37, с. 298.
37 Там же, ф. 7363, оп. I, д. 574, л. 9.
38 Там же, ф. 6637, оп. I, д. 38, л. 95.
39 Gailīte A. Vecpiebalgas draudzes skola. - R., 1937,
8. lpp.

- ⁴⁰ Hilner G. Ernsts Glucks, latviešu bībeles tulks, miera darbos un kara briesmās. - R., 1918, 32. lpp.
- ⁴¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 7400, оп. I, д. 13, л. 73.
- ⁴² Berkholz C. A. Verenlasste Erläuterungen zur Geschichte der Bauernschulen in Iäwland. - R., 1878, S. 24.
- ⁴³ /Sloka L./ Vidzemes draudžu kronikas. - R., 1934, 3. sēj., 64.-65. lpp.
- ⁴⁴ Zemzaris T. Ernesta Glika ziņojumi Vidzemes virskonsistorijai. - Latv. Vēst. Instit. žurnāls, 1940, Nr. 1, 127. lpp.
- ⁴⁵ Gaillite A. Vecpiebeļģas draudzes skola, 8. lpp.
- ⁴⁶ Hilner G. Ernsts Glucks, latviešu bībeles tulks..., 33. lpp.
- ⁴⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6999, оп. 12, д. 51, л. 9.
- ⁴⁸ Там же, ф. 7400, оп. I, д. 20, лл. 162-163.
- ⁴⁹ Там же, ф. 238, оп. I, д. 101, л. 18.
- ⁵⁰ Там же, ф. 7343, оп. I, д. 14, л. 276.
- ⁵¹ Там же, ф. 6999, оп. 12, д. 51, л. 9.
- ⁵² Там же, ф. 7400, оп. I, д. 20-а, лл. 612-613.
- ⁵³ Там же, ф. 6999, оп. 12, д. 88, л. 2.
- ⁵⁴ Там же, ф. 4038, оп. 2, д. 732, л. 14.
- ⁵⁵ Там же, ф. 238, оп. I, д. 2597, лл. 1-2.
- ⁵⁶ Там же, д. 37, лл. 15-16.
- ⁵⁷ Там же, д. 2422, л. 36.
- ⁵⁸ Там же, д. 37, лл. 197-199.
- ⁵⁹ Там же, ф. 234, оп. I, д. 35, л. 36.
- ⁶⁰ Там же, ф. 651, оп. I, д. 251, л. 70.
- ⁶¹ Там же, ф. 681, оп. I, д. 7, лл. 157, 168.
- ⁶² Там же, лл. 189-190.

I. Leinasare

LUDZAS APRINĀ ZEMNIEKI FEODĀLISMA
UN KAPITĀLISMA KRUSTCEĻĒS
(XIX gs. 60. - 70. gadi)

XIX gs. 60.-70. gadi ir lūzuma periods kā Latgales zemnieku, tā muižnieku dzīves veidā, psiholoģijā, viņu saimniecību ekonomiskajā attīstībā. Tieši tāpēc agrārās vēstures pētnieki tik lielu uzmanību veltījuši šim pārejas posmam no feodālā uz kapitālistisko saimniekošanas veidu.¹ Izmantojot līdz šim vēstures literatūrā maz analizētos Vitebskas guberņas zemnieku lietu komitejas, mierstarpnieku fonda, kā arī Krievijas ģeogrāfijas biedrības materiālus, varam sniegt padziļinātāku ieskatu Ludzas apriņķa zemnieku saimniecību attīstībā dotajā laika posmā.

Pēc 1863. g. 1. marta uksza Latgalē, kā arī pārējos Ziemeļrietumu apgabala rajonos tika likvidēta zemnieku pagaidu atkarība no muižnieka. Guberņas zemnieku lietu komiteja uzdeva Latgales mierstarpniekiem neizskatīt muižnieku sūdzības par kļaušu nepildīšanu pēc 1. maija, tāpat raudzīties, lai tie neprasītu zemniekiem atstrādāt iekrājušās parādu dienas.² Šīs tiesības strūk nostatīties uz kapitālistiskā attīstības ceļa zemnieki ieguva 1861.-1863. g. šķiru cīņas rezultātā.

Jaunās kapitālistiskās attiecības izvirzīja jaunas prasības zemnieku saimniecībai. Palielinājās naudas maksājumi. Bez jauniem valsts nodekiem, izdevumiem pagasta valdes uzturēšanai u.c. arī pašai zemnieku saimniecībai radās jauni izdevumi - izpirkuma maksa, kurinānā un lietās koku pirkšana no muižnieka u.c. Zemniekam bija nepieciešama nauda un viņam vajadzēja pārdot vai nu savus leksaimniecības ražojumus, vai arī savu darbaspēku. Vai trūcīgais zemnieks pārdos savu darbaspēku, bet turīgais - pirks to, noteica konkrētie sociālās apstākļi. Muiža lēni pārkārtojās uz elģotā darbaspēka izmantošanu savu tīrumu apstrādāšanai. Pelnā iešana uz citām guberņām 60. gadu sākumā nebija izplatīta. Pēc iekšlietu ministru F. Valujeva 1862. g. novembra ziņojuma царам redzams, ka no Ludzas apriņķa 1123 bezzemniekiem pelnā aizgājuši tikai

56.³ Neliela daļa zemnieku piepelnījās meža darbos (koku ciršana, pludināšana) Viļakas un Balvu pagastos. Tādā galvenais un vienīgais ienākuma avots Ludzas apriņķa zemniekiem bija lauksaimniecības produktu ražošana. Bet tieši šis notāres attīstībai 60. gadi klimatiski bija nelabvēlīgi. Saimnieciski ne visai labvēlīgam 1864. gadam sekoja 1865. g. ziema, kad uz nesasalušas zemes uzkrāta sniegs, tam sekoja atkušnis, pēc tam stiprs sals un ziemāji izsala. 1865. g. pavasarī zemnieki ar grūtībām apsēja vasarāja tīrumus, bet rudenī ziemājus varēja apsēt tikai daļēji. 1865. g. Pasienes, Pildas, Ruskulovas pagastos sliņoja mājlopi un to skaits samazinājās. Arī 1866. g. ziema Ludzas apriņķa zemniekiem bija grūta. Janvārī pagasta valde prasīja mierstarpniekiem priekšlikumus, kā sadalīt magazīnas labību: pa sētām vai uz galvijām, jo paredzams bads. Februārī Ludzas apriņķa pagastus apbraukāja pārtikas komisijas pārstāvis, lai noskaidrotu stāvokli uz vietas. Eversmuižas pagasts, iesniedzot sīku pārskatu par zemniekiem nepieciešamo labības daudzumu, atzīmēja, ka 14 (5%) saimnieki iztika ar savu labību, bet 8 (2,8%) saimniekiem labība pietika vienai nedēļai, 24 (8,5%) - divām, 9 (3,2%) - trim, 16 (5,7%) - četrām, 23 (8,2%) - piecām, 27 (9,6%) ģimenēm labība bija astoņām nedēļām.⁴ Jūnijā lielākā daļa Ludzas apriņķa magazīnu bija tukšas. Pārtikas trūkums 1866. g. pavasarī lika beidzot atrisināt arī jautājumu par muižnieku neatdoto zemnieku magazīnai līdz dzimtbūšanas atcelšanai atbērto labību. Muižnieki vilcinājās, aizbildinoties, ka labība bērtā muižas klētīs, tāpēc ne vienmēr nodalāma vai arī, ka zemnieki to jau izlietojuši. Patiesībā daļu no šīs labības muižnieki bija pasteigušies pārdot. Mierstarpnieki dotajā jautājumā iepēma nogaidošu pozīciju, norādot, ka zemnieku prasība noskaidrojama. Tēgad pārtikas komisijas lēmums bija tāds, ka muižniekiem labība nekavējoši jāatdo, vilcināšanās gadījumā iesaistāma pat policija.⁵ Muižnieki lēnām sāka atdot labību pagastu magazīnām. Bet dotajā brīdī - jūlija mēnesī zemnieku lielai daļai nav maizes un pārtikas komisija lūdz nenoplaut negatavu labību.

1867. g. nepadevās arī vasarāji. Pavasaris bija auksts,

vasara lietaina. Vasarājs vēl augusta vidū vietām nebija nobriedis, bet 24.-25. augustā uznāca salnas, septembrā sākumā pirmais sals. Zirpi, auzas, linsēklas, kas nebija novestas no tīruma, jau nederēja nākamā gada sēklai. Statistiskās komitejas materiālos oficiāli sāka parādīties dati par ziemāju sēklas trūkumu. Vitebskas guberņā palika neapsētas 1787 desetiņas rudzu. Kas attiecas uz Ludzas apriņķi, tad šī parādība vērojama, sākot ar 1865. g. Istras pagastā 1866. g. no 1149 desetiņu ziemāju tīruma apsēja tikai 759 desetiņas, tikpat vasarāju.

1. tabula

Ludzas apriņķa zemnieku sējumi⁶

Gads	Ziemāji	Vasarāji	Kartupeļi
četvertās			
1866.	13.724	17613	5096
1869.	16.326	17783	7377
1870.	20.440	23676	6424
1876.	13.962	17469	7996
1886.	20.393	24.532	14.835

Pēc vairākiem neražas gadiem 1869. g. rudenī raža bija apmierinoša (ziemājiem - 4,3. grauds, vasarājiem - 3,2) un zemnieki pilnībā apsēja tīrumus, t.i., tikpat daudz cik 1885, 1886. g., kuri bija labas ražas gadi, kad zemnieki iztika ar savu maizi. Sējuma platību ziņā gar tika sasniegts šis maksimums, bet raža bija zema (ziemājiem - 3. grauds, vasarājiem - 2,5). Neražas gados kā vasarāju, tā ziemāju sējuma platības samazinājās. Cik var spriest pēc pagastu valdes iesniegtajiem datiem mlierstaipniekiem par apsēto platību, tad 1876. g. daļēji izsala ziemāji un 70. gadu nogale saimnieciski bija ļoti sragā. Pērtikas komisija atzīmē, ka 1878. g. raža neapmierināja ledzīvotāju prasības, daudzas ģimenes badojās, trūka maizes. Lopiem, kas palika šī pēc pārdošanas sakarā ar parādiem, nebija barības. Ziemāju tīrumā daudzās saimniecībās palikuši neapsēti.⁷

Pēc statistiskās komitejas datiem viena cilvēka uzturam nepieciešams 1,5 četvertes maizes labības un 0,5 četvertes kartupeļu. Apskatāmajā laikā Ludzas apriņķa zemniekiem pēc

parādu atbēršanas magazīnai un, atskaitot sēklu, tāds daudzums labības palika 1869. gadā.

2. tabula

Labība un kartupeļi viena cilvēka uzturam
Ludzas apriņķī

Gads	Ziemāji	Vasarāji	Kartupeļi
	Ķetvertes		
1868.	0,24	0,30	0,42
1869.	0,90	0,67	0,30
1870.	0,65	0,59	0,25
1876.	0,16	0,98	0,80

Uz bada robežas zemnieki bija 1868. g. ziemā, kad trūcīgie zemnieki nesūtīja bērņus skolā, jo nebija pārtikas, ko dot līdzi.

Kāds labības daudzums 1864. g. rudenī bija daļai Ludzas apriņķa zemnieku klētīs, rāda Lendskoronas pagasta valdes sastādītais saraksts par tām 116 (no 196) zemnieku saimniecībām, kuras bija parādā valsts nodevas un izpirkuma maksas. Parāds svārstījās no 6 līdz 57 rbļ. Pēc zemes daudzuma 43 sētās bija 17-19 desetīnas, bet pārējās no 20 līdz 33 desetīnām. Ģimenes locekļu skaits svārstījās no 5 līdz 11 cilvēkiem.

3. tabula

Labības daudzums Lendskoronas pagasta
zemnieku saimniecībās 1864. g.

Labība	Ķetvertes											
	0	līdz 1	līdz 1	1	1-2	2-3	3-4	4-5	5-6	6-7	10	20
	Sētu skaits, %											
Rudzī	25,9	1,7	26,7	13,8	20,9	3,4	3,4	0,8	0,0	3,4	0,0	0,0
Mieži	6,9	2,6	25,9	12,9	25,0	12,9	7,0	0,0	1,7	1,7	1,7	1,7
Auzas	29,3	0,9	31,9	12,1	14,6	5,1	4,3	0,0	0,9	0,9	0,0	0,0

Kā rāda 3. tabula, tad apmēram vienai ceturtdaļai zemnieku labības nebija, bet tikpat daudziem tās pietika tikai vienam diviem mēnešiem. Tā kā sarakstā nav uzrādītas 80 sētas, kas bija nomaksājušas valsts nodevas, tad domājams, kā arī minētās saimniecībās bija pārdevušas visu iespējamo. Līnāpiedra

bija palikusi tikai 10 sētās: divās saimniecībās viens puds, trīs - 2 pudi, trīs - 6 pudi un divās sētās 20 pudi. Kad arī 1868. g. janvārī Landskoronas, Istras, Rundānu, Pasiēnas pagasti bija palikuši parādā izpirkuma maksu par 1867. g. 2991 rbļ. apmērā, tad mierstarpnieki lūdza atļauju guberņas zemnieku lietu komitejai nepiespiest zemniekus ar visu bardzību tūlīt samaksāt parādu, bet nedaudz pārcelt nomaksas termiņu, lai dotu tiem iespēju iegūt naudu sev izdevīgākā veidā. Pretējā gadījumā viņi pārdos jau tā niecīgo labības daudzumu.¹⁰ Mierstarpnieki, kuru pienākumos ietilpa ne tikai rūpēšanās par valsts nodokļu un izpirkuma maksas savlaicīgu nokārtošanu, bet arī apstiprināt pagastu iesniegtos lūgumus labības aizdevumiem no magazīnas, zināja, ka tās krājumi nav pietiekami, lai apmierinātu visu zemnieku vajadzības.

Zemnieki aizpēmas naudu parāda samaksai, kā arī labības iegādei maizei un sēklai. Aizdeva turīgie zemnieki, mācītāji. 1868. gada pavasarī 90,2% Viļakas pagasta saimnieki (156 no 173) aizpēmas no Jeržepoles pareizticīgā mācītāja Alekseja Popova 2098,58 rbļ. ar norunu, ka parādu atdos rudenī, bet procentus vai nu maksās vai atstrādās.¹¹ Mācītājam darba rokās bija vajadzīgas, jo viņa saimniecībā, tāpat kā ksendza un krodzinieka saimniecībās, sēja ābolu, turēja Holmogoras, Holandes un Tiroles sugas govīs. Mihalovas pagasta zemnieks Matušs Ādams bija aizdevis zemniekiem 168 rbļ. uz 6%, kā arī pārdeva viņiem labību par ceturti miežu, pēmot 8 rbļ.¹² Grūti spriest, cik plašs bija šāds augļotāju slānis, jo mūsu rīcībā ir tikai dati par gadījumiem, kad notikušas nesaskaņas parāda devēja un pēmeja starpā un jautājums izšķirts tiesas ceļā. XIX gs. 60. gados šāds aizpēmums nenovērsa saimniecības iztrupēšanu, bet tikai uz laiku to atvirzīja. 1867. g. janvārī parādu dēļ aprakstīja Istras pagasta Kopecpales 67 (no 71) zemnieku mantu, kā arī vairākas Domopoles pagasta zemnieku saimniecības. Pagasta vecākais uzaicināja turīgākos zemniekus pirkt šajās zemnieku sētās lopus, lai par iegūto naudu segtu šo sētu parādu. Guberņas zemnieku lietu komiteja 1867. g. maijā jautāja mierstarpniekiem, vai šāda mājlopu pārdošana novedīs pie minēto saimniecību pilnīgas izputēša-

nas, jo sakarā ar parādiem lopu pārdošana paredzama vēl.¹³ Mierstarpnieki atbildēja, ka Domopoles pagastā pārdotas 13 govīs, 1 zirgs, 1 aita, 1 teļš un 1 cuka, Koņecpolē 4 zirgi, 1 tele, 3 cūkas un 4 aitas. Visās šajās saimniecībās lopi vēl esot palikuši.

Guberņas zemnieku lietu komitejas bažas nebija bez pamata, jo, ja zemnieki šajos neražas gados nevarēja gūt papildu ienākumus, viņu saimniecības izputēja. Tā Landskoronas pagasta Šķaunes daļā 1864. g. bija 22 saimnieki, 1867. g. - 23, bet 1870. g. ir tikai 11 saimniecības. Iegūt šos papildu ienākumus varēja vai nu, ejot peļņā, vai arī, daļu saimniecības izrentējot. Sākot ar 1866. g., Vitebskas guberņas partiskas komisija, zemnieku lietu komiteja atkārtoti norādīja mierstarpniekiem, ka nepieciešami sekmēt peļņā iešanu.¹⁴ Mierstarpnieku darbība šajā virzienā bija visai aktīva. Viņi gan lūdza pagastiem sastādīt to zemnieku sarakstus, kas var iet peļņā, gan ievāca ziņas par darbaspēka pieprasījumu dažādiem būvdarbiem. 1868. g. vasarā peļņā aizgāja 28 Rundānu pagasta zemnieki. Uz Kijevas-Baltijas dzelzceļa zemes darbos strādāja 121 zemnieks no Pildas pagasta, 40 no litavnieku un 127 no Eversmuižas pagasta.¹⁵ Pēc vairākiem atteikumiem pieņemt darbā zemniekus ziemas mēnešos mierstarpnieks N. Klimovs 1868. g. decembrī saņēma vienīgo pozitīvo atbildi no Daugavpils-Vitebskas dzelzceļa būves pārvaldes Rīgā, proti, ka tā pieņem zemes darbos ziemas mēnešos 60 cilvēkus ar šādiem noteikumiem: zemniekam uz sava rēķina jāierodas darbavietā, alga 35 kap. sudr., jādzīvo savā maizē.

Tā kā sarakste ne vienmēr deva gaidītos rezultātus, tad 1868. g. novembrī mierstarpnieks uzdeva Landskoronas pagasta zemniekam O. Mizitim, jau pieredzējušam peļņā gājējam, sameklēt darbu tiem, kas nespēja samaksāt parādus. Kārtodams šo jautājumu, Mizitis ziemu nodzīvoja Vitebskā. Savā 1869. g. marta mierstarpniekam Klimovam adresētajā vēstulē ar lūgumu sagatavot pilnvaras līguma slēgšanai viņš atzīmējis, ka darba spēka pieprasījums aug un darba alga kļūst lielāka; par 7 mēnešu darbu no 1. aprīļa līdz 1. novembrim varot saņemt līdz 80 rbļ., avansā - 35 rbļ.¹⁶ Var piebilst, ka 1868. g. vasarā

rokas nauda svārstījas no 16 līdz 29 rbļ. Darba algas avansam bija liela nozīme, jo no tā jau pavasarī sedza daļu saimniecības parāda. Pēc vienošanās ar darba devēju zemnieku vasarā nopelnīto naudu rudenī pārsūtīja uz pagasta valdi saimniecības parāda dzēšanai. 1869. g. martā Rundānu pagasta vecākais G. Semjonovs, atskaitījis zemnieku parādu, atdeva iepriekšējās vasaras 28 peļņā gājējiem viņu nopelnīto naudu no 0,50 līdz 30 rbļ. katram. Mierstarpnieks pārmeta Semjonovam, ka šāda steiga bijusi nevietā, jo viņš ar darba devēju vēl nav pilnībā norēķinājies, nav pārbaudījis zemnieku parādus.¹⁷ Pagasta vecākais, būdams ieinteresēts, lai pagastam samazinātos lielais maksājumu parāds (4847 rbļ.), centās palielināt peļņā gājēju skaitu. Atdodams nopelnīto naudu, viņš nenoliedzami sekmēja zemnieku ieinteresētību šajā peļņas veidā. 1869. g. pavasarī no Rundānu pagasta peļņā aizgāja 137 (iepriekšējā gadā 28), no Pasienes - 50 zemnieki.¹⁸ Rudenī Rundānu pagasta zemnieki samazināja savu maksājumu parāda summu par 1766 rbļ.¹⁹

Lai palielinātu peļņā gājēju skaitu no Pasienes pagasta, mierstarpnieks Engelharīts 1871. g. piedraudēja pagasta valdei, ka, ja zemnieki nonomaksās parādus, tad tiks izpārdots ne tikai kustamais īpašums, bet par sodu pa zemnieku mājām izvietos karavīrus.²⁰ 1872. g. no Eversmuižas pagasta peļņā gāja ap 150 cilvēku. Viena cilvēka peļņa vasaras un rudens mēnešos nepārsniedza 60 rbļ.²¹

Tādējādi XIX gs. 60. gadu beigās sakarā ar dzelzceļu un sauszemes ceļu būvi auga pieprasījums pēc darba rokām, bet neražas dēļ uzkrājušies saimniecību parādi sekmēja tā nodrošinājumu.

Otra iespēja novērst zemnieku saimniecību izputēšanu bija izrentēt daļu zemes. Rentnieks apņēmās maksāt visas valsts nodevas par rentēto zemi, kā arī pildīt citas pagasta prasības šķērtis. Rentes maksāšanas kārtību noteica pagasta valde, ar to dzēšot saimnieka parādu. Tie parasti bija ilgtermiņu rentes līgumi, kuriem pievienoja arī piezīmi, ka, ja saimnieks pēc termiņa notecēšanas gribēs atjaunot līgumu par augstāku renti un pašreizējais rentnieks būs ar mieru to maksāt, viņam

ir pirmās rokas tiesības.²² Tādējādi tika nodrošināta rentnieka ieinteresētība rūpīgi apstrādāt zemi un kārtīgi pildīt pagasta uzliktos pienākumus. Šāda rentnieku slāņa izveidošana parādu dzēšanai novērsa strauju zemnieku saimniecību izūtrupēšanu, zemes koncentrāciju turīgās zemniecības rokās, bezzemnieku skaita palielināšanos. Valdība ar feodālismam raksturīgiem paņēmieniem centās uz laiku nostiprināt zemnieku saimniecību, dodot tai iespēju pielāgoties jaunām kapitālistiskām prasībām.

XIX gs. 60.-70. gados daļai zemnieku saimniecību tas arī izdodas. Tā kā graudaugu raža reti kad bija virs tās normas, kad pietika labība sēklai un pārtikai un varēja atlicināt kādu mazumiņu pārdošanai, bet lopkopība bija vāji attīstīta un nepieciešamības spiesti zemnieki pārdeva vienīgi trīsgadīgas govīs par 15-25 rbļ., tad par šādu tirgus kultūru XIX gs. 60. gadu otrajā pusē kļuva līni. Analizējot to linsēklu daudzumu, kas 1864. g. oktobrī atradās 116 Landskoronas saimnieku klētīs (sētas lielums no 17 līdz 33 desetīnām), jādoma, ka linus pārdošanai audzēja vēl maz: 25 (21,5%) saimniekiem nav linsēklu, bet 40 (34,5%) saimnieki izsēja 4-6 garnīcas, kas deva apmēram 6-8 pudus linsēkledru, t. i., ap 25-35 rbļ.²³

4. tabula

Linsēklu daudzums Landskoronas pag. 1864. g.²⁴

Daudzums	Ķetverīki										Ķetvertes	
	0	līdz 1	1	1-2	2-3	3	3-4	5	6	1	1-2	
Sētu skaits %	21,5	34,5	3,4	22,4	0,9	11,2	0,9	-	3,4	0,9	0,9	

XIX gs. 70. gadu sākumā šādu daudzumu linus izsēja jau zemnieks, kura aramzeme bija tikai 3 desetīnas, bet uz 10 desetīnām aramzemes (visa zemnieka zeme 21-25 desetīnas) - 3 ķetverīkus. Lai pie šāda izsējas daudzuma neaizņemtu $\frac{1}{3}$ no vasarāja tīruma, kā arī, lai palielinātu linu sējumus, turīgākie zemnieki sāka rentēt linu zemi no muižas. Zaļmuižas pagastā, kas bija turīgākais Ludzas apriņķī, 21 desetīnu liela saimniecība uz savas un rentētās zemes izsēja 1 ķetverti vai 1 ķetverti 7 ķetverīkus linsēklu, iegūstot ap 4 birkaviem

linšpiedru.²⁵

Linkopības attīstība prasīja lielāku darba roku daudzumu, kā arī, papildus rentējot zemi, pietiekamu zirgu skaitu. Ja darba roku Ludzas apriņķī netrūka,²⁶ tad zirgu skaits ne vienmēr bija pietiekams. Istalsnas pagasta zemnieki uzskatīja, ka, ja 20 desetinas liela saimniecība (ap 10 desetinas aramzeme) gribēja rentēt papildus zemi, tad nepieciešami 4 zirgi. Zaļmuižas pagastā, ja šāda lieluma saimniecībā bija 3 darba zirgi, tās īpašnieki papildus rentēja līniem no 1 līdz 1,5 desetinām. Tas atbilst arī XIX gs. otrās puses ekonomistu aprēķiniem, proti, ka ar vienu zirgu var apstrādāt 5 desetinas aramzemes.²⁷ Pēc 1870. g. mierstarpniekiem iestītajiem datiem Baltinavas pagastā uz 1 zirgu bija 3 desetinas aramzemes, Balvu - 4, Mihalovas - 4,2, Viļakas, Lītavnieku - 5,2, Kārsavas - 5,3, Zvirgzdenes - 5,4 desetinas. Baltinavas un Balvu pagastā visai plaši nodarbojās ar linkopību un, spriežot pēc zirgu skaita, līnus sēja arī uz papildus rentētās zemes. Līnus pārdeva Ludzā uzpircējiem, bet Zaļmuižas pagasta zemnieki tos veda pat uz Rīgu. Šie pagasti izcēlās ar savu turību. Neražas gados Balvu pagasts labību no magazīnas aizdeva citiem pagastiem, kam tā bija nepieciešama. Šo pagastu zemnieki labību vajadzības gadījumā arī pirka. Valsts parādu nomaksas nolūkos viņi savus zemniekus peļņā nesūtīja. Par pagastiem, kur uz vienu zirgu bija 5 desetinas aramzemes, mierstarpnieki rakstīja Vitebskas guberņas zemnieku lietu komitejai, ka tajos maz lopu un tādēļ maksājumus kārto ar grūtībām.

Kur šādos pagastos zemnieki ieguva līdzekļus izpirkuma maksas un valsts nodokļu samaksai, visai uzskatāmi rāda Rundānu pagasta Bišmuižas zemnieku sastādītais pārskats par 1311 rubļ. lielās parādu summas nomaksu 1868. g. rudenī: 18,4% saimnieku ieguva līdzekļus, pārdodot līnus, 18,4% - lopus, 4,0% - līnus un lopus, 49,0% - ejot peļņā un 10,2% - pārdodot līnus un ejot peļņā.

No teiktā redzams, ka XIX gs. 60.-70. gados Ludzas apriņķī sāka veidoties kapitālistiskā preču saimniecība, rīt specializācija linkopībā, pie kam šis process straujāk ritēja

tajos pagastos, kur bija lielāks zirgu skaits. Rezultātā veidojās sakarība starp aramzemes daudzumu un 1 zirgu, rentēto zemi un pēlpā iešanu parādu dēļ. Visi trīs komponenti XIX gs. 60.-70. gados bija cieši saistīti ar zemnieku saimniecības ienākumiem.

¹ Чернуха В. В. Крестьянский вопрос в правительственной политике России /60-70-е гг. XIX в./ - Л., 1972; Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе : 1861-1880 гг. - М., 1978; Будаев Д. И. Разложение крестьянства Смоленской губернии в пореформенный период. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории восточной Европы, 1963 г. Вильнюс, 1964, с. 626-635; Brežģo В. Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atcelšanas 1861.-1914. - R., 1954; Брежго В. Р. Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии 1577-1907. - Рига, 1956; Babris J. 1861. gada 19. februāra reforma un zemnieku nemieri Latgalē. - LPSR ZA Vēstis, № 6, 3.-13. lpp.; Бабрис Я. Сельское хозяйство Латгалии в 60-70-х годах XIX в. - В кн.: Очерки экономической истории Латвии 1860-1900 / Под ред. М. И. Козина. Рига, 1972, с. 88-106.

² Latvijas PSR Centrālais Valsts vēstures arhīvs, 728. f., 1. apr., 6. lieta, 44 lp. (turpmāk: LPSR CVVA).

³ Отмена крепостного права : Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861-1862. - М.; Л., 1950, с. 253.

⁴ LPSR CVVA, 729. f., 1. apr., 29. lieta, 43-51. lpp.

⁵ Turpat, 727. f., 1. apr., 11. lieta, 136. lpp.

⁶ Turpat, 6548. f., 2. apr., 133. l., 5. lp.; 729. f., 1. apr., 31. l., 112. lp.; 34. l., 6. lp.; 727. f., 1. apr., 16. l., 56.-58. lp.

⁷ Turpat, 727. f., 1. apr., 17. l., 120. lp.

⁸ Turpat, 730. f., 1. apr., 4. l., 111.-118. lp.; 729. f., 1. apr., 34. l., 6. lp.; 727. f., 1. apr., 16. l., 56.-58. lp.

⁹ Turpat, 729. f., 1. apr., 27. l., 12.-24. lp.

¹⁰ Turpat, 729. f., 1. apr., 53. l., 28. lp.

¹¹ Turpat, 727. f., 1. apr., 18. l., 132.-133. lp.

¹² Turpat, 730. f., 1. apr., 7. l., 115.-117. lp.

¹³ Turpat, 16. l., 13. lp.

14 Turpat, 729. f., 1. apr., 29. l., 40. lp.

15 Turpat, 728. f., 1. apr., 8. l., 67. lp.

16 Turpat, 729. f., 1. apr., 120. l., 9. lp.

17 Turpat, 4.-5. lp.

18 Pasienes un Rundānu pagasta zemnieki strādāja Jeļeckas-Orlas dzelzceļu būvē no 1869. g. 1. maija līdz 1. novembrim. Maijā, jūnijā un jūlijā darbs sākās 3⁰⁰ no rīta un ilga līdz 20⁰⁰ vakarā ar 2 1/2 stundu ilgu pārtraukumu pusdienām un atpūtai, ar augustu bija jāstrādā no 3³⁰ līdz 19⁰⁰, atpūta vairs nebija paredzēta, septembrī no 4⁰⁰ līdz 18⁰⁰, oktobrī no 5⁰⁰ līdz 17⁰⁰. Par nokavētajām dienām uzņēmējs ieturēja 50 kapeikas uztura naudas. Viņš sedza arī ceļa izdevumus, deva darba rīkus, dzīvokli, pirti (LPSR CVVA, 729. f., 1. apr., 120. l., 13.-14. lp.).

19 LPSR CVVA, 729. f., 1. apr., 33. l., 20. lp.

20 Turpat, 728. f., 1. apr., 11. l., 27. lp.

21 V. Kapsukasa Viļņas valsts universitātes Zinātniskās bibliotēkas Retumu nodaļa. A 61, 10961 (turpmāk: VVU RN).

22 LPSR CVVA, 728. f., 1. apr., 30. l., 26. lp.

23 Par 21 desetinās lielu saimniecību, kuru apsaimniekoja 8 cilvēku liela ģimere, ikgadējo valsts nodokļu un izpirkuma maksājumu summa bija a. 45 rbļ.

24 LPSR CVVA, 729. f., 1. apr., 27. l.

1 četverte = 3 pudī =

8 četveriki = 64 garnicas.

25 Līnu cena XIX gs. 70. g. sākumā 35-60 rbļ. birkavā (VVU RN A 61, 10960; Архив географического общества СССР, ф. II, оп. I, д. 4).

26 Ефремова Л. С. Латышская крестьянская семья в Латгале 1860-1939. - Рига, 1982, с. 63-64.

27 Короленко С. А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих. - С-Пб., 1892, с. 417.

O. Niedre

FEODĀLISMA PALIEKU IETEKME BALTIJAS ZEMNIEKU
SAIMNIECĪBĀS XX gs. SĀKUMĀ

Kapitālisms no feodālisma mantoja muižniecību un zemniecību, muižnieku un zemnieku saimniecības. Kapitālisma attīstība cieši saistās ar abu šo bijušās feodālās iekārtas pamatšķiru tālākas transformācijas procesu, kura sākumi rodami feodālisma iekārtas norieta periodā. Padomju vēsturnieki J. Kovaļčenko, P. Rindzjūnskis un citi pierādījuši, ka konkrētajos Krievijas apstākļos, tāpat kā lielākajai daļai Eiropas zemju, kapitālistiskā transformācija straujāk un ātrāk notika zemnieku saimniecībās.¹ Irstot naturālajai saimniecībai, pēdējās vīglāk varēja piemēroties kapitālistiskā tirgus mūžīgi mainīgajām prasībām, ālgota darba izmantošanai turīgākajās saimniecībās. Muižnieku saimniecību pārkārtošanās notika lēnāk. To kavēja gan nebrīvā darba tradīcijas, ko ilgu laiku centās saglabāt dažādajās atstrādāšanas formās, gan feodālā uzpēmēja psiholoģija, kas kavēja plašāku kapitālieguldījumu izdarīšanu muižas saimniecībās, gan vēl daži citi apstākļi.

Padomju Latvijas un Igaunijas vēstures literatūrā minētais jautājums aplūkots darbos, kas atsedz muižnieku zemes īpašuma pusfeodālo raksturu un pusdzimtbūtnieciskās ekspluatācijas formas muižu saimniecībās.²

Šajā rakstā autors raksturo feodālisma palieku ietekmi zemnieku saimniecībās konkrētajos Baltijas XX gs. sākuma apstākļos, uzsverot dažus līdzšinējā vēstures literatūrā mazāk skartus momentus. Kā avotus autors izmanto dažādus publicētus un nepublicētus statistiskos materiālus. Feodālisma palieku saglabāšanos veicina muižnieku privilģētā zemes īpašuma saglabāšanās, kā arī muižnieku un zemnieku saimniecību savstarpējās saistības saglabāšanās, kas, būdama raksturīga feodālisma sabiedrībai, daļēji turpinājās tā saucamajā pārejas sistēmā, "kas sevi apvienoja kā klaušu, tā kapitālistiskās sistēmas pazīmes".³ V. I. Ļepins uzsver, ka, neskatoties uz bezglā daudzveidīgām formām, minēto sistēmu raksturo "divu

pamatsistēmu, proti, atstrādāšanas sistēmas un kapitālistiskās sistēmas, visdažādākā kombinācija".⁴ Pirmo, t.i., atstrādāšanas sistēmu raksturo zemes apstrādāšana "ar apkārtnējo zemnieku inventāru, pie kam maksas forma negroza šās sistēmas būtību (vai nu tā būs maksa naudā - kā tas ir, līgšot pēc padarītā darba, - vai maksa produktā - kā tas ir, atstrādājot uz pusgrauda, - vai maksa ar zemi vai servitūtiem - kā tas ir, atstrādājot vārda šaurā nozīmē)".⁵ Šī saistīte daļēji turpināja saglabāties arī XX gs. pirmajos divos gadu desmitos. 1898. g. Vidzemes guberņas iekšējos apriņķos muižu saimniecībās 5% lauksaimnieciski izmantojamās zemes apstrādāja pusgraudnieki, bet 1912. g. 10%.⁶ Pēteris Stučka šai sakarā 1911. g. beigās rakstīja: "Ar skaitļiem rokās mēs par Baltiju nevaram nekā pierādīt, vai pie mums norisinās lauksaimniecību decentralizācija vai koncentrācija. ... pie mums (kā arī Vācijā utt.) arvien jāievēro, ka muižas ir junkuru saimniecības ar dažādām priekšrocībām un bez kapitālistiskās peļņas normas aprēķiniem. Un pat tagad tikai ļoti reti muiža varēs skaitīties par paraugu racionālā saimniecībā."⁷ Pusgrauds pēc būtības visvairāk saglabāja kļaušu saimniecības paliekas un bija it kā starpposms starp tā saucamo pirmā veida atstrādāšanu, kad zemnieks veica ar savu inventāru kļaušas muižas tīrumā, un otrā veida atstrādāšanu, kad zemnieks par zemes gabala izmantošanu strādāja muižas tīrums ar muižas inventāru. Atsevišķos gadījumos XX gs. turpina saglabāties arī tieša pirmā veida atstrādāšana. Pēc pagasta tiesas materiāliem Vidzemes guberņas Annas pagasta Otes muižas "Zāles" māju 2 nomnieki 1914./15. saimniecības gadā katrs maksā 20 rubļu naudā, muižas laukos izved un izārda mēslus uz 1 pūrvieta zemes, nopļauj un nokopj 4 pūrvieta āboliņa, 9 pūrvieta siena, 2 pūrvieta rudzu, 4 pūrvieta auzu, 1 pūrvieta kartupeļu, kā arī nokalpo pēc pieprasījuma 15 vīriešu un 15 sievietes dienas.⁸ 1904. gadā līdzīgs gadījums konstatēts Tērbatas apriņķī.⁹ Baltijas ģenerālgubernatora kancelejas 1906. g. sastādītajā raksturojumā norādīts, ka šāda tipa līgumos tiek paredzēta naudas noma, ko nomas devējs var likt aizvietot ar darbiem, naudas noma un padarāmie darbi vai arī

tikai darbi, ko veic nomnieks.¹⁰ Minētā norāde liecina par pirmā veida atstrādāšanas zināmu saglabāšanos reģionā.

Otram atstrādāšanas veidam raksturīgākais tips ir zemes un meža kalpu saimniecības, kuru turētāji strādāja muižas darbos pamatā ar muižas inventāru, kā arī dažādie muižas kalpotāji, it sevišķi mežsargi, kuri kā atalgojumu saņēma zemi. 1898. g. Vidzemes guberņas iekšējos apriņķos šāda tipa saimniecības izmantoja 25,4% no muižu pašsaimniecību un atstrādāšanas nomā izdotās lauksaimnieciski izmantojamās zemes, bet 1912. gadā - 25,5%.¹¹

Jaunajos apstākļos, kad zemnieku saimniecību ar muižas saimniecību vairs nesaistīja ārpusekonomiskie spaidi, dažāda veida atstrādāšanas nomas cēlopi bija ekonomiska rakstura: zemes trūkums, kas spieda zemniekus samierināties ar atpalikušajām pusdzimtbūtnieciskajām nomas formām ("lielie zemes īpašnieki tāpat kā viduslaikos pusdzimtbūtnieciski ekspluatē apkārtējos sīkzemniekus")¹², daļa muižu saimniecību nespēja pāriet uz pilnīgu kapitālistisku saimniecības sistēmu, kas spieda muižniekus saglabāt šīs formas (minētās nespējas cēlopi Baltijā daļēji noskaidroti igauņu vēsturnieka T. Rozenberga pētījumā)¹³.

Jāatzīmē, ka iepriekšminētā pusgraudnieku darba izmantošana samērā plaši pastāvēja arī zemnieku saimniecībās. 1898. g. Vidzemes guberņas iekšējā daļā 1738 zemnieku saimniecības daļu zemes izdeva pusgrauda nomā, bet 932 izmantoja zemes kalpu darbu.¹⁴ Pusgrauds kā nomas forma zemnieku saimniecībās turpināja saglabāties arī 20. un 30. gados un, tāpat kā mežsargu atalgošanu ar zemi, to likvidēja tikai 1940. g. pēc buržuāzijas kundzības gāšanas Baltijā.¹⁵ Pusgraudnieku un zemes kalpu izmantošanu kā viduslaicīgu, kapitālisma attīstību muižnieku saimniecībā bremsējošu formu atzīmē tādi baltvācu publicisti un pētnieki kā Ā. Agte un B. Markvarts un citi.¹⁶

Pusgraudu kā nomas sistēmu zemnieku saimniecībās visai bieži izskaidro ar lielajiem izpirkšanas parādiem un līdzekļu trūkumu paplašinātai kapitālistiskai atražošanai uz visas zemes. Tāds pieņēmums atbilst V. I. Ķepina norādījumam par kapitālisma attīstības formām ASV lauksaimniecībā; "lielražo-

šana izstumj sīkražošanu tādējādi, ka fermas, kas ir "sīkākas" pēc zemes platības, bet ražīgākas, intensīvākas un kapitālistiskākas, izstumj pēc zemes platības "lielākās", bet mazāk ražīgās, mazāk intensīvās un mazāk kapitālistiskās fermas".¹⁷ Otra būtiskākā feodālisma palieka Baltijas zemnieku saimniecībās meklējama šo saimniecību lielumā, kas atbilda feodālisma perioda beigu posmā (XIX gs. pirmā pusē) pastāvošās klaušu saimniecības vajadzībām. Pārejot uz kapitālistisko saimniekošanas sistēmu, daudzas no iepirktajām zemnieku saimniecībām bija pārāk lielas, lai visā platībā attīstītu intensīvu saimniecību. Līdz 1912. g. likumdošana Vidzemes guberņā ļoti ierobežoja zemnieku saimniecību daļēju pārdošanu vai hipotekāru sadalīšanu. Apejot likumdošanu, veidojās tā saucamās daļu saimniecības, kuru īpašniekiem piedēvēja tā saucamā ideālā puse no hipotekāri nesadalītas saimniecības. Šādu saimniecību skaits tikai to vidū vien, kuras laikā no 1907. līdz 1915. g. zemes pirkšanai vai samaksai par iepirkto zemi sapēma aizdevumus no Zemnieku zemes bankas, Vidzemes guberņā no 7320 saimniecībām sastādīja 11,31%, bet Igaunijas guberņā no 8191 saimniecības - 6,79%.¹⁸ Cerībā pēc kāda laika paplašināt savas saimniecības platību zemnieki - zemes īpašnieki daļu zemes iznomāja naudas vai atstrādāšanas (pusgrauda) nomā. Pēdējā savukārt bremsēja kapitālisma attīstību zemnieku saimniecībās (zemais pusgraudnieku darba ražīgums, sliktais inventārs, tendence pēc iespējas izsūkt zemi).

Dažādas atstrādāšanas nomas formas jāuzskata par nopietnāko feodālisma palieku Baltijas zemnieku saimniecībās. Rezultātā šeit XX gs. pirmajos divos gadu desmitos un daļēji pat trešajā un ceturtajā gadu desmitā turpināja pastāvēt šī pusdzimtbūtnieciskā sīkzemnieku ekspluatācijas forma. 1940. g. Padomju Latvijā pusgraudu likvidēja, tā realizējot V.I. Ļeņina norādījumu: "Proletariāta valsts uzdevums ir noņemt sīkzemnieku nomātās zemes bijušajiem rentniekiem bezmaksas lietošanu, jo nav citas ekonomiskās un tehniskās bāzes un uzreiz to radīt nevar."¹⁹

- 1 Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. - М., 1967; Рьндзюнскій П. Г. Утверждение капитализма в России, 1850-1880 гг. - М., 1978.
- 2 Очерки экономической истории Латвии /1900-1917. - Рига, 1968; Balevica L. Lauksaimniecība Vidzemē un Kurzemē pirms pasaules kara priekšvakarā. - R., 1970.
- 3 Jēpins V. I. Kapitālisma attīstība Krievijā. - Raksti, 3. sēj., 160. lpp.
- 4 Turpat.
- 5 Turpat.
- 6 Aprēķināts pēc: Главнейшие данные о землях проданных и непроданных в Лифляндской губернии за 1898 год. - Петербург, 1903, Таблицы, с. 24-25, 32-33; Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР, ф. II85, оп.2, д.144.
- 7 Stuška P. Sīksaimniecības zemkopībā. - Rakstu izlase. R., 1978, 2. sēj., 31. lpp.
- 8 Latvijas PSR Centrālais Valsts vēstures arhīvs, 1719. f., 18. apr., 44. lieta, 7. lapa.
- 9 История Эстонской ССР. - Таллин, 1966, т. 2, с. 353.
- 10 К вопросу о положении безземельных крестьян Прибалтийских губерний. - В. м., б. г., с. 34-35.
- 11 Aprēķināts pēc 5. atsaucē norādītajiem avotiem.
- 12 Jēpins V. I. Tēzu pirmuzmetums par agrāro jautājumu. - Raksti, 31. sēj., 133. lpp.
- 13 Розенберг Т. О социальном расслоении крестьянства в южной Эстонии в конце XIX века. - Таллин, 1980.
- 14 Главнейшие данные..., Таблицы, с. 10-11.
- 15 Žagars E. Sociālistiskie pārveidojumi Latvijā 1940.-1941. - Rīga, 1975, 127. lpp.
- 16 Sīkāk par baltvācu autoru uzskatiem šai jautājumā: Ниедре О. Два подхода прибалтийско-немецких историков к аграрным проблемам Прибалтики начала XX века. - В кн.: Сборник научных трудов: Германия и Прибалтика. Рига, 1983, с. 103-108.
- 17 Jēpins V. I. Jauni dati par kapitālisma attīstības likumiem zemkopībā. - Raksti, 22. sēj., 65. lpp.
- 18 Aprēķini izdarīti pēc: Отчет Крестьянского поземельного банка за 1907 г. - СПб., 1909; ... за 1910 г. - СПб., 1911; ... за 1911 г. - СПб., 1912; ... за 1912 г. - СПб., 1913; ... за 1913 г. - СПб., 1914; ... за 1914 г. - Петроград, 1915; ... за 1915 г. - Петроград, 1916.
- 19 Jēpins V. I. Tēzu pirmuzmetums par agrāro jautājumu, 133. lpp.

РЕЗЮМЕ СТАТЕЙ

А.Радинш. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД В КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТГАЛОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ПЯТЫХ СТОЛЕТИЙ

В статье охарактеризован курганный погребальный обряд на основе анализа материала 6-ти археологически исследованных могильников XI-XIV вв. - Батни, Грейвули, Куцини, Патмальниеки, Рикополе, Цакули /Резекненский район/. Число насыпей в одном могильнике колеблется от нескольких десятков до нескольких сотен. Форма курганов круглая или немного продолговатая. Их диаметр обычно 5 - 7 м, высота 0,3 - 0,9 м. Насыпи редко достигают 10 м в диаметре и редко превышают 1 м в высоту. Курганы нередко опоясаны ровиком. Ровик является не только источником песка для сооружения насыпи, но может иметь ритуальное значение. В насыпях на различных глубинах находят угольки, а в основании насыпей прослойку серой земли толщиной 0,05 - 0,15 м со следами пепла и углей. В этой прослойке возможны деревянные конструкции. Курганы обычно содержат одно, изредка два погребения ниже древнего горизонта. Четырехугольные и овалыные погребальные ямы имеют длину 1,9 - 2,5 м, ширину 0,5 - 1,2 м, глубину 0,2 - 0,9 м. В курганах представлены погребения с труположениями, а также символические погребения /редко/. В инвентаре погребений - украшения, оружие и предметы труда. Соблюдается противоположная ориентировка - мужчин хоронили головой на восток, женщин - на запад /возможны отклонения/. Исключения чрезвычайно редки. Анализ показывает, что курганный погребальный обряд на территории латгалов более многообразен и сложен, чем было принято считать до сих пор.

В.Павуланс. МОРЕХОДСТВО ЛАТВИЙСКИХ НАРОДНОСТЕЙ В ЭПОХУ РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Давние традиции мореходства на Балтике, особенно с появлением раннего города /700-1100 гг./, общеизвестны. Накопи-

лось огромное количество литературы, особенно о мореходстве викингов. Однако вопрос о мореходстве народностей Латвии в период с IX по XIII в. практически не исследован. На основе разного рода повествовательных источников автор данной статьи констатирует, что мореходство этих народностей имело немаловажное значение и что в его развитии можно выделить два периода: первый - полулегендарный, до X века, второй - исторический, с X до начала XIII в.

С большой уверенностью можно говорить об активизации куршского мореходства в X веке. Есть все основания полагать, что в это время курши посещали берега Дании и континентальной Швеции. Морской разбой куршей усиливался в XI веке; тогда датские конунги были вынуждены организовать специальную морскую стражу против нападений вендов и других народов Восточного пути, а также куршей. Одновременно росло значение торговли. Очень тесные связи установились с о. Готланд, с которым курши всегда поддерживали мирные отношения. В период с XI по начало XIII века можно наблюдать преобладание некоторых прибалтийских народностей - куршей, эстов /особенно сааремаасцев/ - в восточной части Балтийского моря. Начинается как-бы "эпоха викингов" прибалтийских народностей. Дальнейший процесс развития местного мореходства был прерван экспансией немецких купцов и феодалов. Однако и после захвата территории Латвии немецкими феодалами некоторые традиции местного судоходства сохранились. Вопрос о роли земгалов и ливов в балтийском мореходстве остается открытым из-за недостатка источников.

О.Ниедре. ВЛИЯНИЕ ОСТАТКОВ ФЕОДАЛИЗМА НА ПРИБАЛТИЙСКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ХОЗЯЙСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Автор освещает влияние остаточных явлений феодализма на внутренний механизм крестьянского хозяйства в начале XX века. Основной причиной сохранения остатков феодализма является существование мизного хозяйства, которое не могло обойтись без полукрепостнических форм эксплуатации крестьян. В резуль-

тате этого сосуществовали сложные комбинации отработочной и капиталистической формы ведения хозяйства. Наиболее распространённой системой была испольщина, а также разные формы натуральной и полунатуральной оплаты труда батраков. В статье указано на распространение упомянутых систем также в крестьянских хозяйствах, в которых они сохранились вплоть до 1940 г.

И.Лейнасаре. КРЕСТЬЯНЕ ЛУДЗЕНСКОГО УЕЗДА НА СТЫКЕ
ФЕОДАЛИЗМА И КАПИТАЛИЗМА /60 - 70 гг. XIX в./

С целью более детального изучения аграрных отношений в пореформенный период в восточной части Латвии /Латгале/, в частности, процесса товаризации крестьянского хозяйства, нами было предпринято исследование документов, хранящихся в фондах мировых посредников Люцинского уезда. Исследование этого вопроса сопряжено с большими трудностями. Они порождены тем, что не только не существовало учета товарной продукции, но и данные о посеве и сборе урожая, которые позволили бы косвенным путем решить этот вопрос, сохранились далеко не полностью.

В соответствии с указом от 1 марта 1863 г. крестьяне в Латгалии с 1 мая того же года в обязательном порядке переводились на выкуп. Возникали новые хозяйственные расходы. Крестьянину нужны были деньги, и он должен был продавать либо продукты сельскохозяйственного производства, либо свою рабочую силу. 60 - 70 гг. XIX в. были очень трудными для лудзинских крестьян /неурожаи/. В таких условиях основная масса крестьянских хозяйств не могла производить даже незначительное количество товарного хлеба. В конце 60-х годов в тех хозяйствах, где было в достаточном количестве лошадей и крестьяне могли арендовать добавочно землю, товарной культурой становился лен. Сравнительно быстро развивается и отходничество. Автор приходит к выводу, что между количеством пахотной земли на одну лошадь, арендной земли под посевы льна и отходничеством существовала определенная связь.

MŪSU AUTORI

- E.GUDAVIČUS, V.Kapsukas Viļņas Valsts universitātes Vēstures fak. doc., vēst. zin. kand.
- N.GUSAKOVA, V.I.Ļeņina Baltkrievijas Valsts universitātes Vēstures fak. doc., vēst. zin. kand.
- J.IVONINS, V.I.Ļeņina Baltkrievijas Valsts universitātes Vēstures fak. doc., vēst. zin. kand.
- I.LEINASARE, P.Stučkas Latvijas Valsts universitātes Vēstures un filozofijas fak. doc., vēst. zin. kand.
- I.MISĀNS, P.Stučkas Latvijas Valsts universitātes Vēstures un filozofijas fak. vec. pasn.
- O.NIEDRE, LPSR CK Partijas vēstures institūta vec. zin. līdzstr., doc., vēst. zin. kand.
- V.PĀVULĀNS, P.Stučkas Latvijas Valsts universitātes Vēstures un filozofijas fak. doc., vēst. zin. kand.
- A.RADINŠ, Latvijas PSR Vēstures muzeja vec. zin. līdzstr.
- A.SALMINŠ**, Daugavpils pedagoģiskā institūta Filoloģijas fak. doc., vēst. zin. kand.

SATURA RĀDĪTĀJS

A.Radinš. Apbedīšanas paražas uzkalnīpu senkapos latgaļu teritorijā II gadu tūkstoša pirmajā pusē (pēc Rēzeknes rajona materiāla)	5
V.Pāvulāns. Latvijas tautību kugniecība agrā feodālisma laikmetā	17
Э.Гудавичюс. По поводу так называемой "диархии" в Великом княжестве Литовском	35
И.Мисанс. Дер.жная политика городов на ливонских ландтагах с конца XV в. по 1561 г.	45
Ю.Е.Ивонин. Английская политика в Балтийском регионе в первой половине XVI в.	79
Н.А.Гусарова. Чешское и моравское сукно на рынках Великого княжества Литовского в XVI-XVII вв.	95
A.Салминь . У истоков латышской школы	106
I.Leinasare. Ludzas apriņķa zemnieki feodālisma un kapitālisma krustcelēs (XIX gs. 60.-70.gadi)..	128
O.Niedre. Feodālisma palieku ietekme Baltijas zemnieku saimniecībās XX gs. sākumā	139
Резюме статей	144
Mūsu autori	147

ФЕОДАЛИЗМ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1985

На латышском и русском языках

FEODĀLISMS BALTIJAS REĢIONĀ

Zinātnisko rakstu krājums

- Recenzenti: T.Zeids, LPSR ZA Vēstures institūta
Feodālisma vēstures daļas
vadītājs, vēst. zin. kand.;
- R.Brambe, LPSR ZA Vēstures institūta
Feodālisma vēstures daļas
vec. zin. līdzstr., vēst.
zin. kand.;
- I.Grasmane, LVU PSRS vēstures katedras
doc., vēst. zin. kand.

Redaktors: A.Rolova, R.Pavlova, I.Audriņa
Tehniskā redaktore A.Jakoviča
Korektore I.Balode

Parektīts iespiešanai 15.03.85. JT 09057 Papīra formāts
60x84/16. Papīrs nr. 1. 9,5 fiz.iespiedl. 8,8 uszk.iespiedl.
7,2 uszk.izdevn.1.Metiens 400 eks.Pasūt.nr. 388 Maksā 1,10

P.Stučkas Latvijas Valsts universitāte
226098 Rīgā Raiņa bulv. 19
Iespiests P.Stučkas LVU tipogrāfijā
226050 Rīgā, Veidenbauma ielā 5